

М59

Ф. Михайлов

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

Старейшине советских горняков,
первому Почетному шахтеру Кара-
ганды Бекбусыну Сихимбаеву с лю-
бовью посвящаю эту книгу,

Автор

Ф. МИХАИЛОВ

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Алма-Ата - 1958

ОТ АВТОРА

Солнечным, горючим камнем называют в народе уголь. Миллионы лет копилась благодатная энергия солнца в черном окаменевшем золоте, чтобы вспыхнуть ярким ослепительным пламенем в мартенах и домнах, в топках электростанций и паровозов, давая жизнь заводам и фабрикам, вращая турбины и приводя в движение поезда!

Сегодняшняя наша шахта напоминает подземный завод. К уголю на всем его большом пути — от забоя до погрузки в железнодорожные вагоны на поверхности — не прикасается рука человека. Именно такими подземными заводами стали шахты Караганды — третьей угольной базы СССР.

Караганда, с ее сказочно стремительным разбегом, с ее цветущей молодостью — гордость нашей республики, да и по всей стране гремит трудовая слава казахстанского города шахтеров. Но всем ли известно прошлое Караганды, ее шестидесятилетняя дореволюционная история? Ведь именно здесь, в некогда глухих степных просторах Сары-Арки, впервые в Казахстане зародился, вырос, возмужал, воспитался на лучших боевых традициях русского пролетариата молодой казахский рабочий класс.

Используя материалы Центрального государственного исторического архива Казахской ССР и многочисленные воспоминания ветеранов бассейна, автор попытался в очерковой форме воссоздать некоторые картины из истории Караганды. При этом автор старался показать, как в напряженной борьбе против эксплуататоров зрело классовое самосознание казахского пролетариата, росла и закалялась братская дружба рабочих — русских и казахов, — как эта дружба привела в годы революционных битв гражданской войны к победе Советской власти.

В очерках широко использованы статистические данные, характеризующие экономику дореволюционного бассейна, баснословные прибыли акционеров и абсолютное обнищание трудящихся. Чтобы не затруднять чтения книги, автор не делал сносок, которые бы отсылали читателя к источникам, откуда взяты те или иные документы, а также цифровые данные.

О достойных преемниках славных революционных традиций горящей гвардии, о сегодняшней Караганде и ее людях, об их замечательных трудовых победах будет рассказано во второй книге очерков.

АППАК БАЙЖАНОВ

В этот день, как всегда, Аппак проснулся раньше других. Надев свой ветхий чапан и туго подпоясавшись веревкой, свитой из верблюжьей шерсти, он вышел из юрты. Окутанный серой, предутренней мглой, аул еще спал. Только у большой белой юрты бая Иглика Утепова, что возвышалась в центре аула, слышался чей-то тихий говор да фыркание лошадей. Аппак молодцевато сдвинул на затылок выплывший на солнце малахай, взял кнут и подошел к байской юрте.

— Долго спишь, Аппак, — сердито буркнул Ордабай, старший сын Утепова. Он был почему-то не в духе и все время раздраженно ворчал на слуг, снаряжавших караван, который поутру должен был отправиться в Каркаралы. Самого Иглика в ауле не было, он находился в Каркаралинске. Там была постоянная резиденция бая, там, на богатых травой степных просторах, паслись его многочисленные табуны лошадей, отары овец, стада коров. Быстро росло богатство Утепова, и еще быстрее — его жадность. И как бы ни была просторна каркаралинская степь, как бы ни были богаты ее пастбища, Иглику казалось мало всего этого. Он стал пригонять часть сво-

их табунов на летовку к берегам небольшой степной речки Кокпекты, что в двухстах километрах западнее Каркаралинска.

Вместе с этими табунами ранней весной 1833 года в урочище Караганды прикочевала семья старого байского пастуха Байжана. Но случилось так, что в дороге старик простудился и тяжело заболел. Все заботы о многочисленных байских лошадях и верблюдах легли на плечи старшего сына Байшоная — Байшоная.

Аппаку же к этому времени было всего пятнадцать лет. Он считался у Байшоная подпаском. Пастухом бай никак его не хотел брать: за год безупречной работы пастуху нужно было в качестве оплаты труда дать корову, а подпаску — только теленка.

Ранней весной, когда в аул на несколько дней приехал Иглик, старый Байжан недвижно лежал в своей юрте, прикованный к постели тяжелой болезнью. Худое, изрезанное густой сеткой глубоких морщин, лицо его уже давно приняло землистый цвет мертвеца, и только выступающие на лбу капли пота да учащенное отрывистое дыхание говорили о том, что старик еще жив.

Узнав о приезде бая, Байжан слабым, едва слышным голосом подозвал к себе Аппака.

— Сынок,— сказал он,— помоги мне встать и дойти до юрты Иглика.

— Но ты же не можешь стоять на ногах, отец,— возразил Аппак.

— Мне нужно поговорить с баем,— упрямо повторил старик.

— Тогда я позову его к тебе.

— Что ты, сынок! Бай обидится и выгонит нас из аула.— Он устало закрыл глаза и умолк. Бескровные губы его подернулись мертвенной желтизной.

Аппак испуганно оглянулся. В юрте было холодно и пусто, холод и тоска сжимали сердце юноши, на глазах которого умирал отец. Матери и сестер в юрте не было, они пошли доить байских кобыл.

— Аке, аке,— тихо позвал Аппак, и сердце его, как пойманная в сетку птица, трепетно забилося.

Старик, открыв глаза, гневно прошептал:

— Веди же меня к баю.

Аппак выбежал из юрты и вскоре вернулся вместе со старшим братом Байшонаяем. Они знали упрямый харак-

тер отца и потому не стали возражать ему. Взяв старика под руки, сыновья подвели его к юрте Утепова в тот самый момент, когда бай собирался сесть в седло, чтобы ехать в степь.

— Здравствуй, старик,— весело воскликнул Иглик, увидав старого пастуха.— Как твое здоровье? Здоровы ли дети твои?

— Пятьдесят лет честно пас я твой скот, вдоль и поперек исходил весь этот край.— Байжан указал рукой на степь.— А вот теперь ноги мои отказываются ходить. Именем аллаха умоляю тебя, возьми Аппака пастухом вместо меня.

Утепов окинул взглядом приземистую, узкоплечую фигуру подпаска, брезгливо поморщился, и маленькие круглые глазенки, заплывшие жиром, сверкнули холодными огоньками.

— Молод еще Аппак, молод! — разглаживая пышные усы, не спеша, ответил Иглик.— Не могу я доверить ему свой скот. К тому же вы у меня в долгу. Забыли, наверное? Помните, в прошлом году волки растерзали моего лучшего жеребенка. А кто в этом виноват? Ты, Байжан!

Байжан тяжело вздохнул и опустил голову.

— Он старательный, наш Аппак,— заговорил Байшоная.— Мы будем вместе с ним пасти ваш скот и к концу года отработаем свой долг.

Бай звучно высморкался, вытер ладонью широкий нос и, садясь в седло, покровительственно произнес:

— Я человек добрый, видит аллах, и мне вас жалко. Пусть Аппак до конца года работает пастухом бесплатно, за того пропавшего жеребенка.

— Слышишь, сынок, теперь ты уже взрослый,— проговорил отец.— Тебе доверили большое богатство — скот. Задирай рукава не для драки, а для работы.

Так Аппак Байжанов стал пастухом. Старший брат его, Байшонай, пас скот ночью, а он сменял его рано утром и, окрыленный доверием, лихо метался по степи до заката солнца.

Вот и сейчас, едва забрезжил рассвет, Аппак спешил сменить своего брата. К байской юрте он подошел так, из любопытства. А когда сердитый Ордабай упрекнул его, что он «долго спит», юноша ловко шелкнул бичом и бегом вернулся к своей юрте, где стояла низкорослая воронья лошадка. Через минуту отчетливая дробь копыт растаяла в воздухе.

Байшонай, как всегда, ждал своего брата в условленном месте, у невысокой серо-желтой сопки Ак-Шоки. На склонах ее паслись лошади, и их звонкое фырканье разносилось в утренней тишине далеко вдоль русла Кокпекты.

Угостив проголодавшегося Байшонаю твердыми кусочками курта, юный пастух снова сел на коня и не без гордости стал объезжать табуны пасущихся лошадей. Из-за холмистого горизонта медленно поднимался огненный диск солнца. Его струящиеся теплом лучи щедро заливали яркой позолотой весь небосклон. Густые сизо-белесые волны утреннего тумана быстро редели, рассеивались, отступая в прохладные ложины и овраги. Аппак ехал вдоль реки, не спеша, как зачарованный, любуясь весенней степью, безбрежным желто-коричневым ковром раскинувшейся во все стороны. На нем то тут, то там ярко выступали зеленые пятна сочной травы и кусты караганника. А в ясной бирюзовой выси неба неумолчно звенели жаворонки. И может быть потому, что так опьяняюще свеж был утренний степной воздух и так беспечно щебетали вокруг вдохновленные приходом весны птицы, Аппака охватило непонятное волнение. Пристально глядел юноша вдаль на зыбкие волны марева, повисшего над степью. Но вот в душу его пробралась тревога, встало в памяти бледное, исхудалое лицо больного отца, недвижно лежащего в закопченной убогой юрте. До боли,

до слез близкий, возник перед ним облик старушки-матери, медленно идущей по степи доить чужих кобыл. Как хотелось бы Аппаку, чтобы его добрая, бесконечно дорогая его сердцу, мать не мучилась под палящим солнцем, а отдыхала в прохладной тени юрты, разливая своим детям в круглые пиалы крепкий душистый кумыс. Нет, несбыточная это мечта... Бедность, бедность всему виной. Мать должна работать: не умереть же ей с голоду.

Бедность! Как сбросить этот тяжкий груз с усталых плеч родителей? Если бы найти тот клад, о котором он не раз слышал от певцов-акынов, как щедро наградил бы он богатствами всех своих сородичей! Но этот клад хранится где-то глубоко-глубоко в недрах родной земли, может быть даже здесь, под сопкой Ак-Шоки. Попробуй, докапайся до него!

Аппак спешивается, берет коня под уздцы и медленно бредет по склону взгорья, жадно всматриваясь в густо рассеянные между кочками разноцветные, гладко отточенные камешки. Иные он берет в руки и долго любуется их розовыми, коричневыми, темно-зелеными расцветками, причудливыми формами. Но камни, как бы красивы они ни были,— это не золото и даже не серебро. Пастух разочарованно бросает их в желтогрудых птичек, на тонких длинных ножках проворно снующих в траве.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Возвратившись рано утром в аул, Байшонай сразу уснул. Но не прошло и полчаса, как в юрту явился посыльный от Ордабая. Разбудив табунщика, он сообщил:

— На ярмарку отправляется караван верблюдов. Ордабай сказал, чтоб ты сейчас же пришел к нему. Будешь сопровождать его до Каркаралов. Там к каравану присоединится с отарой овец сам Иглик, а ты вернешься.

— А кто же ночью табуны будет пасти?—спросил Байшонай.

— Ордабай сказал, что Аппак сам справится. Ты же отлучаешься ненадолго.

Вскоре длинный караван верблюдов, навьюченных разным грузом, миновал сопку Ак-Шоки. Байшонай в

тревоге озирался вокруг, стараясь обнаружить брата. Нужно было сообщить ему о своем непредвиденном отъезде в Каркаралы и дать советы, как лучше пасти и охранять скот.

Неспокойно стало последнее время в степи. В этих местах, вдоль рек Нуры, Сокура, Чурубай-Нуры, с давних пор пасли свой скот кочевники двух крупных родов — Мурат и Сармантай. Темными ночами на многотысячные табуны бая Утепова, разбросанные в карагандинской степи, часто совершали набеги барымтачи* — разбойники. Были случаи, когда они угоняли по нескольку десятков лошадей. И тогда начиналась жестокая расправа рассвирепевшего бая над табунщиками. Байшоной страшно боялся, чтобы этого не случилось с его юным, не искушенным в жизни братом. Но где же Аппак? Табуны паслись вдоль стариц Кокпекты, а пастуха с его двумя помощниками — большими белыми псами — нигде не было.

Байшоной вернулся к каравану.

...На степь спустилась темная весенняя ночь. Погасли последние отблески заката. В степи стало прохладно и неуютно. Напрасно Аппак поглядывал в сторону сопки Ак-Шоки — брата все не было. От голода страшно посасывало под ложечкой. Он уже подоил одну кобылу и выпил теплое парное молоко, потом выискал в степи дикий лук. Но есть все же хотелось. Бросить табуны и съездить в аул? Нет! Вспомнилось широкое, мясистое лицо бая Иглика с маленькими юркими глазами. Его холдные слова: «Молод еще Аппак, молод».

— Аппа-а-ак! Эй, Аппа-а-ак! — послышался вдалеке чей-то голос. Обе сторожевые собаки звонко залаяли и рванулись в степь. Вскоре гончие исчезли в темноте.

Аппак сел на лошадь и галопом помчался в ту сторону, откуда раздался крик.

— Сестра, ты? — радостно воскликнул он, узнав в полутьме стройную девушку, идущую ему навстречу.

— Ох, и далеко же ты ушел со своими табунами, — проговорила она. — Я уж хотела вернуться в аул, думала не найду тебя.

* Барымта — разбой, порожденный в дореволюционном Казахстане родовыми распряями баев.

— А почему не приехал Байшоной?

— Он отправился в Каркаралы. Через пять дней вернется. Младший бай приказал, чтобы ты пас лошадей один.

Они развели костер. Аппак с жадностью набросился на принесенную сестрой пищу.

Прошло пять дней, а Байшоной все не возвращался. [К счастью, дела у молодого пастуха шли без особых происшествий. За это время к табунам даже волки ни разу не подходили. Днем Аппак в сопровождении сторожевых псов бодро разъезжал по степи, перегоняя лошадей на свежие пастбища.

Настоящую радость охотника испытывал юноша, когда ловил сурков. Этому ремеслу его обучил Байшоной. Из конского волоса Аппак свивал веревочку, делал из нее петлю и устанавливал у норы. Концы петли он привязывал к небольшому, вбитому в землю колышку. Как только байбак вылезал из норы, петля затягивалась на его шею, зверек попадал в плен. Аппак связывал по два-три сурка вместе и, натравив их друг на друга, по-детски громко смеялся, наблюдая за дракой грызунов. Впрочем, и эти каждодневные развлечения надоедали Аппаку. Он искренне завидовал старшему брату — искусному охотнику, который за одну только последнюю зиму поймал четырех лис и загнал на лошади двух волков. Мягкими волчьими шкурами была устлана старая юрта семьи Байжана, на пушистые лисьи меха они выменяли у проезжих купцов спички, соль, муку, ситец.

Аппак только мечтал о большой охоте, но пока приходилось довольствоваться лишь ловлей сурков. Надо же было чем-то кормить двух своих помощников — сторожевых псов. Мясо жирных, величиной с кошку, зверьков в данном случае было самым доступным и, пожалуй, ничем другим не заменимым продуктом. «Да и шкурки пригодятся», — думал Аппак.

Был полдень. Солнце стояло в зените и так сильно припекало, что пастуху пришлось почти догола раздеться. Он остался в одних драных шароварах и истрепанной белой войлочной шляпе. Аппак перегонял табуны лошадей к Майкудукскому ключу на водопой, да и самого его уже давно мучила жажда. Он вихрем носился по степи, подгоняя отставших лошадей.

На свеженакопанных глинистых бугорках то тут, то там появлялись сурки. Став на задние лапки, они, казалось, хвастались своим бесстрашием. Один зверек совсем близко подпустил к себе Аппака. В воздухе уже взвизнул плетеный хлыст. В это мгновение байбак юркнул в нору. Аппак добродушно улыбнулся. Поймать этого «храбреца» было совсем легко, стоило лишь поставить петлю. Но надо было спешить к водопою. И все же Аппак поковырял кнутовищем в норе. Она была очень глубокой, и это удивило юношу. Внимательно осмотрев нору, он старался запомнить ее расположение, чтобы на обратном пути непременно выловить зверька. Но что это такое? У входа в нору вместе со свежей коричневой глиной лежат какие-то необычные черные камешки. Взяв один из них в руки, Аппак внимательно осмотрел его. Много равных камней видел молодой пастух, а такого еще не встречал. Камешек был черный, но стоило его повернуть, как он начинал отливать на солнце какими-то другими, неуловимыми цветами.

Аппак потер найденным камнем по белой березовой рукоятке соила и с восхищением увидел на рукоятке черные следы. «Кара-бояу» — мелькнуло в его пылком воображении. Да, да, это та самая черная краска, о которой так много слышал он от седых аксакалов.

К табуну приближались два всадника. Один из них был Байшоной. Аппак с радостью бросился им навстречу.

— Смотри, ага, что я нашел! — воскликнул он протягивая Байшоною горсть черных мелких камешков.

— Скот весь цел? — не обращая внимания на слова Аппака, озабоченно спросил Байшоной.

— Все в порядке, ага. Смотри, я кара-бояу нашел у норы.

Байшоной спрыгнул с седла, вытер рукавом чапана черное от пота и пыли лицо и облегченно вздохнул.

— Ну-ка, покажи!

Вместе с другим всадником — незнакомым джигитом — они осмотрели камешки. Ничего особенного в них они не нашли. Разочарованный Аппак даже обиделся столь явному равнодушию к его находке. Нет, он не согласен с этим, он еще покажет их в ауле старикам: мудрые аксакалы больше знают.

Вечером Аппак впервые за неделю вернулся в родной аул. Отец все так же недвижно лежал в юрте. Мать

хлопотала у костра, готовя ужин. Сестры, как всегда, помогали матери: подносили ей воду, кизяк, возились у самовара.

Кому показать находку?

У соседней юрты в кругу своей многочисленной семьи сидел старый семидесятилетний охотник Жумабай. В ауле он слыл самым опытным звероловом и умным человеком. Жумабай никогда ни с кем не вступал в спор, никого не обрывал на слове. Жил от бедно, но всегда в тяжелую минуту помогал своим родственникам и соседям. И все потому, что старик был умнее других, да и руки у него были золотые: уедет рано утром в степь — день, второй не возвращается домой, а уж когда возвратится, то обязательно с добычей. То сайгака привезет, то джейрана, а однажды поймал в свой капкан даже крупного архара, в четыре раза тяжелее овцы. И тогда Жумеке, как любовно называли его в ауле, приглашал на бесбармак всех своих соседей. Впрочем, и соседи всегда рады были угостить добросердечного старика.

Сейчас семья Жумабая, расположившись вокруг костра, чаевничала. Показывая камешки аксакалу, Аппак с трепетом и надеждой заглядывал в его спокойные, обрамленные морщинами глаза. А тот долго и внимательно рассматривал находку и, как на зло, не говорил ни слова. Он приказал налить в чашку холодной воды, опустил в нее два камешка. Вода не окрашивалась. Значит шерсть окрасить этими камешками нельзя. Это — не кара-бояу.

У юрты Жумабая собралось еще несколько стариков. Черные камешки, найденные Аппаком, переходили из рук в руки.

— Это не краска, — твердо сказал, наконец, Жумабай. Он с минуту помолчал, вынул из чашки камни, потер их о полу чапана и добавил: — признаков меди тут тоже нет. Но это и не земля!

— На землю не похоже, — подтвердили почтенные аксакалы.

Аппак, потупив взгляд, стоял у костра. Со степи потянуло свежим ветерком, напоенным горьковатым запахом полыни. Кто-то подбросил в костер охапку сухого караганника. Яркое пламя вдруг осветило бронзовые, продубленные ветрами лица стариков, джигитов и жен-

щин. Караганник сгорел быстро, как недолгая радость Аппака. Но вот кто-то неловко подбросил вверх камешек, тот попал в потухающий костер, и вдруг все увидели, как сквозь серый пепел сгоревшего караганника стал пробиваться небольшой, но яркий язычок пламени. Это горел камень. Собравшиеся у костра жители аула были изумлены.

— Камень горит! Камень горит! — неумолчно повторяли люди. Толпа у костра все росла.

— Аппак нашел волшебный камень! — и эта весть, как быстрокрылая птица, полетела из аула в аул.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСТЬ

Двадцать три зимы прошумели буранами над степью с того памятного дня, когда Аппак нашел у норы сурка горючие камни. Наступил март 1856 года. Тонкая корка плотного, потемневшего на солнце снега еще покрывала равнину, по утрам еще держались морозы, но в воздухе уже чувствовался пряный запах плывущей откуда-то издалека голубой весны. Таким морозным утром к юрте Байжановых, заливаясь певучим колокольчиком, подъехала лихая тройка. Из богатых, устланных пушистыми мехами и дорогими коврами саней, поднялся высокого роста широкоплечий мужчина. Он был одет в

длинную черную шубу, по-русски красиво отороченную белым мехом и расшитую на груди цветными шелковыми шнурами. Неторопливым движением правой руки приезжий разгладил густую длинную бороду и усы, поправил сбившуюся набок меховую шапку-ушанку и, окинув взглядом разбросанные по косогору юрты, с достоинством, по-волжски окая, пробасил:

— А степь-то матушка ничуть не изменилась, все такая же хмурая и просторная. Был я тут шесть лет назад... Отменно, ей-богу, отменно!

Он достал из кармана трубку с длинным чубуком, набил ее табаком и неторопливо, спокойно закурил.

Приехавший вместе с широкоплечим русским бородачом старший сын Утепова Ордабай Игликов к этому времени был уже управителем Керек-Актаевской волости. Он добровольно взялся сопровождать высокого гостя до аула, в котором в юности жил сам. Много чудес слыхал Ордабай об этом предприимчивом петропавловском купце, который неумоимо колесил по степным урочищам Казахстана, скупал за бесценок скот и наживал огромные богатства. Но в том, что он, этот тучный, медлительный в движениях купец делал, было много непонятного для волостного управителя. В частности, он не понимал, какую выгоду думает извлечь этот неглупый с виду человек из пустынного урочища Нельды, которое он с двумя компаньонами шесть лет тому назад купил у бая

Байзакова за 86 рублей серебром. Ну, допустим, что где-то там, глубоко в земле, есть медь. Так ее же надо сначала достать из этой глубины, а потом выплавить. Нет, Ордабай никогда бы не согласился на такое трудное дело!

У тройки вороных толпились любопытные подростки, рассматривая дорогую упряжь, а приезжие вошли в убогое жилище Байжановых. Старика и старухи давно не было в живых, старшая сестра вышла замуж. Байшоной, отправившийся верхом на охоту, третий день не возвращался. У дымящегося очага посреди юрты в окружении своих детишек, закутанных в лохмотья, сидел Аппак.

— Вот это тот самый пастух и есть, о котором вы спрашивали, Никон Абрамович,— проговорил Ордабай.

— Здравствуйте, господин Байжанов,— тихо пробормотал бородатый человек, и вся юрта сразу наполнилась его густым голосом.

— С тобой разговаривает Петропавловский второй гильдии купец Никон Абрамович Ушаков,— пояснил Аппаку волостной управитель. И тут же добавил:— Это один из самых богатых и почтенных наших людей. Его сам пристав уважает!

Справившись, как водится в таких случаях, о здоровье хозяина и его семьи, Ушаков достал из кармана круглую жестяную банку, раскрыл ее и поставил на кошму перед детьми. Банка была доверху наполнена красными, зелеными и белыми леденцами.

Дети с восхищением заглядывали в золоченую банку, но к конфетам не притронулись.

— Угощайтесь, чего стесняетесь,— предложил бородатый человек. Он высыпал леденцы на кошму и, широко улыбаясь, добавил по-казахски:— Жаксы...

Разговор между тем сразу перешел на деловой тон.

— Русский бай интересуется камешками, которые ты когда-то нашел в степи,— обращаясь к Аппаку, сказал Ордабай.— У тебя есть хоть один?

Байжанов сразу оживился, желтое лицо его, заросшее реденькой бородкой, озарилось улыбкой.

— Есть!— с непонятной радостью воскликнул пастух. Покопавшись под стенкой юрты, он извлек из-под волчьей шкуры тряпку, бережно развернул ее и поднес Ушакову.

— Вот они. Всего два осталось.

Никон положил их на свою широкую ладонь, всмотрелся и не смог скрыть волнения.

— А вы помните то место, где нашли эти камешки? — по-дружески приветливо спросил он Аппака.

— Конечно, знаю! — так же приветливо ответил пастух.

Вскоре купеческая тройка вихрем неслась по степи. В санях рядом с Никоном Ушаковым с гордостью восседал Аппак Байжанов. Он то прислушивался к звонкой трели колокольчика, висящего под высокой, затейливо расписанной дугой коренной лошади, то с неосознанным восхищением поглядывал на глубоко упрятанные под бровями маленькие глаза русского бая, и на душе было легко и радостно. Снова ожила в нем взлелеянная еще с детства мечта о великих сокровищах, скрытых в недрах родной земли. Эх, найти бы эти богатства и спасти народ от вековой нужды и страданий! Тогда его, пастуха Байжанова, благодарили бы бедняки.

— Как у вас называется этот край? — спросил Ушаков.

— У нас в народе это место называют Ит-Жон. По-русски — «Собачья спина», — ответил Аппак.

Купец не стал расспрашивать своего спутника, отчего люди присвоили такое странное название этой местности — потому ли, что голые, быстро рыжеющие летом склоны сопки похожи на спину старой собаки, или, возможно, просто потому, что неласковой была степь для бедных кочевников, вечно голодавших на ее пустынных просторах. Но ему, Никону, все равно. Люди голодают? Оно и выгодно, охотно пойдут добывать уголь на его шахты.

И купец уже представлял, как широко развернет он свое новое «дело». Купленные им с компаньонами шесть лет назад земли близ Нельды и Спасска, богатые медной рудой, до сего времени не разрабатывались только потому, что для плавки меди требовалось много топлива. А где его взять? В степи, кроме мелкого кустарника-караганника, ничего не растет. Правда, в двухстах с лишним верстах отсюда, в окрестностях казачьей станицы Каркаралинск, есть лес, но ведь это далеко, да и дрова недешево обойдутся. И вдруг эта счастливая находка! Разве не спасенье, что тут же, под боком, почти вплоты к Спасску, где скоро, вот-вот поднимутся корпуса меде-

плавильного завода, залегают каменные уголь? Истинная удача! Вот сейчас Аппак покажет ему место, где он обнаружил горячий камень. Он, Никон Ушаков, промаху не даст, такую развернет работищу, что степь загудит.

В 1847 году он вот так же, идя по следам живущей в народе легенды, пересек эту степь на тройке, добрался до Нельдинского кряжа и самолично убедился в достоверности народной молвы. В урочище Нельды было найдено богатейшее месторождение меди. Так ловкий купец заполучил право первооткрывателя. А купить эти земли оказалось еще легче: бай Байзаков охотно уступил урочище всего навсего за 86 рублей.

Теперь у Ушакова был такой же план: объявить в Омске, в правлении Сибирских киргизов* о новой «своей» находке, оформить нужные бумаги, а затем купить эти земли у баев.

— Я вижу, ничего мы здесь не найдем,— повернувшись к Аппаку, нетерпеливо проговорил купец.

— Найдем! — уверенно сказал Байжанов, чувствующий себя на высоте долгожданного счастья. Привстав в саях, он посмотрел на белую снежную равнину. Подернутая синей дымкой, вдаль виднелась заветная сопка Ак-Шоки.

— Видите кусты караганника под сопкой? — Аппак показал вправо.— Там я и нашел горючие камешки!

Лошадей остановили у жиденьких низкорослых кустиков караганника. Ушаков быстрым движением откинул медвежий полог, прикрывавший колени, спрыгнул с кошовки и тяжелыми медленными шагами направился к заснеженной сопке. Остановился у кустиков, опустив голову, долго стоял в торжественном молчании. Взгляд его устремился в одну точку, толстые желваки выступили на скулах, правая бровь взметнулась вверх и застыла. (Казалось, он молился богу. Потом он сбросил варежки, снял шапку и большим клетчатым платком вытер вспотевший лоб.

Аппак стоял рядом, а Никон Абрамович не замечал его. Аппак почувствовал настроение русского бая, и его невольно охватила тревога. Что богач задумал? Что будет дальше? Кто первый проникнет в землю, кому при-

* Так именовались в официальных документах до Великой Октябрьской социалистической революции казахи.

несут эти богатства счастье? Да, этот купец—сильный, знающий человек, но поможет ли он многострадальному казахскому народу? Сердце у Аппака сильно-сильно жалось. Но тут купец заметил его, улыбнулся.

— Ну, друг мой, спасибо тебе, ты сослужил мне большую службу. Не забуду, нет! Будешь в наших краях, в Петропавловске, милости прошу ко мне в гости. Угощу, чем бог послал. А теперь поехали обратно.

ТОРГОВАЯ СДЕЛКА

Ночевать Никона Ушакова волостной управитель Ордабай Игликов пригласил к себе в аул, расположенный в пятидесяти километрах от урочища Карагандыбасы. Там, в теплых домах, обычно живут зимой он и его отец Иглик Утепов.

За низеньким круглым столиком против купца, поджав под себя ноги, сидел хозяин дома—старый бай Иглик Утепов. Справа, опершись на гору красных подушек, полулежал на ковре Ордабай. Слева от Никона расположились младшие сыновья Иглика — курчавоголовый, рослый, худошавый Кочебай и низенький полнолицый, с большими глазами навывкате, Татий. Хозяева дома щедро угощали почетного гостя бесбармаком. Гость же привез с собой вино и уговаривал правоверных мусульман выпить с ним за дружбу.

Солидно подвыпив, купец стал жаловаться баям на свое «трудное» житье-бытье. Слушая Ушакова, хозяева дома усердно уничтожали баранье мясо. Сыновья Иглика загадочно молчали, а сам старик Утепов, то и дело икая, бережно поглаживал толстый живот и утвердительно кивал. Но по холодно блестящим глазам бая чувствовалось, что он ни капли не верит словам купца, а поддакивает ему только из вежливости.

— Да. Так вот, говорю, нам, купцам, в каждом деле рисковать приходится,— говорил Никон. Лицо его покраснелось, вспотело, большие пряди черных густых волос сползли на лоб, закрывали глаза. Купец непрерывно убирал пятерней со лба непокорные жесткие, слипшиеся волосы, тяжело сопел и все говорил и говорил.

— Вот попам нынче привольно живется, это да,— продолжал он.— Взять к примеру наших, петропавловских. Никакой заботы в жизни не имеют. Помахают кадилом в церкви и идут спокойно домой. А деньжата к ним рекой плывут. И то скажу: когда большой праздник подойдет, попам доход дополнительный. На пасху верующие куличи да яйца подносят, на петров день — баранину, к успенью — мед, к покрову — брагу, к рождеству — свинину, к масленице — вареники, к великому посту — рыбу, редьку да капусту. Зачем им об угольных да о медных разработках помышлять. А нам, батенька, все рискуй — плати из своего кармана денежки, а какой барыш возьмешь — один бог знает.

— У казахов есть хорошая пословица,— сказал волостной управитель: — «Печаль—море: утонешь и пропадешь, риск — лодка: сядешь и переплывешь».

— Это да, конечно! — подхватил купец.— У русских есть тоже поговорка: «Риск — благородное дело». Потому я и рискую.— Никон принял деловой, серьезный вид, задумался.— Одним словом, будем считать, что мы друг друга понимаем правильно,— проговорил он.— Сколько вы хотите взять с меня за это самое урочище... Ит-Жон, или как оно?

— Караганды-басы,— с достоинством поправил Иглик.

— Какая разница? Пусть будет Караганды-басы! — воскликнул купец.

— Триста рублей! — выкрикнул Ордабай.

Старый бай бросил сердитый взгляд на волостного управителя. На сверкнувших белках его глаз отчетливо выступили красные, налитые кровью прожилки.

— Не триста, а триста пятьдесят,— поправил он строго.

Никон порывисто встал. Лицо его побагровело.

— Прощайте! — резко крикнул он.— Мне с вами не о чем больше говорить.

Хозяева дома тоже, как по команде, вскочили с мест.

— Зачем обижаетесь, аксакал,— беря под руку Ушакова, примирительным тоном заговорил Ордабай.

Младший сын Иглика Татий непонимающее уставился на купца, а длинный Кочебай вопросительно смотрел на отца.

— Вы — наш гость,— улыбаясь одними губами, сказал купцу старый бай,— поэтому никуда мы вас сегодня

не отпустим. Ночная степь неприветлива, особенно в такую погоду. На улице буран...

Ушакову, видимо, только этого и (надо было. Убедившись, что его артистическая выходка удалась и произвела на хозяев нужное впечатление, он с минуту постоял в раздумье посередине комнаты, потом смиренно занял свое место за столом.

— Хотите, получайте двести рублей — сказал он, глядя на Утепова.— И то чересчур крупная сумма.

— Ладно, я согласен с ценой, которую назвал мой старший сын,— произнес Иглик.

Никон сощурил глаза, посмотрел на краснощекое, одутловатое лицо старого бая и, искренне улыбнувшись, покачал головой.

— Да ты, батенька, не бай, а настоящий купец! — воскликнул он.— Ну, раз так, я набавляю еще полсотни целковых. По рукам? — Ушаков протянул через стол руку. Иглик без колебаний весело хлопнул купца по ладони.

Утром Никон отправлялся в обратный путь. Торговая сделка о покупке урочища Караганды фактически была завершена. Теперь предстояло ее оформить юридически в Областном правлении сибирских киргизов, находившемся в Омске. Бай Утепов и его сыновья вручили Ушакову расписку о получении с него 250 рублей и доверен -

ность на имя своего родственника Байдамана Токтамышева, которому поручалось от их имени оформить акт продажи. Байдаман жил в Акмолинске. Никон Ушаков должен был к нему заехать и захватить его с собой в Петропавловск.

СПОР У СОПКИ АК-ШОКЫ

Слово вылетает сквозь тридцать зубов и облетает тридцать родов,—гласит мудрая казахская народная пословица. Весть о том, что петропавловский купец Ушаков хочет приобрести в собственность урочище Караганды с его окрестностями, чтобы «копать здесь землю и добывать горячий камень», взбудоражила всех жителей округи. Но особенно это встревожило тех, кто искони жил в этих местах.

— Куда же нам тогда деваться? — возбужденно спрашивали друг друга бедняки-жатаки.

Баи родов Сармантая и Мурата, скот которых издавна пасся на этих степных просторах, тоже встревожились. Только тревога их была совсем иной — они беспокоились о том, кому попадут деньги за угленосный участок земли. Как говорится, у верблюда свои планы, а у его погонщика свои.

— Законные хозяева этого края — мы,— заявляли представители рода Мурат.

— Нет, мы раньше сюда прикочевали,— утверждали представители рода Сармантай.

У подножья сопки Ак-Шокы, на месте, где Аппак когда-то нашел уголь, одна за другой появлялись юрты кочевников.

Проезжая однажды утром на коне мимо заветной сопки, Байжанов удивился: на пустовавшем еще вчера месте выросло вдруг сразу два аула. Они расположились на противоположных сторонах взгорья. У юрт, вокруг костров сидели скотоводы. Они возбужденно о чем-то разговаривали.

На обратном пути Аппак увидел еще более непонятное и удивительное зрелище: у сопки, на взгорье, разделившем два аула, шумно толпились всадники, вооруженные соилами. Их было много. Между двумя родами раз-

горелся спор о праве владения участком, содержащем уголь.

Многоголосый шум, сквозь который то и дело прорывались гневные слова брани и угроз, все возрастал, к сопке все больше стекалось всадников. Опыяненные спором, лавины лихих степных конников, казалось, вот-вот двинутся друг против друга.

Но вот на средину поля вышла группа седых стариков рода Сармантай. Они попросили к себе старейшин из рода Мурат. Посоветовавшись, благоразумные аксакалы единодушно пришли к такому соглашению: массового побоища, которое могло бы повлечь за собой многочисленные жертвы, не устраивать, но раз уже завязался спор, то решить его надо по старинному обычаю: пусть обе стороны выделяют по одному батыру, победа в поединке положит конец спору.

Едва аксакалы кончили совещаться и разошлись, как на средину поля на резвом гнедом скакуне выехал батыр рода Сармантай. Аппак сразу узнал его. Это был известный в Сары-Арка силач Отарбай. Кряжистый, большоголовый, он ловко сидел в седле, и мужественные, хмурые глаза батыра выражали отчаяние и решимость.

Среди сгрудившихся поодаль всадников рода Мурат послышался глухой ропот. Все помнили железную хватку силача Отарбая, не знавшего поражений в борьбе «казахша-курес». Кого противопоставят ему старейшины рода Мурат?

После некоторого замешательства навстречу Отарбаю размашистым галопом выехал на белом тонконогом коне молодой джигит Досымбек, и снова с обеих сторон послышался шум, гомон, неистовые крики, бодрое гиканье, сквозь которые отчетливо проступали тревога, надежда и желание помочь каждой из сторон выиграть в поединке.

Гонимые сильным восточным ветром, низко над степью плыли тяжелые снежные облака. Они то загоразживали солнце, отбрасывая на холмистую равнину холодные тени, то на минуту выпускали его из своего плена, и оно холодно и бесстрастно смотрело на еще не пробудившийся от зимней спячки пустынный край.

Но вот батыры, скрестив тяжелые, похожие на дубинки соилы, разъехались в противоположные стороны, а оттуда бешено рванули коней навстречу друг другу. Раз-

ноголосый шум мгновенно утих, оборвался и, казалось, даже сопка Ак-Шокы, затаив дыхание, наблюдала за этим жестоким зрелищем.

Лошади вздыбились. Отарбай размахнулся соилом, намереваясь выбить противника из седла, но верткий Досымбек, разгадав намерение соперника, ловко повернул коня влево, плотно прильнул к его холке, и тяжелый соил не задел его. От сильного рывка Отарбай на мгновение потерял равновесие в седле, грузное тело джигита накренилось в сторону. В этот миг Досымбек резким движением осадил коня, повернул его в обратную сторо-

ну и, оказавшись сзади Отарбая, с силой ударил его по голове. Батыр замертво рухнул на землю. Густые струи крови обагрили землю, в недрах которой таились сокровища горячего камня.

Это было 15 марта 1856 года. А днем раньше доверенный Ушакова и его компаньонов — пронырливый делец Степан Бушуев вместе с Байдаманом Токтамышевым побывали в Омске. Никон успел сделать очередную заявку об «открытии» им в урочище Караганды месторождения угля. Предстояло только оформить покупку Караганды-басы.

Бушуев дал чиновникам Омского областного правления сибирских киргизов взятку, и канцелярия сработала так, как хотел Ушаков.

Потирая руки, купец с удовлетворением читал заверенную печатями казенную грамоту, привезенную Токтамышевым и Бушуевым в Петропавловск.

Документ в витиеватых и многословных выражениях утверждал, что «вышеозначенное пространство... десять верст в длину и десять верст в ширину... со всеми ископаемыми металлами и минералами»... принадлежит компании Рязанова, Зотова и Ушакова, что компания местностью этой владеет как собственностью и что бай Утепов и его дети «получили от купца Ушакова одновременно и навсегда 250 рублей и более ни они, ни наследники их требовать с Ушакова и компании не должны».

Закончив чтение, Никон лукаво сощурил в улыбке свои серые глаза и, с благодарностью похлопав по плечу Степана Бушуева, произнес:

— Отменная бумага, ей-богу, отменная! Лучше и придумать трудно. Все оговорено, все предусмотрено. А фразы, какие ученые фразы! Без чарки крепкой водки нашему брату и не разобрать.

— Перо скрипит, топчется на бумаге, а бумага молчит и все терпит, — ухмыляясь, ответил Степан.

— Да тебя, парень, смотрю я, министром к царю-батюшке ставить можно. Уж больно ловко научился ты объегоривать. Взять хотя бы то же посессионное право, на какое вы тут сослались в грамоте. Вранье же это явное! Нас могут высмеять и бумагу, тобой привезенную, изорвать.

— Это почему же? — испугался Бушуев.

— Да потому, что посессионное право — это когда земля и недра берутся в аренду у государства, понимаешь? А бай Иглик — разве государство?

— Полно вам шутить, Никон Абрамович, — начал сердиться Степан. — Сделано все, как надо. Не зря же я им, этим чертовым крысам, два червонца отдал.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО КЛАССА

С тояли знойные августовские дни 1856 года. Выгоревшая степь казалась безжизненной. Только пушистые султаны ковыля серебрились на солнце. В такой день в урочище Караганды прибыл из Петропавловска большой

караван верблюдов. Он привез сюда кирки, лопаты, лесоматериалы.

— Отныне это место принадлежит Ушакову, Рязанову и Зотову,— объявил в аулах специальный уполномоченный пристава.— Кампания будет добывать здесь уголь.

Представители рода Мурат запротестовали. Они пытались объяснить, что спор о праве владения угленосными землями решен аксакалами в их пользу.

— Ушаков и компания купили сей участок у баев Утепова и Игликовых,— пояснил урядник, потрясая в воздухе какой-то бумагой.

Все поняли, что волостной управитель со своими братьями и отцом перехитрил оба рода — Мурат и Сармантай. Пока те спорили, они действовали.

— Зачем же я тогда убил Отарбая? — сокрушенно спрашивал Досымбек бедняков рода Мурат.

Управляющий компании «Рязанов—Ушаков» сразу приступил к делу. Отмерив десять километров в длину и столько же в ширину, вбил на границах участка колья и предложил жителям всех аулов, пасших скот, покинуть насиженные места.

— Остаться может только тот, кто пожелает работать на копях,— пояснил управляющий.

На взгорье «Ит-Жон» была заложена первая выработка, которую назвали «Ивановский разрез». В сорока километрах от Караганды та же компания начала строить медеплавильный завод, а в урочище Нельды — Успенский медный рудник.

Нищета, безысходная нужда заставили многих кочевников (наниматься на работу в шахты. Так, в Карагандинской степи начал рождаться рабочий класс из казахской бедноты.

Вслед за «Ивановским разрезом» на пустынном, усеянном галькой плоскогорье было заложено еще несколько примитивных вертикальных и наклонных шахтенков. Они больше походили на обыкновенные ямы. Считавшаяся, например, в те годы самой «крупной» Васильевская шахта имела глубину 17 саженей, ширину три с половиной аршина и длину — пять с четвертью аршина. Но были и такие штольни, которые имели глубину 8 саженей. В этих сырых ямах при тусклом свете восковых свечей или плашек, обливаясь потом, шахтеры труди-

лись по 13—15 часов в сутки, а получали за каторжный труд гроши.

Прошло одиннадцать лет. Окончательно разорившись, Аппак с братом Байшоном возвратились в урочище Караганды и решили поступить на угольные промыслы. Соорудив на косогоре недалеко от «Ивановского разреза» землянку, братья Байжановы отправились в Спасск, где находилась контора управления компании.

— Могу принять вас только саночниками,— ощупав взглядом сутулые фигуры пришедших, сказал подрядчик.— Приходите завтра утром на «Васильевскую».

— А платить сколько будете? — поинтересовался Байшоном.

Подрядчик презрительно хихикнул:

— Еще не работали, а уже «платить»! Посмотрим, чего вы стоите в забое. Будете честно трудиться, получите по 15 копеек за упряжку.

В шахте братья Байжановы встретили старого друга Мухаметбека Жумабаева, сына того самого доброго аксакала-охотника Жумабая, которому Аппак первому показал найденные в норе «горючие камни». Старик давно умер, а его двадцатилетний сын работал сейчас забойщиком. Без рубашки, в одних тяжелых овчинных штанах, Мухаметбек с двумя напарниками устало рубил кайлом твердую угольную стену, В забое висела густая туча пыли, не хватало воздуха. Люди задыхались. В сумрачном свете не видно было лица Мухаметбека. Только лоснилась грязная потная спина, да, когда он оглядывался, прозрачно сверкали белки глаз.

Десятник объяснил Аппаку и Байшонону, что должен делать саночник, и отправился прочь. Так началась новая жизнь пастухов Байжановых. Погрузив на деревянное полотно, напоминающее санки, 6—10 пудов угля, саночник впрягался в лямки и тянул полотно по грязному штреку к стволу — тому месту, где опускается бадя. После изнурительного труда на четвереньках в темной конуре шахты даже молодой, вполне здоровый человек, поднявшись вечером на-гора, едва мог стоять на ногах.

16 часов в сутки быть запряженным в тяжелые санки... И это оценивалось в 15 копеек! Забойщику за упряжку платили в три раза дороже, и Аппак стремился стать забойщиком. Байшоном об этом думать уже не мог: ему давно перевалило за 60.

Прошло полгода — тяжелое мучительное время. Наступила зима. Однажды перед самым концом смены, когда горняки подчищали нарубленный уголь, послышался гул: обвалилась незакрепленная кровля забоя. Тяжелая глыба породы привалила Мухаметбека и его напарника. Аппак и Байшоной бросились на помощь своим товарищам, начали откапывать их, но было уже поздно. Когда забойщиков вытащили из западни, они были мертвы. Прибежавший в забой артельщик, чтобы скрыть свою вину, с яростью набросился на саночников Байжановых, обвиняя их в причинах гибели людей.

— У нас леса нет для крепления выработок,— взволнованно сказал Байшоной.

— Молчать, скотина!— зарычал артельщик.— Мне тоже хозяева не дают леса,— и сильно ударил саночника куском угля по голове. Байшоной со стоном упал.

На утро Аппак хоронил трагически погибшего сына Жумабая, весельчака Мухаметбека. Хоронил и со слезами на глазах вспоминал о своей босоногой юности, когда мечтал открыть сокровища недр родной земли, чтобы лучше жилось народу. Но выходит, не на радость своим соотечественникам нашел он уголь в степи. Горькая, незатихающая тупая боль мучила душу Аппака.

Через полтора месяца, истощенный тяжелой болезнью, скончался и Байшоной.

Поодаль от Караганды росло число могил. Люди умирали, их место в душных забоях шахт занимали другие. Все так же, уныло покрикивая на лошадей, совершали свой замкнутый круг вокруг деревянного барабана барабанщики*. Скрипело большущее колесо, раскручивалась веревка на барабане, бадня спускалась в шахту. Барабанщик заглядывал в темную нору ствола и, услышав глухое замогильное «тащи», гнал лошадь в обратном направлении.

Угольные копи были подсобным предприятием Спасского медеплавильного завода. Когда на рынке цены на медь повышались, хозяева завода увеличивали ее выплавку.

* Барабанщик — на дореволюционных шахтах человек, погонявший лошадь вокруг барабана, служившего «лебедкой» на поверхности шахты.

Кривая добычи угля на карагандинских коях совершала крутые зигзаги, то поднимаясь вверх, то круто падли вниз. В 1859 году здесь было добыто 1850 тонн угля, через год лишь 444 тонны, в 1863 году в десять раз больше, чем в 1860 году, а восемь лет спустя добыча снова понизилась до 2,2 тысячи тонн.

В 1887 году Россия закупила медь за границей. На внутреннем рынке цены на нее резко понизились. К тому же в те годы в России еще не было таких отраслей машиностроения, которые потребляли бы цветные металлы, не было и войны, пожирающей медь. Ушакову и его компании угрожало банкротство. Они закрыли Спасский завод, законсервировали и угольные копи.

Конъюнктура капиталистического рынка неизмеримо лихорадила карагандинские промыслы. Эта страшная лихорадка, словно электрические разряды, била по рабочим, истощая и разрушая их тело, мозг, нервы. Предприниматели то посылали в окрестные аулы своих вербовщиков и покупали там за бесценок «жатаков», то вдруг сокращали производство и безжалостно выбрасывали горняков на произвол судьбы. Понурился, устало тянулись по степным дорогам кочевники, не находя приюта. Одни, собрав свои пожитки, с кучей детей уходили в степь из Караганды, другие направлялись из дальних аулов в Караганду. И те и другие искали счастья, подразумевая под этим самое скромное — хлеб. И тех и других погонял один и* тот же бич — нужда, голод.

В степи гуляли ветры, бушевали холодные бураны. Проплывала зима, наступало лето, но и оно не улыбалось обездоленным. Томительный зной выжигал травы, иссушал землю.

...Вместе с группой своих земляков уныло брел по дорогам Аппак Байжанов. Жалобно поскрипывала старая арба. Остов юрты и ислевшая от времени кошма составляли всю ее поклажу. На кошме, низко склонив голову, безмолвно сидела старуха-жена. За арбой покорно плелись привязанные арканом две козы. За ними шел Аппак, печальный, задумчивый, безразличный ко всему окружающему. Он шел, сам не зная куда. Владельцам угольных копей он отдал свои последние силы и здоровье. Теперь ему уже за шестьдесят, еле передвигает

ноги. Да и руки ослабли. Такие руки уже оказались ненужными Ушакову и его компании. А впереди степь, родная и чужая, знакомая и неласковая, призрачная и неуютная" степь Сары-Арка...

НА БЕРЕГУ ТАЛДЫ

Небольшая степная речка Талды берет свое начало двумя рукавами с восточных отрогов Кентских гор и, спустившись на равнину, спокойно и величаво течет среди заросших камышом и **тальником** берегов. В низовьях, в пятидесяти километрах северо-восточнее Каркаралинска, Талды круто поворачивает на запад и, миновав бойкое селение Коянды, впадает в мелководное, но обширное по своей площади озеро Карасор. На всем огромном пространстве — от Караганды до Каркаралинска, от Каркаралинска до Баян-аула и Павлодара — трудно найти место, которое могло бы сколько-нибудь соперничать с долиной Талды по приволью и богатству пастбищ. Здесь для скота суший рай: и густые сочные травы, и обильный водопой. И неслучайно обширная долина реки Талды с давних пор была ареной споров между баями за право пользования пастбищами. Когда-то здесь паслись тучные табуны Иглика Утепова, но с тех пор, как Иглик-бай перегнал часть своих стад в урочище Караганды и прочно обосновался там, долину Талды в среднем ее течении все более уверенно занимал Алты-назарбай — менее покладистый, чем Утепов, но еще более жадный и циничный в своей жестокости.

Иглик богател за счет хитрости и обмана. Пока ссорились между собой два рода — Мурат и Сармантай — за право владения урочищем Караганда-басы, он, продавив своего старшего сына Ордабая в волостные управители, продал это урочище купцу Ушакову.

Алтыназарбай реже прибегал к дипломатическим ходам. Он действовал прямо: пообещает своим многочисленным батракам за работу одну плату, а платит совсем другую, несравненно меньшую, или просто находит причину, чтоб вовсе не платить. В этом ему также помогали царские законы, защищавшие интересы богатеев.

Так год от года обогащался Алтыназарбай, все шире простирая свои шупал ыцы вдоль берегов Талды. Шедрые

подарки помогли ему привлечь на свою сторожу каркаралинского уездного начальника и мирового судью. **Больше** он уже не боялся домогательств именитого бая Иглика, который все еще не терял надежды потеснить своего соперника. Может быть, спор между двумя баями обострился бы, а может быть и затух, если бы на берегах Талды ее произошло одно знаменательное событие, сделавшее эти глухие степные места известными не только во всем Казахстане, но и в Европейской части России, в Средней Азии и даже в Афганистане, Персии и Китае. Таким событием было основание еще в 1848 году в небольшом селении Коянды, расположенном на пересечении Каркаралинско-Павлодарского тракта с рекой Талды, крупнейшей ярмарки.

Шли годы, и ничем не приметный и тихий поселок Коянды вдруг наполнился пестрым шумным торговым людом. Сюда съезжались купцы с Волги и Урала, из Хивы и Бухары, с Семиречья и Иркутска. На свежей, чуть пробившейся густой зелени долины Талды выросли сотни белых нарядных юрт, шатров и палаток. Они тянулись вдоль реки почти на целых десять верст, образуя цепь шумных, взбудораженных торговым азартом аулов. Под веселым майским солнцем на бледно-зеленом фоне долины ярко выделялись искусно сотканные узорчатые ковры. Их привезли сюда чернолицыцы от густого загара хивинские и бухарские купцы. Отдельные торговые ряды соорудили себе волжане, привезшие в Коянду с берегов великой русской реки целые караваны добротной саратовской и самарской пшеницы.

— Робяты! Мужики! Глядите, пшеничка-то какая! Чудо! Зерно в зерно, — бойко кричали приказчики, приглашая покупателей.

— Чужими деньгами куда как легче распорядиться, — доносился ворчливый бас с другой стороны. — У чужих денег крылушки, у своих — гиришки!

Собственно, покупателями здесь были все те же купцы. Продав одни товары, они покупали другие. Семиреченские толстосумы пригнали сотни голов различного скота, московские привезли тюки дорогого шелка, сукна, сатина, семипалатинские и оренбургские — целые горы шерсти и пахнущих свежей выделкой кож. С утра до поздней ночи в долине Талды на площади в 50 квадратных километров не умолкали горячие споры и раэноголо-

сый говор торгашей, ржанье лошадей, бляенье овец, усталые крики верблюдов.

Так было каждый год. На берег Талды съезжались баи, бии, многочисленные старшины, чиновники, волостные управители, полицейские. Все чаще приезжал сюда в летние месяцы и старый Иглик Утепов со своими сыновьями. Он видел, как год от года со сказочной быстротой растут табуны Алтыназарбая, и потому не мог спокойно спать. При встречах со своим соперником Иглик нервничал, и в душе его росло непреодолимое чувство мести.

— Надо подрезать крылья этому коршуну. Он возомнил себя беркутом,—сказал однажды Утепов своему старшему сыну. Ордабай вопросительно посмотрел на отца.— Подбери надежных джигитов и утони табунчик лошадей,— добавил Иглик.

Аул Алтыназарбая расположился в уютной ложине, между двумя невысокими коричнево-бурыми холмами. Даже в самые знойные летние дни здесь было прохладно. Сюда не проникали южные суховеи, а в северо-западной стороне аула причудливой дугой изогнулось небольшое безымянное озеро. Оттуда круглое лето тянуло благодатной свежестью. За холмами раскинулась ровная степь, покрытая разнотравьем. В степи то тут, то там, словно разбросанные осколки зеркала, сверкали на солнце небольшие плесы озерков. А там, дальше, у самого горизонта, серебряной лентой протянулась Талды. На этих широких степных просторах нагуливали жир многотысячные табуны лошадей и верблюдов, стада коров, отары курдючных овец. Весь этот скот, как и вся богато одаренная природой степь, принадлежали Алтыназарбаю. Он пригонял сюда свои табуны на летовку.

Над степью догорал закат, когда к одной из юрт аула Алтыназарбая подъехала маленькая вороная лошаденка, запряженная в углый возок. К костру, густо чадившему горьковатым кизячным дымом, неторопливой походкой подошел старик-возница.

— Асселау магалеюкүм!—хриповатым голосом приветствовал он сидевших у костра мужчин.

Навстречу незнакомому поднялся сухощавый человек. В сгущающихся голубых вечерних сумерках трудно было рассмотреть лицо гостя, до самых бровей за-

крытое малахаем. Хозяин юрты и незнакомец несколько минут молчали. Наконец, хозяин спросил:

— Из какого рода будете? Куда путь держите, аксакал?

— Из рода Сармантай. Еду из Караганды.

Сидевший у костра джигит в заячем треухе порывисто встал, подошел к старику и с нескрываемым любопытством всмотрелся в его заросшее реденькой бородкой морщинистое лицо.

— Вы Кумиса Медиева, случайно, не знали в Караганде? — спросил он.

Аксакал на минуту задумался. Поглаживая усы, он старался припомнить всех, с кем ему приходилось за многие годы жизни встречаться в Караганде.

— Нет, Кумиса Медиева не помню,— с искренней горечью признался старик.

— А Мухаметбека Жумабаева?—не успокаивался джигит.

— Мухаметбека?! — голос аксакала дрогнул и задребезжал, как надтреснутая домбра.— Мухаметбека хорошо помню. И отца его аксакала Жумабая помню. Душевный и умный был старик. Мы когда-то жили с ним в одном ауле, на берегу Нуры. А Мухаметбека...— хрипый голос его вдруг прервался, и все почувствовали, что старик плачет.

— ...Мы с братом Байшоаем похоронили его недалеко от Караганды,— тихо произнес незнакомец.

— Аппак-ага. Дорогой Аппак-ага — вскрикнул джигит, обнимая старика.— Как вы постарели, как изменились. Не узнать вас. А ведь мы вместе с вами и Байшоаем хоронили Мухаметбека, помните?

Только сейчас Байжанов вспомнил молодого бойкого подростка Кумиса Медиева, барабанщика шахты «Васильевская», который помогал им хоронить убитого в забое весельчака Мухаметбека. Шахту «Васильевская» с тех пор так и прозвали «Кара забой», что значит «Черный забой».

— После смерти друга я не мог работать на проклятой шахте «Кара забой», и как только попался первый попутный караван, я уехал в аул. Теперь мы вместе с Сихимбаем пасем лошадей у Алтыназарбая.

Указав кивком головы на сидящего рядом у костра

хмурого черноусого хозяина юрты, того самого, что первый заговорил с гостем, Кумис Медиев пояснил:

— Сихимбай уже двадцать лет пасет скот Алтыназарбая. Он самый опытный табунщик. Хоть завяжи ему глаза, он укажет каждую тропку в этой степи. Оттого и скот, который пасет Сихимбай, дает самый высокий приплод. И отхода почти не бывает. А другие пастухи волков кормят. Много нынче в Сары-Арке развелось волков. Под стенкой юрты у Сихимбая целая куча волчьих шкур. Это только за одну зиму он добыл. Бай любит Сихимбая. Летом он на целый месяц уезжает на Кояндинскую ярмарку и не боится за скот. Я у Сихимбая — первый помощник.

Выпив крепкого кумыса, Медиев еще больше оживился. Он принадлежал к тем людям, которым для счастья нужно совсем немного и которые при случае не прочь почесать язык. Сихимбай, напротив, был человеком угрюмым и неразговорчивым. Из узких щелок его черных задумчивых глаз непрерывно струилась тоска. Видно, старшего табунщика мало радовало хорошее расположение к нему Алтыназарбая. Когда Кумис говорил об этом, Сихимбай брезгливо морщился.

Разговор внезапно оборвался. Умолк даже словоохотливый Кумис Медиев. Недаром говорят, что людское счастье — вода в бредне. Только что широкое обветренное лицо джигита светилось счастьем, но прошло всего несколько мгновений, и оно поблекло, радость исчезла без следа. Кумис слушал печальный рассказ Аппака о трагической судьбе знакомых и родных людей, об издевательствах над ними в каменноугольных копях Караганды, и в глубине души его поднималась ненависть к богачам.

«Что из того, что Алтыназарбай с похвалой отзывается о Сихимбае, — думал Кумис. — Лучше бы он честно расплачивался с табунщиками, которые день и ночь, зиму и лето проводят с его скотом в степи, в холод и

зной умножают его богатство, а у самих куска хлеба нет и одеты в лохмотья».

— Хорошо, Аппак, — сказал Сихимбай. — Я попрошу Алтыназарбая, чтоб он взял тебя в пастухи. Будем пасти скот вместе. Живите со старухой пока у нас, а когда приедет бай, держись пободрей, не сутулься. Алтыназарбай, как и хозяева Карагандинских шахт, любит сильных, здоровых, выносливых слуг.

БЕКБУСЫН, СЫН СИХИМБАЯ

— Мама! Мама! Коке* лису поймал! — кричал загорелый мальчуган. Он был без рубашки, в одних самодельных трусиках и черной, уже потерявшей тюбетейке.

Из юрты вышла невысокая молодая женщина в белом длинном покрывале. Увидев подъезжающего верхом на коне мужа с ярко-золотистой лисицей у седла, она приветливо улыбнулась.

— Алтыназарбай еще не приезжал в аул? — привязывая у юрты коня, спросил Сихимбай.

— Нет.

— Коке, разреши прокатиться на коне, — поглаживая вспотевшую холку вороного скакуна, попросил Бекбусын.

— Пусть отдохнет немножко, потом прокатисься.

Сихимбай около недели не был дома. Вместе с Кумисом он перегонял табуны на новые пастбища и не мог отлучиться. Теперь к нему на помощь приехал Аппак, и старший табунщик решил навестить семью, отдохнуть.

У Сихимбая было два сына — Бекбусын и Билеген. Бекбусыну недавно исполнилось тринадцать лет, Биле-

* Коке — папа

гену — три года. Бекежан — так Сихимбай называл своего любимца — подвижный и не по возрасту смышленный мальчик с виду казался хрупким. Но внешность была обманчива: мальчик рос крепким и отличался выносливостью. Отец сам удивлялся ему. Бывало, оседают молодых, еще необъезженных скакунов. Лошади становятся на дыбы, отчаянно брыкаются, стараясь сбросить ездоков., но пришпоренные в бока, они во весь опор, как бешеные, устремляются в степь. От быстрой скачки шумит в ушах, трава сливается в сплошной желто-зеленый ковер. Сихимбай неотрывно смотрит на сына, скачущего впереди. Бекбусын, словно клещ, плотно прижимается к шее лошади и несется, как ветер. Отец с гордостью восклицает: «Молодец, Бекежан!»

Вот и сейчас, с разрешения отца, Бекбусын садится на быстрого коня и сразу же пускается в карьер. Он вихрем уносится в голубую даль. Стоя у дверей юрты, отец и мать радостным взглядом провожают любимого сына.

— Бекежан наш будет джигит! — с гордостью произносит отец. Мог ли он думать, что последний раз любит своим орленком, что беда нависла черной неотвратимой тучей?

Радостный и довольный, Бекбусын возвратился из степи только к вечеру. Поиграв немного со своими сверстниками в асыки, он прилег в юрте на кошму и сразу же уснул крепким, беззаботным сном. Ему снилось, будто он вместе с отцом пас табуны лошадей на берегах Талды. Отец почему-то казался старым, болезненным. Наступила темная холодная ночь. В густой кромешной мгле ему ничего не видно. Но он отчетливо слышит, как вдали тревожно фыркают лошади, испуганно мечутся жеребята. Бекбусын догадывается, что к табуны подкрадываются волки. А он один в ночи, ему страшно, но за плечами у него ружье, и Бекбусын быстро несется туда, где вероятнее всего волки. Вот он заметил в темноте красноватые огоньки волчьих глаз. Испуганные жеребята шарахнулись в разные стороны. В ночной тишине звонко отдается многотысячный топот копыт. Бесстрашный Бекбусын на полном ходу снимает ружье, взводит курок, прицеливается. Но в этот момент откуда-то изда-лека слышит тревожный крик отца:

— Быстрее отгоняй! Быстрее!

Мальчик вздрагивает и просыпается. В юрте темно. Слева мирно спит Билеген, справа сидит испуганная мать. Она шепчет про себя молитву и торопливо одевается. Отец стремглав выскочил из юрты, сел на коня и укакал в степь. За юртой крик:

— Быстрее отгоняй! Быстрее!

Поднялся невообразимый свист. Совсем близко фыркали лошади. По густому топоту копыт чувствовалось, что их много. Наверное, куда-то перегоняют табун. Может, в самом деле на него напали волки?

Бекбусын и его мать выбегают из юрты. В степи темно и шумно. Промчавшийся мимо верховой крикнул:

— Барымта! Разбойники на табун напали!

По спине Бекбусына прокатилась холодная дрожь. Он взглянул на мать. Она растерянно вытирала подолом слезы. А в темноте все усиливался свист и разноголосый крик.

— Мама, а где коке? — спросил Бекбусын.

— За разбойниками погнался. Горе нам, сынок, горе!

Мать тоже побежала в степь, отчаянно голося и призывая кого-то на помощь. Мальчик устремился следом.

Над аулом уже занималась бледная заря, когда при-скакавший !Кумис Медиев радостно сообщил:

— Отбили табун! Сихимбай отбил, батыр Сихимбай!

Рубашка Кумиса была изодрана, он тяжело дышал.

— Шрагым*, не задерживайся здесь, скачи на помощь Сихимбаю. Разбойники могут вернуться, и они снова нападут на него!

Медиев повернул лошадь, и дробный стук копыт растворился в белесом тумане майского утра.

Бекбусыну в это утро казалось, будто выползшее из берегов Талды солнце никак не хотело оторваться от студеной воды, а все катилось и катилось по ее спокойной серебряной глади. Он все утро ждал отца. Но Сихимбай вернулся в аул только к полудню. На его мертвенно-бледном лице во всю правую щеку зияла глубокая рана, кровь запеклась вокруг нее. Мать бросилась к нему навстречу. Отец ни слова не вымолвил. Он отстранил ее от себя и, войдя в юрту, устало опустился на кошму. Обычно добродушное лицо Сихимбая стало каменным, а

* Шрагым — светик.

лучистые глаза подернулись мутью, казались невидящими.

— Разбойники рассекли ему щеку и повредили челюсть. Не вызывайте его на разговоры,— предупредил один из джигитов, сопровождавших Сихимбая.

— У него плечо перебито,— добавил другой.

А вокруг юрты толпился народ. Люди открыто восхищались доблестью и отвагой своего сородича, и сердца их переполнялись гордостью.

— Ай, Сихимбай! Честь тебе и слава! Ты впрах развеял наших врагов. Позор и проклятье им!

Пополудни в аул прискакал Кумис Медиев. Не заходя в юрту, он поспешил к Сихимбаю.

— Ну что с Аппаком? Как его здоровье? — едва шевеля губами, спросил старший табунщик.

— Отагасы*, Аппак просил тебя не беспокоиться о нем. Он чувствует себя неплохо. У нас другая забота — мы несколько раз пересчитали табун и недосчитались четырех лошадей. Что скажет теперь Алтыназарбай?

— Четырех лошадей бай как-нибудь простит. В крайнем случае, я отдам ему тех коней, которых он обещал мне за службу, а остальных отработаю.

Сихимбай болезненно морщился, прикрывая окровавленную щеку тряпкой. Чувствовалось, что говорил он через силу, преодолевая неимоверную боль.

— Кто еще, кроме тебя и Аппака, знает о пропаже четырех лошадей?

— Тетя моя знает, она сейчас там.

Сихимбай с неизменным спокойствием взглянул на Кумиса:

— Узнала тетя — узнал весь аул. Было бы лучше, если б Алтыназарбай пока не знал о пропаже лошадей.

— Хорошо. Я поговорю с тетей.

Сжавшись в комочек, Бекбусын притаился в уголке юрты. Из разговора отца с Медиевым он понял, что беда, обрушившаяся на их семейство, еще не миновала, наоборот, она подступала все ближе. Мальчик не раз видел, как Алтыназарбай до полусмерти избивал провинившихся батраков, выгонял их из аула. Может, на этот раз он смилостивится? Ведь он всегда гордился своим табунщиком, доверял ему! Но почему отец так опасает-

* Отагасы — отец, глава семьи.

ся бая? Не пахнет ли тут грозой? Как больно щемит сердце у Бекбусына! Как плохо быть маленьким и бес- сильным! Будь он взрослым—взял бы с собой отца, мать и, конечно, братишку Билегена, и уехали бы они далеко-далеко за речку Талды, туда, где синеют Каркаралинские горы. Не нашел бы их там бай и жили бы они спокойно и мирно. (Как бы рад был отец! И мать бы не плакала, а только улыбалась и, довольная своим счастьем, подавала бы им прохладный айран.

А может быть, все обойдется по-хорошему? Может, бай еще долго будет разъезжать по Коянде, и все забудется? Хорошо было бы, если бы на него напали голодные волки и загрызли его насмерть. Как бы обрадовались люди! Не напрасно ли отец убил зимой четырех волков, охраняя байских лошадей?

В тревоге прошли день и (ночь. Утром следующего дня кто-то из соседей приподнял кошму юрты и крикнул:

— Алтыназарбай едет!

Сихимбай вышел из юрты. Кавалькада всадников, среди которых табунщик сразу узнал массивную фигуру бая на кауром коне и его сыновей, быстро приближалась к аулу. Но странно: почему Алтыназарбай едет напрямик, через степь, а не по дороге? Торопится? Неужели кто-нибудь сообщил ему о случившемся?

— Может, сразу сказать ему о пропаже четырех лошадей? — сказал Сихимбай жене.

— Не вздумай, не надо. Ты же знаешь, какой он горячий. Сначала надо постараться расположить его к себе, рассказать, как вы отчаянно сражались с разбойниками, как отбили их, а потом он и сам рад будет, что потерял четырех лошадей, а не весь табун.

Но «расположить к себе» Алтыназарбая не пришлось. Увидев еще издали стоящего у юрты табунщика, разъяренный бай угрожающе замахал кулаком.

— Так вот как ты служишь мне! Под подолом у бабы греешься, больным притворился! Где мои четыре лошади?

— Разбойники напали.— несмело ответил Сихимбай.

— Сам ты разбойник! Ты сам обокрал меня!

Бай с разбега чуть не смял Сихимбая лошадью. Табунщик успел посторониться.

— Прячься, вор? — глаза Алтыназарбая налились кровью и, словно у разъяренного тигра, светились холод-

ными, дикими огоньками. Услышав бешеный крик, из юрта высыпали старики, женщины, дети. Они стояли молча, со страхом наблюдая за происходящим.— Почему не известил меня о случившемся?

Исступлению бая не было предела. Голос у него, как у беснующейся собаки, надорвался, стал по-смешному сиплым, с визгливыми нотками. На побагровевшем рябом лице выступили фиолетовые пятна, широкий толстогубый рот искривился, пузырясь пеной. Отчаянным рыв-

ком он вздыбил коня и, выхватив у одного из всадников соил, с размаху ударил Сихимбая по голове. Сихимбай потерял равновесие, зашатался, тщетно ища руками опоры в воздухе. Но опоры не было, и он рухнул на землю.

Собравшаяся поодаль толпа вздрогнула. Маленький Бекежан зарыдал. Мать в эти короткие мгновенья, казалось, ничего не понимала. Широко раскрытыми глазами она смотрела то на страшное лицо Алтыназарбая, то на валявшегося у ног байской лошади мужа. Когда Алтыназарбай еще раз с силой опустил соил на Сихимбая, мать бросилась к мужу. Сихимбай был уже мертв. Мать рвала на себе волосы, царапала лицо, осыпая бая проклятьями.

— Прочь, убийца! Собака ты бешеная. Пусть весь род твой сгинет от проклятий моих!..

— Ты — жена вора. Ты заплатишь мне за моих лошадей, до копейки заплатишь! — рычал бай.— Я раздавлю тебя, как котенка, или, как рабыню, продам бухарским купцам. Чего стоите? — гаркнул он своим пришепникам.

Байские слуги того, казалось, и ждали. Они заломили руки женщине. Вскоре, связанная по рукам и ногам волосяными веревками, она гордо стояла перед баем. Не выдержала, плюнула в ненавистные глаза: — Вот тебе, получай!

Алтыназарбай стегнул ее. Платье на спине лопнуло, заструилась кровь. Бекбусын громко зарыдал. Мать повернулась к нему и спокойно произнесла:

— Бекежан, сыночек ты мой родненький! Запомни ты этого изверга. Вырастешь — отомсти за отца.

Бекбусын, услышав эти слова, замер. Сердце его сильно колотилось, глаза застилала слезы. В жестоком водовороте судьбы мальчик чувствовал себя беспомощным. Оглушенный внезапно нахлынувшим горем, он ничего больше не слышал, а кругом раздавались возгласы возмущения, рыдали женщины, плакали старики.

Наступила страшная минута. Мать тюком бросили в седло одного из всадников, а мертвого отца с рассеченной щекой и разбитым черепом перетянули волосяной петлей, прикрепив ее к седлу другого всадника.

— Так будет со всеми, кто посягнет (на мое добро! — угрожающе выкрикнул Алтыназарбай. Бай прищпорил коня, и кавалькада аллюром понеслась в степь. Люди вздрогнули и ладонями закрыли лица. Сквозь слезы, слепившие глаза, словно в кошмарном сне, Бекбусын последний раз смотрел на своих родителей: мать билась в седле, а отец на аркане волочился по пыльной каменистой дороге...

Приехав со степи поздно ночью, Кумис Медиев осторожно, чтобы не разбудить детей, вошел в юрту Сихимбая и доложил:

— Отагасы, эй, отагасы! Все четыре лошади найдены, никто их не угнал. Они в суматохе забежали за пригорок и там паслись.

Но Медиеву никто не отвечал. Неужели Сихимбай не рад такой новости?

— Ага, эй, ага!*—не унимался Кумис.— Это я, Кумис. Слышишь?

Джигит пошарил в темноте руками и никого на кошке не обнаружил.

Это случилось в 1883 году,

ДОСКЕЙ

В те годы земли Центрального Казахстана в официальных государственных ведомствах чаще всего именовались Степным краем. Кто первым, дал им такое название — трудно сказать, но оно было столь же метким, сколь и простым. Возвращаясь с Кояндинской ярмарки, волжские купцы удивленно разводили руками:

— Вот где простор, батенька мой! Проедешь сотню верст, вторую, третью, ан ни одной души не встретишь! Жутко становится от безлюдья!

Летом 1883 года дороги Степного края вдруг ожили. По ним больше обычного потянулись длинные верблюжьи караваны. Днем и ночью в глухой степи тоненьким заунывным голосом звенели колокольчики. То предприимчивый торговый люд спешил в Коянду, где в этом году по случаю 35-летия ярмарки ожидалась необычайно крупные торги.

Знаменитая ярмарка Степного края совсем не походила на прежнюю. Вместо палаток и юрт здесь, в долине Талды, вырос большой поселок с красивыми двухэтажными деревянными зданиями; длинными торговыми рядами, магазинами и складами. В центре возвышалась часовня, которая, казалось, подчеркивала, что место это обжито прочно и навсегда. Об этом же особенно красноречиво напоминал собой и появившийся поодаль обширный трактир.

Приехавшие на ярмарку Никон Ушаков и его неизменный спутник Степан Бушуев с любопытством разглядывали капитальные строения жилых домов и магазинов. Никон уже несколько лет страдал тяжелым недугом и поэтому никуда не выезжал из Петропавловска. Да и постарел он, одряхлел, осунулся. Прежнюю копну густых черных волос, постриженных в кружок, будто кто-то заменил белой мочалкой старого парика. Но сейчас, ока-

* Ага — почтительное обращение к старшему

завшись в людском море, в центре всевозможных торговых сделок, он почувствовал прилив сил. Бледно-желтое лицо его заиграло румянцем, маленькие серые глаза, глубоко скрытые в припухших складках, загорелись былым азартом. Так заядлый картежник, стоящий на краю банкротства, отчаянно решается «стукнуть по всему банку».

— Эх, Степка, Степка, отменное дельце проворонили мы с тобой! Ей-богу, проворонили! — окидывая взглядом ярмарку, сказал пободревший купец.

— Про что намекаешь, Никон Абрамович? — спросил Бушуев.

— Да про то, что давно бы надо нам тут лавчонку свою поставить. Уж больно место-то бойкое. Недаром говорят: не во-время копейку пожалеешь — рупь потеряешь!

— Полно сокрушаться о богатстве-то! Лучше телесного здоровья богатства нет. А у тебя, слава богу, здоровьице пока водится.

— Да и то правда, Степан! Нонешним летом семьдесят семь стукнуло мне, а на здоровье не жалуясь отвечал Ушаков.— Ретивая лошадка, она, говорят, не долго живет... А насчет лавчонки все-таки надо помозговать.

На этом разговор прервался. Они медленно шли вдоль торговых рядов, разглядывая товары, разложенные на возах, на кошмах, на прилавках.

Ярмарка раскинулась вширь километров на пять, а в длину — вдвое больше, и все это пространство гудело гигантским ульем, смеялось и пело безрассудно-веселым, пьяным голосом, горячо спорило, кричало, причитало на разных языках и наречьях. Слева доносились залиvistые звуки колокольчиков саратовской двухрядки, справа печальная мелодия домбры.

У невысокого деревянного строения четыре смуглых узбека в четырехугольных тюбетейках, засучив по локоть рукава, жарили шашлык, зычно зазывая покупателей. Удушливый запах дыма и жареной маринованной баранины сразу прервал деловые мысли старого купца. Старик сдвинул картуз на затылок и, почувствовав пробуждающийся аппетит, пожевал пересохшими губами.

— А что, Степан, не перекусить ли нам? Эх, кваску бы хлебного да со льда!

Бушуев оживился:

— Перекусить, пожалуй, не мешает, Никон Абрамович Кваску нашинского, петропавловского, тут, конечно, не найдем. Но это не беда. От жажды кумыс или айран еще лучше.

— Тогда вот что, мил друг! Лошади наши малость отдохнули. Иди, скажи Гришке, пускай запрягает и мигом подъезжает сюда. Поедем в южный угол, там у нас основные дела — там и отобедаем.

«Южный угол» ярмарки находился километрах в четырех от поселка Коянды. Здесь полновластными хозяевами были именитые феодалы, султаны, баи и прочая степная знать, владевшая десятками и сотнями тысяч голов скота и торговавшая им. Никон Ушаков явился в Коянды не в качестве праздного туриста, не ради любопытства. Спрос военной промышленности России на медь в эти годы быстро возрастал, цены на нее на рынке повысились. Дела компании шли в гору. Меры к увеличению выплавки меди были уже приняты. Теперь требовалось срочно разрешить не менее важную проблему — транспортную. Чтобы выплавлять больше меди, требовалось больше руды и угля. Медеплавильный завод находился в Спасском, в сорока километрах от Караганды, медный рудник — в Успенском, в ста километрах от завода. Перевозки руды и топлива производились вычным путем, на верблюдах, и отчасти на быках. Ежедневно надо было караваном отправлять штыковую медь из Спасска в Петропавловск, к железной дороге. А это путь не короткий — свыше 600 километров. По подсчетам компаньонов, для своевременных перевозок увеличивающихся грузов нужно пополнить караваны по крайней мере сотней верблюдов и полсотней быков. Никон Ушаков и приехал в Коянды, чтобы разрешить вопрос с транспортом.

Звения бубенцами, лихая тройка вороных птицелета по ровной, твердо укатанной степной дороге. Кучер Гришка, рыжеволосый парень лет двадцати, бодро сидя на облучке, время от времени хмурился на правого пристяжного и, отставив руку в сторону, угрожающе показывал ему кнутовище. Пристяжной, видимо, понимал гришкины знаки, потому что правые постромки сразу уравнивались с левыми. Гришку радовало, что не только властолюбивого Никона, но и его кое-кто слушается. Он

еще больше выпрямлялся на облучке и белая войлочная шляпа его едва держалась на макушке.

Дорога скользнула влево, взобралась на пригорок, и Степан увидел широко рассыпавшиеся в степи бесчисленные фигурки животных: верблюдов, лошадей, коров, баранов. Среди этой мелкой россыпи то тут, то там на коричнево-буrom фоне степи отчетливо выделялись белые юрты. Вправо, метров восемьсот от дороги, в излучине Талды, юрты густой толпой подступили к самому берегу реки.

Никон тронул рукой плечо кучера:

— Сворачивай, Григорий, вправо. Поедем в аул.

Собственно, это был не аул, а южная оконечность ярмарки, где велась торговля скотом. Оставив лошадей на зеленой лужайке, поросшей густой луговой травой, Ушаков и Степан направились к юртам, у которых гудела огромная толпа. Люди о чем-то горячо спорили. Тут происходило какое-то важное событие. Никон и Степан хорошо владели казахским языком, поэтому им нетрудно было удовлетворить свое любопытство.

— Что, здесь собрание биев происходит? — подойдя к бурлящей толпе, осведомился Бушуев у молодого джигита.

— Разве собрание биев привлекло бы столько народа? — ответил джигит и, улыбнувшись, добавил: — Ждем начала айтыса акынов Кокпая и Доскея. Кокпай находится здесь с утра. Он уже спел много песен и ждет сейчас своего соперника Доскея, который должен вот-вот приехать.

— Это по какому же случаю? Чему посвящен айтыс? — допытывался Степан.

Джигит охотно рассказал все по порядку. Известный и уважаемый всеми в карагандинских степях акын Доскей, сын Алимбая, разъезжает с весны по аулам Каркаралинского уезда, поет свои любимые песни. Он очень умен, добросердечен, остроумен и находчив в песенных спорах. Его голос чист и звонок, как весенние ручьи в Каркаралинских горах. Когда в ауле звенит домбра Доскея и звучит его голос, все люди бросают работу и собираются слушать акына.

Однажды вечером Доскей приехал в аул Алтыназарбая. Привязав свою лошаденку к коновязи, он весело ударил по струнам домбры и, не переводя дыхания, за-

пел. Акын пел о жизни, о том, что хоть в жизни немало печали, она все же хороша: в ней есть любовь. Он пел долго и вдохновенно. Но вот песня кончилась. Акын умолк и, оглядевшись вокруг себя, ужаснулся: к нему не подошел из аула ни один человек! Доскей приблизился к одной из юрт.

— Что, шеше, разве вам не нравится моя песня? — спросил он у старушки, хлопотавшей у костра.

— Сегодня в нашем ауле, сынок, слишком много пролило не только слез, но и крови, и твоя веселая песня совсем некстати.

Она рассказала акыну, как озверевший Алтыназарбай убил неповинного табунщика Сихимбая и угнал его жену, осиротив двух малышей. Доскей был потрясен страшным рассказом.

— Я отомщу этому кровожадному пауку! — сказал он. — Я сложу песню проклятья, я буду ездить по всем аулам и впрах разнесу Алтыназарбая!

Вскоре вся степь от края до края узнала о чудовищном злодействе Алтыназарбая. Иглик Утепов, давно враждующий с Алтыназарбаем, решил воспользоваться этим случаем и нанести своему противнику смертельный удар. Но Алтыназарбай — хитрая лиса. Он не сидел, сложа руки. Он привез из Семипалатинска акына Кокпая, солидно задобрив его, и Кокпай возносил своего покровителя до небес. Народ в аулах открыто возмущался лицемерными песнями Кокпая. Семипалатинский акын до крайности возненавидел Доскея. Будучи гордым и самовлюбленным, он публично вызвал карагандинского певца на песенный поединок, который был назначен на сегодня.

— Значит, бай Иглик Утепов и Алтыназарбай найдутся здесь? — спросил Степан джигита.

— Оба здесь. Они выступят кровными врагами на айтысе. Алтыназарбай с Кокпаем сейчас пьют чай. Вот здесь! — джигит указал рукой на богатую белую юрту, у которой толпились животноводы. — А юрта Иглика — вон, крайняя, у самой воды.

Степан взглянул на Ушакова:

— К кому из них направимся, Никон Абрамович?

Ушаков, шурясь, неторопливо раскуривал трубку. Конечно, задерживаться здесь ему некогда. Надо быст-

рее закупить скотину и отправляться в Спасск: дела не ждут.

— Слышь, парень, а ты чей будешь? — обратился он к общительному джигиту, который рассказывал Степану о Доскее.

— Я — табунщик Алтыназарбая, Кумис Медиев.

— Что же ты делаешь тут?

— Байских лошадей пригнал для продажи-

— А верблюдами кто здесь торгует, не знаешь?

— Многие торгуют. Спросить надо.

— Отменно! Тогда вот что, господин Медиев, проводи-ка нас к баю Утепову.

Но в это время толпу всколыхнул чей-то радостный голос:

— Доскей едет! Доскей!

Толпа зашумела, зашевелилась, как растревоженный муравейник.

— Доскей-акын жа-са-сын!* — неслось со всех сторон-

Степан Бушуев, выделявшийся среди толпы своим исполинским ростом, поднявшись на носки, свободно смотрел поверх голов. Он видел скачущих вдоль берега двух всадников. Когда они приблизились на такое расстояние, что можно было рассмотреть черты их лица, Бушуев без труда опознал обоих. Слева на белом тонконогом скакуне ехал младший сын Утепова Татий, похожий своей толстой рыхлой фигурой, большими глазами на женщину, а справа — на низкорослой степной лошаденке восседал среднего роста смуглый, тонколицый джигит лет тридцати двух — тридцати пяти. Одет он был бедно: синяя рубашка-косоворотка, старые ситцевые шаровары, на ногах — шарке**, на голове тубетейка. Через плечо, словно ружье, висела домбра.

— Э, так я с вашим знаменитым акыном хорошо знаком! — воскликнул Степан.

— А кто с ним незнаком! Ему весь народ — родственник! — ответил Кумис.

У белой юрты разостлали огромный ковер, вокруг которого столпились люди. Увидав скачущего на коне Доскея, на ковер пробрался здоровый мужчина, одетый

* Пусть здравствует наш акын Доскей!

** Шарке — обувь, напоминающая кожаные лапти.

в голубой шелковый халат и в такого же цвета тюбетейку. Широкоплечий, крепкого телосложения, с черными усиками и коротко остриженной бородой, он напоминал боксера. Человек важно прошелся с угла на угол ковра, быстрыми глазами оглядывая публику. Толпа росла с каждой минутой. Люди усаживались прямо на траву, ловко подгибая ноги и образуя множество полузамкнутых колец вокруг певцов. Одетые в яркие национальные костюмы девушки вынесли на круг медный таз с кумысом, расставили пиалы. В торжественном ожидании появления Доскея публика заметно притихла.

Человеку в голубом шелковом халате, сидевшему на ковре, вынесли из юрты домбру. Он бережно взял ее в руки и, устремив взгляд куда-то в небо, сделал навстречу Доскею несколько шагов. Зазвенела его приветственная песня.

Доскей, увидав пышно разодетого соперника, едва заметно, уголками губ, иронически усмехнулся, с чувством собственного достоинства, вплотную подошел к своему именитому сопернику и, ударив всей пятерней по упругим струнам, звонко и вдохновенно затянул ответную песнь. Тысячи людей, затаив дыхание, внимали каждому слову молодого импровизатора:

Чтобы хвастать именем народа,
Надо знать его радость и горе,
Вместе с ним в зной и в стужу
Неразлучно надо идти;

Чтобы петь от имени народа.
Надо в юрте дырявой родиться,
Испытать и голод и холод
На его многотрудном пути...

Кокпаю не понравился дерзкий тон Доскея. Он выскомерно перебил карагандинца:

В первый раз я встречаю, ,
Чтоб босяк и бродяга
Просвещенных людей учил.

Умные, пронизательные глаза Доскея, полные безмолвной тоски, вдруг вспыхнули искрами задора. Он легко ударил пальцами по звонким струнам домбры и, выдержав спокойный тон, ответил Кокпаю:

Пусть я босяк и бродяга,
Но бродяга — необходимое дополнение к
миллионеру!

Что бы делали баи, если б не было
джатаков?

— Эй, деген-ай — раздалась из толпы громкие возгласы одобрения.

Доскей продолжал:

— Просвещенные столпы должны помнить народную мудрость: знание, как и вода: не забирается на вершину, не бывает у гордых. И то и другое ищет низкое место!

По рядам собравшихся снова прокатилась волна одобрительного шума.

Поспешно пробираясь сквозь толпу, у юрты на подушках усаживались богато разодетые баи, старшины, их выхоленные сынки, седобородые аксакалы. Среди них Кумис Медиев заметил и тех двух русских, которые только что разговаривали с ним. Старик, пыхтя трубкой, сидел рядом с Татием Игликовым. Высокий разговорчивый господин, который сказал ему, что он давно знаком с Доскеем, оживленно беседовал с Алтыназарбаем. Кто они такие? Наверно, купцы? А где же старый Иглик? Неужели не пришел? Видно, не пожелал сидеть у юрты Алтыназарбая.

Одобрительные возгласы, которыми увенчались первые песни Доскея, встревожили и обозлили Кокпая. Он не ожидал, что состязание сразу же примет такой крутой оборот. Но он также хорошо понимал, что нервни-

чать на айтысе — значит проиграть состязание. И Кокпай, сделав вид, будто слова Доскея нисколько не тронули его самолюбие, решил оставить их без ответа. Снисходительно улыбнувшись, он, затаил совершенно отвлеченную песню. Доскей внимательно слушал своего неглупого и небесталанного соперника. Песня его звучала стройно и величаво, то взмывая ввысь на быстрых крыльях мелодии, то снова медленно и плавно опускаясь. Кокпай воспевал приволье родной степи, ее пастбища, сверкающие на солнце реки и озера, поднявшиеся ввысь голубые горы, шумящие на ветру леса.

Доскей разгадал хитрый маневр противника. Кокпай не импровизировал, а исполнял давно заученную песню, чтобы покорить слушателей своим сильным мелодичным голосом. Разрисовав в радужных красках картину степей, Кокпай вспомнил добрым словом хана Аблая, назвал себя его достойным потомком, потом перешел к описанию гостеприимства и великодушия Алтыназарбая, восхищаясь душистым кумысом, которым бай угощал акына. Каждую нотку длиннющей песни акын тянул добросовестно-долго, до предела напрягая голосовые связки. Круглое, похожее на спелую дыню лицо его покраснелось, покрылось крупными каплями пота.

Когда Кокпай умолк, бай и их верные слуги, а таких нашлось немало, дружно ударили о колени, выкрикивая слова похвалы и восхищения. Только Татий Игликов, растерянно озираясь, не знал, что делать — аплодировать или нет.

Красивая черноглазая девушка в вишневой плюшевой шапочке, увенчанной пушистым золотистым султаном, налив в большую форфоровую пиалу кумыса, поднесла его Кокпаю. Доскей окинул взглядом притихших слушателей и тронул струны домбры. В глазах чабанов светилось сочувствие, доброжелательность. О чем им спеть?

— Есть благо, которого никто не может отнять, это — воспоминания, — начал он под аккомпанемент домбры. — я слушал красивую песню Кокпая, и мне стало грустно. Я оглянулся на свою жизнь, и тоска подступила к сердцу. Моль, говорят, одежду ест, а печаль — сердце. Но печаль — беде не помощник. Веслом не расплещешь море, слезами не выплачешь горе...

И Доскей затаил песню о своей жизни. Слова этой песни, проникновенные, трогательные и простые, как сама жизнь, быстро пробивали дорогу к сердцам слушателей, пробуждая в них самые разнообразные чувства.

— Я родился в роде Сармантай на грани двух половин этого века.* Пяти лет оставил нас отец в прекрасной карагандинской степи одних, а сам по милости аллаха отправился искать счастье на тот свет. С матерью Умут бродил я до степи, босой и голодный, любясь блестящими на солнце реками и озерами, поднявшимися к небу голубыми горами, шумящими на ветру зелеными каркаралинскими лесами. Попробовать кумыса нам никто не давал, поэтому его душистого запаха я долго не знал. Через два года мне повезло: русские купцы начали в Караганде закладывать шахты и среди шахтеров каким-то чудом оказался мой родной дядя Барганы. Он взял меня на воспитание. Но воспитывала больше всего его жена Толебике — нелюдимая и злая, как змея. Она порола меня кнутом, порола утром, в обед и вечером. Видно, хотела, чтоб я меньше ел, а больше любовался очаровательной степной природой, столь достойно воспетой почтенным акыном Кокпаем. От побоев я сначала плакал, а потом привык и перестал плакать. Сам смастерил я домбру и стал петь. Воспитание Толебике пошло впрок. Но, видно, слишком тоскливыми были мои песни, потому что домбру мою злая Толебике разбила в щепки и сожгла на костре. Пас я сначала байских овец, потом коров, потом и лошадей. Это была моя школа второй ступени. Когда мне исполнилось семнадцать лет, я решил познакомиться с прославленным акыном Кокчетава Биржаном. Но как попасть в Кокчетава? Лошади у меня не было, а ехать надо было четыреста верст. Однажды из Спасска отправлялся с медью в Петропавловск караван. Я поступил погонщиком верблюдов. Биржан принял меня тепло, дружелюбно, исполнил мне песни «Айтпай», «Лайлим». Потом пел я. Биржан благословил меня быть акыном и в знак признания подарил мне свою домбру.

Доскей поднял высоко над головой домбру и с гордостью воскликнул:

* Доскей родился в 1850 году.

— Вот она, домбра славного Биржана. На ней я играю шестнадцать лет! Под ее аккомпанемент я пел Жаяу Мусе.* С ней победил на айтысе прелестную Ажар.**

Эти слова акына потонули в буре возгласов одобрения.

Обращаясь к Кокпаю, Доскей с укором продолжал:

— Ты воспеваешь Аблая и Алтыназарбая, шляешься по прохладным байским юртам, пьешь кумыс, а вокруг носа своего ничего не видишь! Я ехал по степи и видел на желтых кочках кровавый след. То Алтыназарбай, привязав к лошади табунщика Сихимбая, тащил его по степи. Я ехал и видел бредущих по дороге двух детей. Одному из них было лет тринадцать, другому года три. Это дети Сихимбая. Их осиротил Алтыназарбай!!!

— Апырай!***

— О, ужас. Будь ты проклят, Алтыназарбай! — доносились возгласы, проклятья.

— Не полезнее ли проявлять свой ум в том, что утаиваешь, чем в том, что высказываешь,—съехидничал Кокпай.— Конь вырвется — догонишь, а слова сказанного не воротить. Пожалеешь, да будет поздно!

— Не пугай, Кокпай. Только тому не страшна беда, кто готов всегда ее встретить! Пора и тебе знать истину: лекарство горькое — к здоровью, слово строгое — к пользе.

— Врешь, собака!—не удержавшись от накопившейся злости, взревел побагровевший Алтыназарбай.

Доскей, довольный тем, что вывел, наконец, из терпения этого старого шакала, улыбнулся и бросил дерзкое, убийственное слово:

— Народная мудрость гласит: следуй за голосом собаки, а не шакала — первый ведет в аул, второй — в пустыню!

Опять со всех сторон, как достойная дань акыну за находчивость и острословие, зазвучали возгласы одобрения.

* *Жаяу Муса* — поэт и композитор второй половины XIX века, оказавший крупное влияние на формирование поэтического таланта Доскея.

** *Ажар* — известная в Центральном Казахстане слепая женщина-акын второй половины XIX века.

*** Возглас удивления.

Айтыс принимал все более острый характер. Кокпай уже не мог сдерживать себя. Он не говорил, а кричал:

— Задравши голову, не плюй — попадешь себе в глаза!

— Совесть говорит, а интерес кричит,—спокойно ответил Доскей.— Но кому не известно, что ум теряет свое обаяние, когда он соединен со злостью. Успокойся, Кокпай! Полноводная река спокойна, умный человек не заносчив.

— Но ты пойми, Доскей. Все десять пальцев на руках не могут быть одинаковой длины. Высшие и низшие должны быть всюду!

— Согласен: волк овце не товарищ, бай бедняку не друг!

На эти слова толпа реагировала бурно. Восторженные крики могучим порывом бушевали над спокойной зеркальной гладью Талды.

Баи и волостные старшины, почетными гостями восседавшие на подушках, негодовали. Даже слабоумный сын Утепова, сопровождавший Доскея по поручению отца и считавший акына другом своей семьи, не мог равнодушно взирать на все происходящее. Он порывисто кинулся в гущу толпы и тут же потерялся в ней. Сердито ворча, скрылся в юрте и Алтыназарбай. Аксакалы недоуменно шептались. Кокпай в смятении перебирал струны домбры и не знал — продолжать состязание или благоразумнее прервать его?

Доскей понимал, что баи могут отомстить ему за дерзость. Надо поскорее убираться отсюда. Акын поднялся с ковра. Собрав все силы своей души, величаво спокойным, он тронул пальцами струны. Над степью поплыла, переливаясь, свободная песня о тяжелой судьбе народа.

Вскоре Доскей, окруженный чабанами, табунщиками, джатаками, сел на свою лошадку и удалился в сторону Каркаралинска.

Кумис Медиев подошел к Степану Бушуеву и спросил:

— Скажите, господин купец, откуда вы знаете Доскея?

— Когда он был погонщиком, мы с ним вместе ехали с караваном в Петропавловск,— ответил тот.

— А этот русский аксакал кто?

- Это мой хозяин — Ушаков Никон Абрамович.
- Это тот самый Ушаков, которому Аппак Байжанов горючие камни отдал?
- А ты откуда знаешь это?
- Аппак рассказывал мне.
- А где он сейчас?
- Аппак недавно умер. Его сильно избили барымтачи.
- Слышишь, Никон Абрамович,—крикнул Степан стоявшему недалеко Ушакову.— Знакомый-то твой Аппак Байжанов, оказывается, богу душу отдал!
- Царство ему небесное! — перекрестился Никон.

БРАТЯ ПО КЛАССУ

Рано утром штейгер* Степан Фомич, одевшись в брезентовую спецовку, вышел из землянки. На темном звездном небосклоне за сопкой Ак-Шоки появилась первая белесая полоска утренней зари. Штейгеру надо было спешить на шахту «Васильевская», чтобы успеть проверить состояние забоев до начала утренней смены. Зябко поеживаясь, он плотнее натянул шапку-ушанку и, утопая в снегу, зашагал через косогор, мимо спрятавшихся в снегу подслеповатых землянок, мусорных куч и угольной золы. Нащупав в темноте грунт заметенной снегом дороги, Степан Фомич облегченно вздохнул: все же тяжело идти с больным сердцем, когда снег по колено.

Сделав еще несколько шагов, штейгер остановился. Прислушался. Неужели почудилось? Порывисто шумел ветер. У ног, поперек усеянной конским пометом дороги, бойко ползали белые змейки поземки. Штейгер зашагал вперед. Но не прошел он и десяти шагов, как где-то справа опять раздался человеческий крик:

— Э-э-й!

Штейгер остановился, пристально всматриваясь вдаль. Направо, сквозь мутную пелену редяющей мглы, едва вырисовывались бледные контуры движущихся фигур. Степан Фомич поспешил им навстречу. Это шел

* *Штейгер*—(нем.) — в горном деле — мастер, заведующий рудничными работами, горный техник.

караваи из Каркаралинска. Джигит лет двадцати восьми в заячем тымаке, в коротком ватнике, перехваченном, по талии длинным жели,* в сапогах с широкими поверх колен голенищами, в теплых овчинных брюках, держа за повод головного верблюда, устало брел впереди каравана. Верблюд шел ленивой походкой, медленно переставляя тяжелые ноги. Джигит время от времени сердито оборачивался к верблюду и угрожающе бодрил его:

— Э-э-й, тюф, тюф!

— Здравствуйте! Куда путь держите, земляки? — приветствовал джигита Степан Фомич.

Парень остановился, сдвинул нависавший на глаза глубокий островерхий треух, приветливо улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— В Караганду едем, на работу. Аксакал Ушаков встречал нас летом на Кояндинской ярмарке, приглашал работать в шахте.

— А где жить-то будете? Знакомые есть тут среди жителей?

— Не знаем. Может есть, может нет. Как жить будем, не знаем.

— Сколько семей-то едет?

— Пять.— Джигит вдруг понизил голос:

— Здесь с нами вместе едет совсем молодой мальчик. Отца и мать у него бай забрал. Мальчик совсем большой. Куда деть его? Его согреть надо, иначе умрет...

— Как же бай мог забрать у него отца и мать?

— Бай отца убил, а мать увез. Куда увез — никто не знает!

— А сколько лет мальчику-то?

— Чуть больше тринадцати.

Степан Фомич сразу вспомнил своего белоголового синеглазого Витю. Да, Вите как раз было тринадцать лет, когда штейгера арестовали и сослали в Сибирь. Вот так же, без заботы и внимания, истощенный голодом, Витя легко поддался простуде и не стало его.

— Где мальчуган?

— В конце каравана, в санях лежит.

— Пойдем.

* *Жели* — волосяная веревка, которая натягивается между двумя кольями, чтобы к ней привязывать жеребят. Здесь — пояс.

Степан Фомич, утопая по колени в снегу, размахистыми шагами направился мимо вереницы верблюдов вслед за джигитом. В маленьких розвальнях, сбитых из свежих березовых палок, согнувшись в комочек, лежал завернутый в лохмотья малыш. Открыв край кошмы, которой он был прикрыт, штейгер склонился над ребенком, стараясь в темноте рассмотреть его лицо. Оно показалось ему безжизненным. Степан Фомич взял мальчика на руки и сказал джигиту:

— Пусть он у меня останется. Я понесу его домой.

Только через полтора месяца черноглазый мальчуган встал на ноги. У него было двустороннее воспаление легких, и никто не верил, что штейгеру удастся спасти его от верной смерти. На копиях тогда не было ни врача, ни фельдшера.

В землянке стояли в два ряда двенадцать топчанов. Кровать штейгера была отгорожена от остальных дощатой перегородкой. Чумазые, худошавые жильцы общежития — русские и казахи — с любопытством заглядывали за перегородку, искренне радуясь выздоровлению мальчика. Степан Фомич одел на него новые штаны, белую в полоску рубашку, тапочки.

— Да ты, Бекбусын, на настоящего кавалера стал похож! — весело шутили горняки-

— Женить скоро будем! Только калыма у Ушакова, наверное, никогда не заработаешь: трудишься, трудишься и все в долгу!

Мальчик ни слова не знал по-русски, но за это время он так привык к штейгеру, так горячо полюбил его, что ему очень хотелось выучиться русскому языку. Он показывал на свой нос и спрашивал молодого шахтера-казаха:

— Это как по-русски?

— Нос.

— Н-о-с,— медленно повторял мальчик и громко смеялся своей удаче.

К весне Бекбусын по-настоящему окреп. К нему вернулись озорство и прежняя степная резвость. Сверкая черными озорными глазами, он бойко спрашивал штейгера по-русски:

— Папа, на лавка сахар продает?

— Продает, сынок, продает,— поглаживая Бекбусына по голове, ласково отвечал Степан Фомич.— Вот скоро получим жалованье и купим сахару-

Шли годы. В 1886 году Бекбусын поступил барабанщиком на шахту «Васильевская». Теперь он чувствовал себя взрослым: вставал рано, умывался, как и Степан Фомич, студеной водой, пил чай и вместе со всеми уходил на работу.

С какой гордостью шел он в контору за первой получкой! Подав в окошко расчетную книжку, Бекбусын с трепетом ждал, когда в окошке покажется рука конторщика с пачкой денег. Какой подарок он купит Степану Фомичу? Надо бы ботинки купить, а то они у него совсем развалились. Или лучше, пожалуй, брюки. Сколько можно такому замечательному человеку ходить в одних и тех же заплатанных брюках!

— Сихимбаев! — послышался из окошка голос конторщика.

— Я здесь, господин начальник.

— В лавке ничего в долг не брал?

— Нет, ничего не брал.

— Ну вот, получай девять гривен.— В окошке показалась широкая белая морщинистая ладонь, на которой тускло поблескивали несколько серебряных монеток.

В висках Бекбусына звучно застучала кровь. Он растерянно смотрел на маленькие монеты и похолоде-

шим сердцем чувствовал, что мечты его о покупках рушатся.

— Почему мало?

— Три деньги в день: куда хочешь —туда день! — визгливо пропела показавшаяся в окошке елеин улыбающаяся мордочка конторщика.

— Не хочу больше гонять лошадь вокруг барабана! — сердился Бекбусын, придя домой. — Целый день ходишь по кругу, аж голова кружится, а плата — три копейки. Разреши, отец, в шахту спуститься.

— Этого добра еще успеешь хлебнуть, — ласково проговорил штейгер.

— В шахте и теплей и плата больше, — не унимался Бекбусын.

— Не теплей, а жарче, сынок, поэтому и плата другая.

— Все же надо попробовать.

— Ну валяй, пробуй.

Так Бекбусын Сихимбаев стал саночником. Он работал вместе с Кумисом Медиевым на шахте «Васильевская».

В августе следующего года хозяева компании решили закрыть Спасский медеплавильный завод. Это объяснялось все той же неустойчивой конъюнктурой капиталистического рынка. К войне в эти годы страна не готовилась, а мирных отраслей машиностроения, которым требовалась бы медь, в России не было. Сбывать продукцию Ушакову и компании стало очень трудно. Боясь разориться, они решили приостановить завод. Законсервированы были и подсобные предприятия — Успенский рудник и Карагандинские угольные копи.

К этому времени на шахтах Караганды насчитывалось 210 рабочих: 200 казахов и 10 русских. У некото-

рых из них еще сохранился кое-какой скот: лошадь, несколько баранов, корова. У большинства же горняков, кроме мозолистых рук, ничего не было. Что делать? Куда направиться?

Степан Фомич по поручению группы рабочих пошел к управляющему копиями.

— Нельзя ли хоть на одной шахте продолжать добывать уголь? — спросил он.

— А кто же его у нас покупать будет? В аулах углем топить не умеют, да это им и не нужно, городов поблизости нет. Нет, мил человек, деньги не щепки — счетом крепки.

Одиннадцать лет простояли без действия предприятия компании «Спасская медь». Из 210 рабочих в Караганде в это время оставалось всего несколько человек — те, кому совершенно некуда было податься. Среди них были Степан Фомич, Бекбусын и Кумис Медиев. Штейгеру компания Ушакова за небольшую плату поручила следить за шахтами, охраняя их «от злоумышленных пожаров». Оставшись единственными полновластными «хозяевами» на заброшенных копиях, Степан Фомич и его товарищи, чтобы поддержать свое существование, продолжали потихоньку добывать уголь, сбывая его по сходным ценам в Акмолинске.

Наступил 1899 год. В мире запахло гарью: началась бешеная подготовка империалистических государств к войне. Спрос военных заводов на медь возрастал с каждым днем. Вот тогда-то и ожил Спасский медеплавильный завод, а вместе с ним и угольные копи. Однако это мало утешало наследников Ушакова и Рязанова. Несмотря на самую изощренную эксплуатацию рабочих, получавших от компании за каторжный 15—16-часовой труд копейки, ручная добыча угля и руды, гужевые перевозки сырья и готовой продукции за многие сотни километров резко повышали себестоимость меди. Выход из положения был только один — соединить Караганду, Спасск и Успенку железной дорогой с Петропавловском, чтобы заменить верблюдов и быков паровозами. Но такая работа была явно не под силу потомкам второй гильдии купца и всей их именитой компании. Иностранцы же акционерные общества, интенсивно строящие в это время железные дороги на юге европейской части России, не хотели затрачивать свои средства на

прокладку дороги в глухом углу Степного края, не надеясь получить здесь быстрых и высоких прибылей. Царские министры, искавшие в железнодорожном строительстве лишь статьи для собственной выгоды и обогащения, также не обращали внимания на экономическое развитие Центрального Казахстана. К тому же край этот казался им совершенно неперспективным, так как разведывательных работ здесь не велось, а старые, до смешного ограниченные разведывательные данные ничего хорошего Караганде не сулили.

Вот что сообщал XIV том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, вышедший из печати в 1895 году:

«Карагандинские угольные копи Акмолинского уезда и области, в 30 верстах от Спасского медеплавильного завода, к которому они причислены. Ежегодная добыча угля в среднем до 200 тысяч пудов расходовалась на упомянутом заводе. К. уголь не отличается хорошими качествами (мало смолист), а потому разработка его не расширяется».

Что можно было ожидать от тупых чиновников Горного департамента после таких невежественных прогнозов?

Наследники Ушакова и Рязанова тяготились делом еще и потому, что гужевые перевозки металла на расстояние в 600 верст от Спасска до Петропавловска чрезмерно замедляли оборачиваемость средств. В период распутицы — весной и осенью, в зимнюю непогоду — караванные дороги становились непроезжими и транспорт останавливался. Карагандинский уголь и медь лежали мертвым капиталом. Между тем в конце XIX и в начале XX веков в России происходила быстрая монополизация промышленности, концентрация и централизация производства. Капитализм перерастал в высшую и последнюю свою стадию — империализм. В условиях сращивания промышленного и банковского капиталов решающую роль в деятельности промышленников стал играть банковский кредит. Но кредит требует уплаты процентов. Владельцы Спасского завода и Карагандинских угольных копей подсчитали, что при существующей крайне медленной оборачиваемости средств им требуется такой кредит, для уплаты процентов за который вряд ли хватит получаемых прибылей. Иначе гово-

ря, развивавшаяся на новой машинной основе крупная промышленность вытесняла мелкие предприятия с их примитивным оборудованием и ручным трудом.

Немудрено поэтому, что хозяева фирмы «Спасская медь» стали думать не о расширении дела, а лишь о том, кому бы сбыть его по более или менее сносной цене.

Покупатель вскоре нашелся. Это был сын убитого в 1894 году президента Франции Клод Эрнест Жан Карно. Он уплатил наследникам Ушакова и Рязанова 766 тысяч рублей и с весны 1905 года стал полновластным хозяином Спасского завода и его подсобных предприятий — Карагандинских угольных копей и Успенского медного рудника.

После того, как началась русско-японская война, добыча угля и выплавка меди стали быстро увеличиваться. Если в 1899 году на Карагандинских копиях было добыто 5 тысяч тонн угля, то в 1906 году — 31 тысяча тонн. В эти годы еще более жестокой и безжалостной стала эксплуатация шахтеров. На копиях одна за другой вспыхивают забастовки рабочих. Особенно мощной была забастовка в декабре 1905 года. Она началась на Успенском руднике и была активно поддержана шахтерами Караганды. Хозяева акционерного общества старались столкнуть казахских и русских рабочих, но из этой провокационной затеи ничего не вышло. Русские и казахские рабочие выступали против своих угнетателей в едином союзе, рожденном классовой солидарностью.

8 декабря 1905 года караванщики, доставлявшие медную руду с Успенского рудника на Спасский завод, передали карагандинским шахтерам письмо от успенских рудокопов. Оно было написано от имени «Русско-киргизского союза» на русском и казахском языках и подписано руководителями этого союза рабочими Топорниным, Байчагировым, Невзоровым и Кошкабаевым. В письме говорилось, что пора совместно выступить в защиту своих прав против эксплуататоров. К письму была приложена копия петиции, с которой обратились рабочие Успенского рудника к администрации акционерного общества «Спасская медь».

— Мы полностью поддерживаем требования рудокопов! — говорили угольщики Караганды.

День 12 декабря был хмурый, пасмурный. В этот

день ни один шахтер не спустился в шахту. Напрасно служащие компании, смотрители, подрядчики, расхаживая по баракам и землянкам, уговаривали горняков «одуматься», «перестать бунтовать», угрожая тем, что хозяева могут просто-напросто закрыть шахты. В Караганде и Спасском были закрыты продовольственные лавки. У рабочих не было даже мало-мальских запасов

продуктов питания, поэтому администрация решила взять горняков измором. Но все эти меры оказались безуспешными. Рабочие требовали свое, а дирекция не шла на уступки.

Через несколько дней из Акмолинска в Караганду прибыл карательный отряд. Полицейские окружили шахтерские общежития. Урядник Черкасов зачитал приказ Акмолинского уездного начальника Нехорошкова, в котором предписывалось «бунтовщикам» немедленно приступить к работе.

«Тех, кто сему не повинуется, арестовать! К сопротивляющимся применить оружие»,— говорилось в приказе.

Началось избиение истощенных от голода безоружных горняков. Съехавшиеся в Караганду по призыву губернатора многочисленные байские сынки—потомки Утепова, Алтыназарбая и других — помогли карателям разгромить забастовку.

Вечером Бекбусын Сихимбаев (он в это время работал забойщиком) застал в бараке группу горняков из соседних землянок. Они плотно сидели вокруг грязного, грубо сбитого из горбылей стола и пили чай. На столе горела плошка. Ее тусклый свет отбрасывал на сырые стены подземной каморки расплывчатые призрачно-колеблющиеся тени.

— Самое главное — не падать духом,— тихо говорил Степан Фомич, прихлебывая из глиняной кружки чай.— Нас полицейский урядник назвал табуном скота, но мудрость народная говорит: «Дружный табун волков не боится!» Мы, рабочие,— русские и киргизы — братья по классу, мы должны крепить дружбу и совместно выступать против наших общих заклятых врагов—эксплуататоров. Сегодня мы еще слабы, но уже значительно сильнее, чем были три-четыре года тому назад. Завтра мы будем еще сильнее.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

Петр Николаевич Топорнин —потомственный уральский горняк. Его дед, крепостной крестьянин, был приписан к Нижне-Тагильскому металлodelательному заводу в начале XIX века на правах посессионного. Отец Петра Николаевича тоже был рудокопом, «работным человеком». Освободившись после реформы 1861 года от пут крепостной зависимости, он переехал в Екатеринбург и весь остаток жизни посвятил тому, чтобы «вывести в люди» своего единственного, к этому времени еще малолетнего, сына Петра. Дело это, однако, оказалось чрезвычайно трудным, и старый уральский рабочий так и скончался, не добившись заветной цели. Но молодой Петр Топорнин оказался на редкость упорным и смышленным парнем. Уже после смерти отца ему удалось окончить среднее техническое учебное заведение и получить диплом горного техника.

В первые годы Топорнин работал в Нижнем Тагиле, где он ознакомился с идеями Российской социал-демократической рабочей партии, а весной 1905 года Правление общества уральских горных техников, членом которого Петр Николаевич состоял, направило его в распо-

ряжение Степного северного округа. Так горный техник Топорнин оказался в Караганде, а затем на Нельдинском (Успенском) руднике.

Управляющий Спасским заводом Адольф Денисович Павлович, в ведение которого входили Карагандинские копи и Успенский рудник, прочитав направление горного округа, окинул Топорнина испытующим взглядом.

— Вы представляете, господин Топорнин, что сие значит — быть смотрителем предприятия? — как бы опасаясь поручить ему исполнение этой невероятно сложной и трудной обязанности, спросил он.

— Без дела жить — только небо коптить, господин управляющий, — спокойно ответил техник.

Павлович снисходительно улыбнулся, вышел из-за стола и, заложив пухлые белые руки за спину, медленно прошелся по кабинету. Топорнин продолжал сидеть в полумягком кресле, с любопытством разглядывая холеное лицо управляющего.

— Вы шутить изволите, — невозмутимо продолжал Павлович, — а я вам серьезно должен напомнить, что смотритель — это главный представитель администрации на предприятии. От него зависит все. Хорошо ведет дело смотритель — экономика промыслов процветает, среди рабочих царит спокойствие. Плох смотритель — доходность фирмы падает, зато возрастают бунты.

— Позвольте с вами не согласиться, господин управляющий, — возразил Топорнин.

— В чем вы не согласны?

— Обычно бывает так: если смотритель очень нравится хозяевам, то он совсем не нравится рабочим.

— В этом, разумеется, зерно истины есть.

— Истина бесспорная. Значит, логически выходит так: что ни лучше смотритель, то на промыслах должно быть больше бунтов.

— Я не политик и, упаси меня бог, не поклонник Маркса, — сухо отрезал Павлович. — Я инженер.

— Прошу прощения. У меня вовсе не было намерения рассердить вас. Однако позвольте чистосердечно задать вам еще один вопрос.

— Ну, — буркнул инженер.

— На каком счету у вас смотритель Карагандинских копей господин Немков? Надеюсь, он честно служит своим хозяевам.

Павлович метнул на Топорнина недоверчивый взгляд.

— О Николае Васильевиче Немкове не могу сказать ничего худого. Правда, горяч он малость. А вы откуда его знаете?

— В горном округе мне сказали, что он завалил их рапортами о забастовках на шахтах Караганды. Акмолинский же уездный начальник господин Нехорошков, с которым я имел честь говорить, просто плачет. Измучилась, говорит, вся моя полиция, умиряя бунтовщиков на копях.

Павлович на это ничего не ответил. Усевшись за письменный стол, он неторопливо закурил папиросу, затянулся и, выпуская к потолку сизоватые кольца дыма, официальным тоном произнес:

— Надеюсь, голубчик, вы не являетесь социал-демократом. Иначе мой шеф господин Нельсон Фелль просто не возьмет вас к себе на службу.

— Я предпочел бы служить отечеству своему и на роду русскому, а не этому самому... как его... господину Нельсону! — горячо отпарировал Топорнин.

— Ваши устремления похвальны, господин горный техник, однако предприятия, куда вас изволили направить, принадлежат иностранному акционерному обществу. Кстати, нам пора: идемте, я представлю вас господину Феллю.

Дом Нельсона Фелля чуждыми, широко раскрытыми глазами больших окон смотрел с пригорка на прижавшиеся к земле, беспорядочно разбросанные невзрачные строения заводского поселка. Хозяин дома, одетый в полосатую шелковую пижаму, встретил Павловича и Топорнина в светлой гостиной. Солнце уже клонило к полудню, а Фелль, видимо, только недавно проснулся: лицо его было отекившим, помятым, заспанным.

Пока Павлович представлял хозяину вновь прибывшего горного техника, Топорнин с интересом разглядывал англичанина. Он был средних лет, коренаст, с виду скучен и безразличен ко всему окружающему, но в уверенных движениях и отрывистых жестах угадывалась воля прожженного дельца. Больше всего поразило Петра Николаевича лицо Нельсона. Круглое, одутловатое, обрамленное седеющими космами бороды и волос, оно напоминало морду льва. Широкий нос и зеленые хищные глаза дополняли эту схожесть. Удивляло и то, что

англичанин брил усы. Мужчина с бородой и без усов! Для непривычного взгляда это выглядело действительно комично.

— Работы... э-э-э... на Нельдинском руднике- э-э-э ... много,— медленно подбирая нужные русские слова, сказал Нельсон.— Вам...э-э-э, мистер Топорнин, э-э-э... будет иметь честь работать... э-э-э... совместно с опытный наш специалистами мистер Миссен и мистер Эрнест Гиббер.

Бледно улыбнувшись, англичанин взял со стола звонок, вызвал рассыльного мальчугана и велел срочно пригласить для дальнейших объяснений врача Братцева, хорошо владевшего английским языком.

На следующий день Петр Топорнин вместе с управляющим Павловичем прибыли на Успенский рудник. Рабочие встретили нового смотрителя настороженным молчанием. С кем бы он ни пытался заговорить, ему отвечали с неохотой, односложно. Разговорчивыми на руднике оказались только два человека — конторщик Мардарий Ивченко и молодой горняк Владимир Мартыновский, которого рабочие называли между собой Мартылогой.

Как-то Топорнин засиделся в рудничной конторе до позднего вечера. В здании стояла тишина. Вдруг в коридоре жалобно скрипнули половые доски и в дверь кабинета смотрителя робко заглянула чья-то плешивая заостренная голова.

— Позвольте на минутку зайти, Петр Николаевич,— послышался тоненький голосок.

— Прощу.

Это был конторщик Мардарий Ивченко.

— Я пришел сообщить вам важную весть,— воровски оглядываясь по сторонам, почти шепотом заговорил Ивченко.— У нас на руднике есть смутьяны, выступающие против царя и оскорбляющие его священную особу.

— Бунтовщики, значит?

— Так точно-с, бунтовщики, господин смотритель.— Присев на край стула, конторщик сбивчивой скороговоркой продолжал:— Меня и прежний смотритель за честность службы уважал и сам господин Фелль за это уважает. Для службы я не жалею себя. Известное дело,

кое-кто из зависти к моей карьере называет меня службистом, но для меня долг перед хозяином, перед начальником своим — превыше всего. Верно говорится, что долг есть тягостное бремя, он отнимает и сон и время. Я это, значит, имею такую скромную привычку по вечерам заходить к некоторым рабочим на квартиры и беседовать с ними о житье-бытье, чтобы, как говорится, узнать, не появилась ли у кого крамольная мысль супротив правительства. Нынче-с времена смутные, мало ли что может быть.

Топорнин отложил в сторону бумаги и, устало потянувшись, зевнул:

— Вы обещали сообщить мне важную весть. Говорите же, что случилось.

— Так вот, значит, захожу я вчера вечером к крепильщику Тимофею Низовитину, а у него сидит известный на руднике смутьян Мартылога. На часах у Низовитина изображен образ царя. Так этот Мартылога тычет на царя пальцем и грубо-дерзко, прямо-таки оскорбительно твердит: «Это не царь, а дурак!» И шутки всякие о царской особе приводит.

— Да-а,— загадочным тоном произнес смотритель.— А вы знаете, что распространение этих шуток есть их пропаганда?

— Помилуй господь! Я этого Мартылогу сразу же предупредил: шутки, мол, шути, а людей не мути, и вот на всякий случай акт сочинил. Но Тимофей Низовитин, а тем паче Мартылога подписать акт наотрез отказались. Жена Низовитина заявила, что она ничего не слышала. Смутьян же Мартылога назвал меня негодяем, конторской крысой, да еще допустил рукоприкладство в район правого глаза.

Топорнин приподнял керосиновую лампу и только сейчас заметил широко расплывшийся вокруг глаза конторщика фиолетовый синяк с малиновым оттенком по краям.

— Хорошо, я разберусь,— строго сказал он.

— На этот счет, господин смотритель, я взял у фельдшера нашего, Евдокима Захаровича, справку.

— Безобразие! — как бы про себя, тихо и зло произнес Топорнин. Конторщик так и не понял, к кому относится это слово.

Однажды смотритель вызвал в контору Мартылогу. За неделю, проведенную на руднике, он столько наслышался об этом смелом, неустрашимом бунтаре и остро-слове, что было просто любопытно взглянуть на него. И вот перед Топорниным стоял неуклюжий, немного сутуловатый великан с простым, типично русским лицом, острым, немного усталым взглядом карих глаз, упрямо сверкающих из-под крутых раскрытий бровей. На вид ему можно было дать самое большее двадцать три—двадцать четыре года.

— Ваша фамилия Мартылога? — спросил Петр Николаевич.

— Как зовут, так и обзывают: и Мартыновским и Мартылогой,—добродушно улыбнувшись, ответил горняк. — Богатого зовут по отчеству, бедного — по прозвищу. Но мне все равно: как назвал, так и назвал, лишь бы в гости позвал.

— Вы знаете, что конторщик Ивченко собирается на вас в суд подать? Самому мировому!

— Кто? Плешивый Мардарий в суд на меня? Да у этого зайца трусливая душонка, никуда он не посмеет жаловаться.

— Напрасно вы так думаете, Мартыновский,— перебил горняка Топорнин.— Хватило же у него смелости рассказать мне о вашей противоправительственной пропаганде? Хватило. Хватило у него смелости взять официальную справку от фельдшера Костенко о нанесенных ему побоях? Тоже хватило. Стало быть...

— Стало быть, пора Мардарию дать по мордарию. Я сейчас пойду и душу вытряхну из этой крысы конторской!— взревел побагровевший Мартыновский. Крупные пудовые кулаки его сжались, на скулах заиграли желваки.

— Я не позволю бесчинствовать на подведомственном мне руднике! А потом, как смеете вы царя дураком называть?—Топорнин с притворным изумлением и с хитрецей посмотрел на Мартыновского.—Вас же судить за это будут. На каторгу пошлют.

— Рабочему человеку каторга не страшна.— Мартыновский порывисто встал. Выпрямившись во весь свой исполинский рост, он едва не доставал головой потолка.— Горше каторги, чем на Успенском руднике да на Карагандинских коях, не придумаешь!

Топорнин измерил взглядом могучую фигуру горняка, и ему почудилось сходство этого здоровяка с крепью. Вот так же, как он упирается сейчас головой в потолок, так крепь подпирает кровлю забоя. Тяжелые пласты пород давят на крепь, она до предела напрягается, а когда давление превышает силу ее сопротивления, крепь начинает трещать, лопаться. На Мартыновского, на трудовой народ давят напластовавшиеся породы «верхних» классов — эксплуататоров. И уже по всему чувствовалось, что давление это начинает превышать силу народного терпения. Трещит, лопается терпение трудовых людей, и наиболее передовые представители их, такие как Мартыновский, уже открыто, безбоязненно заявляют о своей ненависти к царю, о твердой решимости бороться за свободу.

Прошло несколько дней. Новый смотритель Успенского рудника продолжал знакомиться с рабочими, шаг за шагом проникая в тайники их душ. И он увидел, что кроме Мартыновского среди горняков выделялись своим боевым интернациональным духом и непримиримостью к угнетателям бурильщик Степан Артемьевич Невзоров, старшина-нарядчик Алимжан Байчагиров, горняк Искак Кошкабаев, каменщик Михаил Андреевич Жилин. Всего на руднике в это время насчитывалось 334 рабочих (332 мужчины и 2 женщины). Подавляющее большинство горняцкого коллектива составляли казахи. Их было 269 человек. Это были уже не сезонные, а в основном постоянные рабочие, окончательно порвавшие связи с натуральным хозяйством. Петра Николаевича Топорнина до глубины души возмутило то обстоятельство, что рабочим-казахам на Карагандинских коях, а также на Успенском руднике и Спасском заводе выплачивалась заработная плата на 10—15 процентов ниже, чем их товарищам — русским рабочим. Делалось это, конечно, с определенной целью, чтобы посеять национальную рознь между трудящимися и тем самым облегчить их эксплуатацию. Этот прием «разделяй и властвуй» не был новым, тем не менее до известного времени он помогал иностранным колонизаторам одурачивать рабочих.

Глубоко изучив трудовой коллектив, Петр Николаевич Топорнин решил действовать. Правда, действия эти были на первых порах робкие и довольно осторож-

ные, ибо он понимал, что поднимать коллектив на решительное выступление против эксплуататоров было рано и рискованно. У рабочих еще не хватало политической зрелости и сознательности. Многие «пришлые» люди, вчерашние крестьяне, еще не выздоровели от законченной частнособственнической болезни их все еще тянуло обратно в деревню, к своей хате, к клочку земли.

Всю надежду возлагал он на тех, кто готов был бороться с угнетателями до конца. Правда, и они не знали, каким способом нужно бороться. В степь доходили слухи о кровавой расправе царя над мирной демонстрацией 9 января, о боевых делах рабочих Петербурга и Москвы, Иваново-Вознесенска и Баку. Топорнин чувствовал, что события, начавшиеся 9 января в Петербурге, не затухали, а росли, развивались, ширились. Над огромной Российской империей уже бушевала выступала партия большевиков со своим вождем Лениным:

Петр Николаевич не состоял официально в социал-демократической партии, но был ее горячим сторонником. Выходец из рабочих, он сам много лет обливался потом в рудниках Урала, вдоволь хлебнул горя. Там же, на Урале, в Нижнем Тагиле, он познакомился с идеями большевистской партии и, когда получил направление на предприятия «Акционерного общества Спасских медных руд», захватил с собой много политических брошюр и прокламаций.. Он даже не давал себе точного отчета в том, зачем все это брал с собой, но где-то в глубине души уже зрела решимость бороться с угнетателями.

Приближался Первомайский праздник. Многие горняки Успенки открыто поговаривали, как бы лучше отметить этот день международной пролетарской солидарности.

— Пойду посоветуюсь с Петром Николаевичем,— заявил однажды своим товарищам Владимир Мартыновский.

— Нашел с кем советоваться! — возразил ему Степан Невзоров.— Да он вызовет урядника и...— Невзоров показал рукой на затылок.

— Ничего ты, Степка, не знаешь,— вмешался в разговор Федя Засыпкин, исполнявший на руднике обязанности горного нарядчика.

— Не знаю и знать не хочу! — зло крикнул Невзоров.— Нашли мне благодетеля! Да вы видели, как он вчера кричал в шахте на Тимофея Низовитина, чуть не ударил его лампой по голове.

— На то он и смотритель, чтобы кричать,— улыбнулся по-детски искренней улыбкой Мартыновский.

— Знаешь пословицу, Володька- если волк и шерсть свою изменит, все равно волком останется!— не унимался Невзоров.

— Это ты о Петре Николаевиче? Дурило! Ничего ты не знаешь.— Мартыновский добродушно улыбнулся, дружески похлопал бурильщика по плечу. С минуту они стояли молча, потупив головы. Первым прервал молчание Федя Засыпкин. Обхватив Степана и Владимира своими длинными руками, он предложил:

— А давайте, ребята, все вместе пойдем к Петру Николаевичу.

Топорнин сидел за столом, строгий, сосредоточенный. Худощавое лицо его, заостренное снизу клином бородки, было бледным, утомленным. Мартыновский, Засыпкин и Степан, получив разрешение войти в кабинет, робко уселись на крайние стулья, у самой двери. Никто из горняков не решался начать разговор, а смотритель словно не замечал вошедших, продолжал сосредоточенно рыться в каких-то бумагах. Мартыновский, взглянув на Степана, уже понял по туго сомкнутым его губам, что тот проклинает себя за то, что согласился придти сюда.

Но вот Топорнин отложил в сторону толстую желтую папку и, окинув взглядом примостившихся у дверей парней, сразу повеселел. Глаза его, блеснув улыбкой, потеплели. Эта человеческая теплота мгновенно преобразила и лицо смотрителя: оно стало живым, выразительным.

— Ну, чего уселись у двери! Давайте располагайтесь поближе. Если я не ошибаюсь, этого белобрысого молодого человека Степаном зовут? — указав на Невзорова, спросил Топорнин.

— Степаном Артемьевичем,— не без ехидства вставил Владимир Мартыновский.

— Хватит тебе! — огрызнулся бурильщик.

— А ты, Степан, не стесняйся, когда тебя по имени-отчеству называют, — мягко, совсем не как вчерашний строгий смотритель заговорил Топорнин. — Это дело привычки. Вот вчера был такой случай. Я с двумя горняками поднялся из шахты на-гора. Вы же знаете, как темно в этих наших шахтах-ямах. Ну, а на воле, значит, солнышко светит яркое-преяркое, просто глаза слепит. Вот один рабочий и говорит другому: боязно, мол, смотреть на свет после шахты-то. А другой — это, кажется, был Жилин — отвечает ему: «Всяко бывает. Случается и такое: дети боятся темноты, а мы нередко пугаемся света.» Пугаемся света! — вы понимаете, как это глубоко сказано. Так вот ты, Степан, привык в темноте жить, привык, когда тебя скотиной называют, а стоило услышать свое имя-отчество, и ты испугался. Света испугался!

Невзоров удивленно и внимательно слушал Топорнина. Слушал и не верил — неужели это говорит тот самый строгий смотритель, который за короткое время взял в руки весь горняцкий коллектив и которого так боятся все на руднике.

— Я давно собирался с тобой поговорить, Степан Артемьевич. — сказал смотритель, — да все некогда. Дела. Каждый день дела, заботы, беспокойства... А кому пойдут плоды беспокойства? Кому, спрашивается? За границу уплывут они, инородцам разным, вроде этого нашего слюнявого Нельсона Фелля.

Топорнин говорил не спеша, тихим, грудным голосом, будто сам себе изливал накипевшую на душе досаду. Ему не с кем было чистосердечно поговорить, и приход Мартыновского, Засыпкина и Невзорова, которых он уже хорошо понял и всей душой полюбил, обрадовал смотрителя.

— Вы-то знаете хоть, кто является управляющим предприятиями, на которых работаете? — с ноткой обиды в голосе спросил Топорнин приумолкших в раздумье горняков,

— Так, по-моему, этот, как его, красивенький интеллигентик... — Мартыновский досадливо морщился, хватался за лоб, стараясь вспомнить фамилию управляющего. Ему пришел на помощь Федя Засыпкин.

— Павлович Адольф Денисович, — назвал он.

— Да, да, Павлович! — подхватил Мартыновский.

— И да, и нет, — сказал смотритель. — Да — потому, что Павлович действительно официально числится в бумагах управляющим, а нет — потому, что он только числится, а фактически управляет предприятиями англичанин Нельсон Фелль.

— Мы такого на руднике не видели ни разу, — заметил оживившийся наконец Степан Невзорове.

— А чего он будет болтаться по рудникам. Он и в контору-то Спасского завода не заходит, хотя рядом с конторой живет. — Петр Николаевич снисходительно улыбнулся и, потрогав рукой острый клинышек своей бородки, продолжал: — Английские и французские капиталисты — старые дельцы, у них все учено и все подсчитано. Скажем, в шахтах Успанского рудника темно и сыро — рабочим положена непромокаемая обувь, но такой обуви управление не хочет давать — экономит. Рабочие возмущаются, начинают ругать-проклинать. Кого? Сначала смотрителя — он русский, потом управляющего — он тоже русский. И вот все камни, как в щит, летят в подставные пешки. А хозяева — англичане и французы, пьют чай с коньяком, подсчитывают доходы и посмеиваются. Еще бы: они в стороне, а мы в бороне.

Горняки переглянулись. Топорнин словно приоткрыл занавес, и они увидели недоступную им до сих пор правду.

— Здорово объегоривают они нашего брата! — грустно проговорил Мартыновский.

— И все это очень дешево им обходится, — продолжал Топорнин. — Господин Павлович официально считается управляющим горных промыслов, а жалованье у него всего только 2 500 рублей в год, а Нельсон Фелль — негласный директор предприятий — получает 60 тысяч рублей в год! Это ровно в двадцать четыре раза больше!

Долго продолжалась беседа. Она на многое открыла глаза Степану Невзорову, Мартыновскому и Феде Засыпкину. Уже прощаясь с Топорниным, Владимир вдруг вспомнил о цели своего визита.

— Петр Николаевич, а вы знаете, зачем мы к вам сегодня пожаловали? — обратился он к смотрителю.

— Не знаю, зачем, но спасибо, что зашли.

— Мы думаем организовать маевку. Посоветуйте, как это лучше сделать.

Топорнин подошел вплотную к Мартыновскому и положил на его плечо руку.

— Вот что, братцы мои,— тихо сказал Топорнин.— О маевке надо поговорить отдельно. Вопрос этот важный, на него одним словом не ответишь. Приходите завтра вечером ко мне та квартиру. Потолкуем.

Рабочие шли по узкому полутемному коридору конторы, делаясь впечатлениями о проведенной беседе. Вслед им донесся голос Топорнина: — Не забудьте пригласить ко мне Алимжана Байчагирова и Исаака Кошкабаева!

Рано утром 1 мая 1905 года за рудничным поселком, у подножья безымянной сопки, на лужайке, словно грибы после дождя, выросла стайка юрт. Выйдя на зорьке из барака, Мартыновский сразу заметил этот новый юрточный городок.

— Молодец, Алимжан!—радостно воскликнул он.

Через час-полтора у этих юрт уже пылали костры, толпились по-праздничному одетые люди — русские и казахи. На собранные накануне у рабочих деньги в одном из аулов Нельдинской волости было куплено несколько баранов. Рудничный старшина Алимжан Байчагиров, степенный, малоразговорчивый мужчина, распорядился приготовить для горняков бесбармак.

— Такой праздник для рабочего один раз в год бывает,— улыбаясь, говорит он столпившимся возле него горнякам.— Один раз в год и беднякам можно по-человечески покушать!

А народ к юртам все прибывал и прибывал.

— Ну и денек сегодня — красота! — подойдя к кибитке, у которой сидели Мартыновский и Алимжан Байчагиров, воскликнул Федя Засыпкин. Из юрты вышел бодрый, улыбающийся Степан. В руке он держал большую деревянную ложку. Не обращая ни на кого внимания, он направился прямо к костру, где варилось мясо.

— Степка, да ты что, кашеваром заделался? — удивленно поднял белесые брови Федька.

— А-а-а, Федя, здравствуй! — весело отозвался Степан.— Вот хочу свежей бараниной вас попотчевать.— Он снял крышку с огромного закопченного снаружи котла, и густой приятный запах вареного мяса сладко пахнул в лицо людям, сидевшим у юрты.

Между тем в центре этого выросшего сегодня на расвете аула уже собралась крупная толпа горняков. На одной из юрт гордо развевалось красное знамя, водруженное Невзоровым.

— Володя, пора начинать,— подсаживаясь к Мартыновскому и Алимжану, сказал Засыпкин.

Мартыновский, щуря глаза, взглянул на яркое майское солнце, жар-птицей взлетевшее над Нельдинской долиной.

— Да, пожалуй, Степан, бросай-ка свою кухню!

Митинг по старшинству открыл Алимжан Байчагиров. Обычно малоразговорчивый, рудничный старшина здесь, перед людьми, перед братьями по труду и борьбе, не скупился на понятные, от сердца идущие слова.

— Товарищи! У нас, казахов, есть много религиозных праздников — ураза, курбан-айт и всякие другие. У русских — свои праздники, свои обряды. Религия нас разъединяет. Этим пользуются баи, бии, муллы, царь и даже иностранные капиталисты, чтобы зверски эксплуатировать и русских, и казахских бедняков. Сегодня мы празднуем особый праздник, одинаково дорогой и для казахов и для русских. Первое Мая! Это праздник дружбы...

Байчагиров говорил степенно, но густой басовитый голос его был отчетливо слышен далеко в притихшей, залитой весенним солнцем степи. Горняки внимательно слушали аксакала Алимжана, пользовавшегося одинаковым почтением и авторитетом как среди казахов, так и среди русских.

— Этот праздник сегодня везде отмечают рабочие,— продолжал он.— Зачем отмечают? Чтобы росла дружба между трудовыми людьми. Англичане и французы, владельцы Спасских промыслов хотят поссорить нас, казахов, с русскими рабочими. Нам не дают жить в одних бараках с русскими, даже в одном поселке с ними. Казахи живут на окраине, как изгнанники. Горнякам-казахам меньше платят за работу, чем русским. Даже школы нет у нас своей.

Байчагиров сделал паузу, расправил плечи и, выпрямившись, крепко обнял стоявшего с ним рядом Мартыновского, а потом во весь свой могучий голос крикнул:

— Но никогда не удастся поссорить Алимжана с Мартыловой!

Еще не успел Байчагиров закончить этой фразы, как восторженные возгласы рабочих забушевали в радужной весенней степи.

Когда шум улегся, Владимир Мартыновский объявил:

— Товарищи! У нас есть сведения, что о нашей подготовке к празднику кто-то донес уряднику Спасского завода. Может случиться так, что к нам сюда скоро пожалует полиция. В таком случае прошу вас всех соблюдать спокойствие и порядок. Каждый, у кого будет спрошено, должен ответить, что мы празднуем день весны или просто отдыхаем. А сейчас Степан Невзоров зачитает воззвание Сибирского социал-демократического союза, которое нам переслали наши товарищи.

Степан размашистыми шагами взошел на пригорок, служивший трибуной, и, встав между Алимжаном и Мартыновским, начал читать:

«Первое Мая — всемирный рабочий праздник.

Товарищи рабочие! Сегодня 1 Мая. Сегодня наш славный, наш великий праздник. По всему миру раздается в этот день голос наших братьев. О празднике рабочих, о празднике пролетариев всех стран говорит весь мир.

Свободные песни, красные знамена напоминают нашим врагам, что рабочий класс ни на минуту не забыл своего дела. Он призван освободить мир и он освободит его от нужд и горя.

Паразиты всего мира — правительства и богачи — с ужасом видят, как с каждым годом день 1 Мая проходит величественнее и грознее. В головах их, занятых эксплуатацией и грабежами, рождается страшная мысль: а что если великий призыв — «Пролетарии всех стран, соединитесь!» — совсем не пустая мечта? Что если день этот — 1 Мая — действительно сплотит пролетариев всего мира в одну дружную и согласную армию?!

На тысячи и десятки тысяч верст над всем миром гордо колышется наше знамя, знамя пролетариев всех стран. И громкий боевой клич, страшный для врагов рабочего класса, как гром, прокатывается по всему миру: «Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует всеобщий мир! Братский союз между народами! Долой постоянную армию! Да здравствует социализм!»

Толпа горняков, воодушевленная и растроганная близкими сердцу призывами, зашевелилась, зашумела, апло-

дируя возванию. У Степана от восторга по телу пробежали мурашки, щеки его порозовели.

Он понимал, что аплодируют не ему, а вещим словам Сибирского социал-демократического союза, но ведь эти слова произносил он, бурильщик Невзоров, значит и он заслужил частицу народной благодарности, выраженной теплом рукоплесканий. И Степан, встряхнув пышной шевелюрой вьющихся рыжих волос, еще громче и торжественнее, словно на параде, продолжал читать воззвание:

— Полузадушенный царским самодержавием русский рабочий класс в этот день могучим усилием хоть на миг разрывает свои железные цепи, и голос его звучит все слышнее и громче. Несмотря на запреты, тюрьмы и казни, русский пролетариат уже празднует свой великий и славный праздник — 1 Мая. В этот день русское самодержавие, обратившее страну в тюрьму, а народ в рабов и каторжников, из уст рабочего класса выслушивает свой смертный приговор. День 1 Мая для русского самодержавия становится страшным днем. Царское правительство наложило на нас тяжелые цепи. Вот почему, товарищи, теперь русское самодержавие — первый и самый злейший наш враг. Вот почему на красном знамени, которое мы поднимаем сегодня — в день Первого Мая, — будут написаны не только требования пролетариев всех стран, но и требования русских рабочих:

Долой царское самодержавие!

Да здравствует Всероссийская Демократическая Республика!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Горячая овация разразилась с новой силой. Рабочие подбрасывали шапки, раскатисто гремело мощное «ура». Чей-то молодой голос затянул «Варшавянку».

Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы нас злобно гнетут.

В бой роковой мы вступили с врагами,

Нас еще судьбы безвестные ждут.

Ее подхватили Мартыновский, Федя Засыпкин, Степан Невзоров, десятки других голосов, и боевая революционная песня зазвучала стройно, призывно:

На бой кровавый,

Святой и правый,

Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Поднявшееся над степью майское солнце в этот день сияло необыкновенно ярко, будто старалось потеплее приласкать и согреть своими живительными лучами обездоленных, измученных холодом бесправной жизни людей. Люди чувствовали это благотворное весеннее тепло и, усевшись на лужайке группами по 10—12 человек вокруг объемистых деревянных тарелок со свежим душистым бесбармаком, весело и возбужденно продолжали начатый на митинге разговор о борьбе за лучшее будущее трудового народа. Солнце пригревало сильно, но Мартыновский, сидя рядом с Алимжаном Байчагировым, чувствовал, что огонь дружбы, излучаемый сердцами горняков — русских и казахов, пылал жарче солнца.

На этом обеде дружбы у кого-то из горняков блеснула мысль — объединиться всем рабочим рудника в единый русско-киргизский союз: сообща легче бороться с эксплуататорами. Мысль эта понравилась всем и получила всеобщее одобрение. Но прошло более полгода, прежде чем удалось ее осуществить.

Уже в июне и июле 1905 года Топорнин с помощью своих верных помощников развернул среди горняков усиленную политическую пропаганду. По вечерам в бараках и землянках Степан Невзоров, Мартыновский, Федя Засыпкин, Иван Прилепский читали рабочим политические брошюры, прокламации социал-демократической рабочей партии.

Наступила зима. Ударили первые морозы. Окна большинства бараков и землянок, в которых ютились рудокопы, не были остеклены. Не было даже рам. Вместо них на оконных проемах висели старые лохмотья кошмы, мешковина. Топорнин несколько раз посылал в управление завода письменные отношения с требованием срочно прислать на рудник стекло, но в ответ на это приходили только одни обещания.

В конце ноября, в течение трех дней, один за другим тяжело заболело более двадцати подземных рабочих. Смотритель вызвал к себе рудничного фельдшера Костенко.

— Какова причина заболеваний, Евдоким Захарьевич?

— Причина обычная, Петр Николаевич,— ответил Костенко.— Люди работают в сырых забоях, целых двенадцать часов пребывают по колено в воде. В шахте холод, дома холод.

На следующий день Топорнин направил к Феллю рудничного старосту Алимжана Байчагирова со специальным письмом, в котором подробно сообщалось о катастрофическом росте заболеваемости среди рабочих. Топорнин требовал незамедлительную помощь, чтобы предотвратить дальнейшее распространение эпидемии.

Три дня с нетерпением ждал Топорнин возвращения Байчагирова. «Раз уж задержался Алимжан в Спасском, значит привезет и стекло, и резиновые сапоги, и брезентовую одежду»,— думал он. На четвертый день старшина приехал на рудник, но... с пустыми руками.

— Мистер Фелль даже не захотел принять меня,— сообщил Байчагиров.— Пришлось письмо отдать Павловичу, но тот состроил кислую мину, недоуменно пожал плечами, и на этом все оборвалось.

— Сволочи! Иуды!—Топорнин побагровел от досады.

В тот же день вечером (это было 5 декабря) в рудничной конторе состоялось общее собрание рабочих. Бледный, похудевший, осунувшийся за последние дни, Топорнин подробно посвятил горняков в свои длительные, терпеливые переговоры с обоими управляющими Спасского завода, рассказал об их хамском отношении к удовлетворению самых скромных, самых необходимых требований рабочего коллектива. Так, вместо зарплаты выдают ордера на получение товаров в местном рудничном магазине. Товары же эти имеют большие наценки, но так как рабочие по 2—3 месяца не получают денег, то, чтобы не умереть с голоду, они вынуждены брать по талонам продукты питания в тридорога.

Добыча медной руды к концу 1905 года на Успенском руднике в сравнении с 1904 годом удвоилась почти при том же количественном составе рабочих, а заработная плата горняков не только не выросла, а снизилась. Бытовые условия непрерывно ухудшались.

Горняки в гневном молчании слушали Петра Николаевича.

— Англичане помогали японцам убивать наших отцов и братьев в Порт-Артуре и в Маньчжурии. Теперь они мо-

рят нас голодом и болезнями здесь!— иступленно выкрикнул семнадцатилетний табельщик Ваня Белоглазов.

— Пусть захлебнутся, гады, нашей кровью!

— Проклятые капиталисты, все они такие! Хватит с ними панькаться.

— Вся Россия супротив капитала борется, а мы в тряпку превратились!

— Бастовать надо! Бастовать!

Переполненная народом контора загомонила, загудела, как улей.

Раздвигая широкими плечами плотно сгрудившихся рабочих, к столу пробрался Мартыновский.

— Хозяева в платье, их холопы в платье, будет платье и на нашей братии!— покрывая могучим голосом шум и гомон собравшихся, отчетливо произнес он.— Немедленно начать забастовку, нашу всеобщую русско-киргизскую супротив капиталу. Надо хорошенько обмозговать все наши требования и предъявить их этому самому мистеру. А то он развел на наших харчах красную рожу, на ней хоть онучи суши. Да и у этого конфетного интеллигента Павловича на харе хоть топоры точи, сама на оплеуху просится. Для овчарки своей избушку построил, а о рабочих людях и думать не хочет!

Мартыновский еще завернул несколько крепеньких слов по адресу англичан и их прислужников. В конторе наступило оживление.

Решение об объявлении всеобщей забастовки было единодушным. Выработку петиции и руководство забастовкой собрание поручило пятерке в составе Невзорова, Байчагирова, Мартыновского и Кошкабаева во главе с Петром Николаевичем Топорниным. Эта пятерка составила текст петиции. После того, как в него были внесены поправки, Топорнин поручил табельщику Ване Белоглазову переписать петицию начисто. Ваня взял тетрадный лист бумаги, зачистил поострее карандаш и начал писать:

«Мы, служащие и рабочие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно — французского гражданина, сплотившись между собой для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря 1905 года пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены, ввиду чего мы постановили требовать:

1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в оплату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными. Разъяснение бывшего присутствия по горнозаводским делам при горном департаменте п. 2 говорит: «(ст. 141 устава о промыслах) учреждение промысловых и заводских лавок отнюдь не должно иметь характера коммерческого, почему и оборот таких лавок должен быть рассчитан не на прибыль, а лишь на безубыточность операции и т. д.»

Что же мы видим здесь? Здесь происходит явное нарушение этого закона, так как магазин приносит ежеме-

сячно чистого дохода 250 рублей в среднем и, значит, он представляет коммерческое предприятие. Повышение же цен на продукты первой необходимости, как, например, на муку, происходит и оттого, что мука до привоза на рудник проходит через несколько рук — до комиссионера магазина Спасского завода, — а потому и достигает такой чрезмерной цены, как 1 рубль за пуд, тогда как в городе Акмолинске стоимость ее 40 копеек.

2. Повышения заработной платы месячным, подневным и подрядным: получающим до 50 рублей в месяц — 25 процентов, а свыше 50 рублей — 15 процентов.

3. Снабжения непромокаемую одежду и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях, от конторы рудника бесплатно, согласно существующим законам.

4. Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями. При отдаленности нашего рудника от просвещенных мест мы не имеем возможности дать своим детям не только порядочного образования, а даже и того, чтобы они умели читать и писать.

5. Немедленного улучшения помещений — казарм для киргиз-рабочих.

Подавая настоящую петицию Правлению горнопромышленника — французского гражданина К. Э. Карно, даем срок для удовлетворения таких требований пять дней, считая с 7 декабря с. г.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку».

— Еще одну копию сделай, Ваня,— перечитывая петицию, сказал Топорнин.— Только вкратце назови пункты требований без разъяснения. Сегодня же с возчиком пошлем ее шахтерам Караганды.

Организационно оформившийся к этому времени «Русско-киргизский союз», игравший роль стачечного комитета, развернул энергичную работу по подготовке к проведению забастовки. Организационное оформление «Рабочего союза» было проведено очень просто. После того, как идею его создания поддержали рабочие, Степан по совету Топорнина написал на листе бумаги следующие слова: «Мы, рабочие Успенского рудника, заключаем русско-киргизский союз по борьбе с капитализмом и прибавке жалованья и просим служащих, если желают, подписаться с нами». Эту лаконичную декларацию горняка Иван Прилепский понес в контору и под ней поставили свои подписи штейгер Федя Засыпкин, бухгалтер Леонид Ерофеев, табельщик Иван Белоглазов, материальный рудничного магазина (кладовщик) Иван Низовитин и другие.

Вслед за этим было изготовлено свыше трехсот карточек, на каждой из которых в левом углу было написано: «Русско-киргизская забастовка», а в правом — подпись организатора и руководителя забастовки — «Рабочий союз». Такие карточки вручались каждому рабочему. Тот, кто соглашался активно участвовать в забастовке, должен был расписаться на карточке.

— Все подписались, Петр Николаевич, кроме конторщика Ивченко и нашего лекаря,— доложил 6 декабря пополудни Мартыновский Топорнину. Смотритель ничего не ответил. Сдвинув брови, он беспокойно ходил по кабинету из угла в угол. Он уже давно раскусил лицемерие трусливого фельдшера и карьеризм конторщика.

— Меня прямо-таки удивление берет. И что вы не погоните взащей с работы этого гадюку не нашего бога — Мардария Мардарьевича,— добавил с досадой Владимир. Ей-богу же, торчит меж добрых людей этот Мардарий, ну прямо-таки, как пугало в горохе!

— Не дозволено мне служащих снимать, Володя. Не в моих это правах.— Петр Николаевич, мягко улыбнувшись, сел за стол.

За стеной истошно завывал порывистый ветер. Он бросал в окно сырые хлопья снега, стучал в дверь, глухо гудел в трубе. К вечеру буран разыгрался еще сильнее. Крепчал мороз. Поселок погружался в сырую беспросветную ночь. В такую погоду не раз в степи плутали и замерзали путники. Да и в поселке не мудрено заблудиться: землянки и бараки до крыши замело снегом, будто саваном прикрыло.

И все же вечером 6 декабря более ста рабочих рудника по призыву русско-киргизского рабочего союза явились в контору. Топорнин сам огласил горнякам текст петиции. Кладовщик Иван Герасимович Низовитин, в совершенстве владевший казахским языком, зачитал перевод петиции. Рабочие одобрили этот текст с небольшим добавлением. Ввиду того, что конторщик Ивченко и фельдшер Костенко категорически отказались подписать заблаговременно разосланные карточки о проведении забастовки, было решено внести в петицию шестой пункт. Его сформулировали так:

«Уволить служащих Успенского медного рудника фельдшера Е. З. Костенко и конторщика М. И. Ивченко, как не согласных с нашими требованиями».

В тесной конторе было душно и чадно от едкого табачного дыма. Стоявшая на столе семилинейная керосиновая лампа тускло освещала суровые лица рудокопов.

Первым под петицией поставил свою подпись Топорнин, за ним — бухгалтер Ерофеев, потом приемщик Старков, табельщик Белоглазов, бурильщик Невзоров, исполняющий обязанности штейгера Засыпкин, староста Бай-

чагиров, рабочие Кошкабаев, Прилепский, Мартыновский, Жилин и другие.

Один за другим подходили к столу горняки, чтобы собственноручно подтвердить свою бесповоротную решимость бороться.

ФЛАГ НАД УСПЕНКОЙ

7 декабря в 6 часов вечера возчик Кулмагамбет Дюйсенов, подойдя к дому Фелля, громко забарабанил кнутовищем в ярко освещенное окно. Через минуту лязгнули железные щеколды из засовы. В полуоткрытую дверь выглянула молодая женщина—служанка управляющего.

— Кто там? — дрогнувшим голосом спросила она.

Кулмагамбет из-за широкого голенища достал синий конверт.

— Пусть начальник быстрее читает,— сказал он.

Трудно предположить, как чувствовал себя господин Нельсон Фелль в ночь с седьмого на восьмое декабря, но уже по одному тому, что на следующее утро, чуть свет, он лично явился в цехи Спасского завода, прямо к рабочим, можно с уверенностью сказать, что он порядочно струхнул. Павлович был в это время в Акмолинске, и Фелль, боясь, чтобы забастовка не распространилась на металлургов Спасска и шахтеров Караганды, решил сам, с помощью переводчика Братцева, поговорить с медеплавильщиками. Утром, собрав всех рабочих в плавильном цехе, он объявил, им обо всем происшедшем на Успенском руднике, явно стараясь сгладить остроту выдвигаемых горняками требований.

— На всяком производстве недоразумения неизбежны. Это всегда было и будет. Но зачем бунтовать?— англичанин изобразил нечто вроде улыбки.

— Молодцы, успенцы: улыбаться мистера застави! — послышался чей-то голос с задних рядов.

Фелль спросил у Братцева содержание реплики. По выражению лица управляющего чувствовалось, что врач на виду у рабочих побоялся сделать точный перевод и умело открутился какой-то другой, безобидной для Фелля фразой.

— По всяким недоразумениям надо во всех случаях обращаться к администрации,— продолжал Фелль.— Вы

всегда встретите искреннее участие и сочувствие. Ведь мы же живые люди, у нас тоже есть душа...

По рядам металлургов пробежал шумок.

— Душа, да грязная, а грязной души мылом не отмоешь,— снова раздался чей-то негромкий голос.

Нельсон не расслышал. Грузно шагая по ступеням металлической лестницы, он спустился с мостика печи, служившего во время собрания трибуной. За ним, близко-руко шуря глаза и раскланиваясь рабочим налево и направо, торопился Братцев.

В то же утро Фелль направил с верховым посыльным письмо управителю Нельдинской волости Джакену Мустафину, в котором просил его прибыть на рудник 9 декабря утром. Сам же он вместе с переводчиком Братцевым прибыл в Успенку.

В контору рудника управляющий не зашел, а проследовал прямо на квартиру своего соотечественника Эрнеста Гиббера.

Узнав о приезде Фелля и Братцева, фельдшер Евдоким Костенко тотчас же поспешил к ним.

* * *

Возвращаясь с шахты, Топорнин думал о предстоящей забастовке. Радовало, что горняки — все, как один, — поддержали идею организованного выступления, и в то же время беспокоила мысль: чем кончится забастовка? Работая на Нижне-Тагильском металлургическом заводе, он не раз участвовал в стачках. Тогда он был рядовым в строю борцов. А теперь на нем ответственность за судьбы многих людей, за исход стачки.

Вести других — сложное дело, требующее не только железной выдержки, спокойствия и уверенности, но еще и искусства руководить, искусства убеждать. Сумеет ли он, Топорнин, довести начатое дело до победного конца?

— Петр Николаевич, Петр Николаевич, да куда же вы делись! Никак вас отыскать не могу. — От котельной, утопая по колено в снегу, прямо наперерез Топорнину бежал Степан. Лицо его было красное, он тяжело дышал.

— Что случилось?

— Тут целые события. Понаехало столько начальства — страсть: и волостные прискакали, и целое стадо баев, и сам господин Фелль пожаловал.

85

У конторы шумно толпились люди. Привязанные к коновязи лошади, звонко фыркая, подбирали брошенное прямо в сугроб сено.

Толпа почтительно расступилась, освободив дорогу смотрителю. Петр Николаевич окинул взглядом собравшихся.

— Мартыновский, зайдите ко мне.

У дома Гиббера был поставлен рабочий пикет, который никого не пропускал к Феллю без специального разрешения забастовочного комитета.

В одиннадцать часов дня для переговоров с управляющим направилась депутация горняков в составе Топорнина, Невзорова, Кошкамбаева и Мартыновского.

В доме Гиббера тепло и уютно. Приятно пахло жареным мясом и еще чем-то душистым, острым, кухонным. Не снимая полушубка, Петр Николаевич прошел в гостиную, но там, кроме фельдшера Костенко и врача Братцева, никого не было. Сидя за накрытым столом, они ели жаркое. На столе стояло еще два прибора с дымящимся, еще не тронутым мясом. Смотритель догадался: перебили они аппетит англичанам.

— Вы чего здесь отираетесь? — обратился Топорнин сразу к обоим, — объедки английские доедаете? А ну-ка марш отсюда! Ваше место около больных. Их у нас больше, чем полагается.

— Я вам не подчинен, господин смотритель, дрожащим голосом проговорил Братцев. — И потом... повежливей бы надо: вы же не мужик, а интеллигент!

— В присутствии более старшего по должности господина Фелля я тоже не подчиняюсь вам, Петр Николаевич, — пробормотал Костенко.

— Шкуры! — грозно процедил сквозь зубы Мартыновский, рванувшись к столу. Невзоров схватил расшвырявшего друга за плечо.

— Сейчас же уходите отсюда! — требовательно повторил смотритель, не спуская глаз с фельдшера.

В это время в гостиную в сопровождении Гиббера вошел Нельсон Фелль. Чувствовалось, что он безуспешно пытался подавить раздражение. Хищные зеленые глаза управляющего испускали какой-то холодный блеск, нижняя толстая губа, отвиснув, нервно вздрагивала, словно этот грузный детина был кем-то незаслуженно обижен и

теперь вот-вот собирался разрыдаться. В гостиной воцарилась тишина, похожая на ту, которая обычно наступает перед боем.

Топорнин с самого утра был необычайно зол, а тут еще эти холостящие эскулапы подлили масла в огонь. В упор вонзив в англичанина острый немигающий взгляд, Петр Николаевич спокойно проговорил:

— Надеюсь, господин Фелль, вы приехали, чтобы лично ответить на петицию рабочих!

Братцев перевел вопрос смотрителя на английский язык. Управляющий затараторил в ответ нетерпеливо и сбивчиво, глотая концы фраз вместе с недостающим воздухом. Доктор едва поспевал переводить его речь на русский язык

— Э-э-э... Я действительно приехал, чтобы ответить на петицию рабочих, но... э-э-э... отвечать буду не вам, а рабочим.

— А вот-здесь со мной есть и рабочие, — указал Топорнин на Мартыновского, Кошкабаева и Невзорова.

— Нет, я буду говорить со всеми, вон там! — Фелль указал рукой через окно на улицу.

— Там очень холодно. Вы лучше скажите нам, а мы передадим остальным.

Фелль прошелся по гостиной, сел у стола, подыскивая, видимо, нужные для ответа слова.

— Кто организатор этого позорного бунта?

— А разве вы до сих пор не знаете, кто организатор? — с иронической улыбкой спросил Топорнин. И тут же строго ответил: — Организатором бунта являетесь вы, господин Фелль! И если вы откажетесь удовлетворить наши требования, мы поднимем на забастовку всех рабочих Спасска и Караганды и напечатаем нашу петицию в столичных газетах. Пусть вся Россия и весь мир знают о ваших преступлениях!*

— Я вас... э-э-э... не понимаю, господин Топорнин, — проговорил Фелль по-русски. — Ви изобрази нас... э-э-э... преступником?

— Чего же тут не понимать? Кто цены на товары первой необходимости повысил? Вы! Кто жалованье рабочим

* Петиция успенских горняков была опубликована в газете «Сибирская жизнь», № 4, 5 января 1906 года.

снизил? Вы! Ведь нынче зарплата на промыслах намного ниже, чем была даже при господах Рязановых. Значит и бунт рудокопы затеяли по вашей милости! Вот и расхлебывайте теперь...

— Тон вашей речи возмутительно дерзок! — снова переключился на английский язык Фелль. — Вы забываетесь, мистер Топорнин. Всех, кто не хочет работать на промыслах, мы уволим. Другие найдутся.

— Вы-то можете уволить, но рабочие не уйдут с рудника, — заметил Топорнин. — Надеюсь, мистер Фелль знаком с законами и практикой забастовок?

— Я вызову полицию! — вдруг раздраженно выпалил управляющий. Терпение его иссякло. — Я выкину отсюда всех бездельников!

— Вот вашей полиции! — шагнув вперед, Мартыновский показал кукиш. Высокомерность и самоуверенность англичанина до крайности возмущали Владимира. Если бы не было здесь Петра Николаевича, то, верно, он с удовольствием дал бы чванливому иностранцу в ухо.

— Вы не забывайте, мистер Фелль, что Россия — не Южная Африка и тем более не Новая Гвинея, — заметил Топорнин. — Цепи колониального рабства на наш народ надеть вам не удастся!

— Мы, англичане, народ русский и так отличаем от туземцев-киргиз, — злорадно ухмыльнулся управляющий. — Киргизам и заработная плата установлена ниже, чем русским, и жилье у них совсем отдельно расположено.

— Трудящихся киргиз русский народ считает своими братьями, господин Фелль. Не забывайте об этом. Если вы по степени расового превосходства устанавливаете жалование, то извольте ответить, почему господину Павловичу установлен оклад в 24 раза ниже, чем вам? Выходит, русские в 24 раза хуже англичан?

Нельсон побагровел. Нижняя пухлая губа его судорожно задергалась и еще сильнее отвисла. Он что-то хотел сказать, встал со стула, хотел уйти, но, сделав шаг, вернулся, снова уселся на стул и неторопливо забарабанил по столу пухлыми пальцами.

— Вот что я вам скажу, господин Топорнин, — с железной ноткой в голосе проговорил Фелль. — Сам факт подписания вами петиции автоматически устраняет вас от должности смотрителя, поэтому сообразованно считайте себя с сего числа уволенным от службы на руднике.

— Я иного и не ожидал, — бросив в лицо Фелля колкий презрительный взгляд, сказал Петр Николаевич. — Но дело не во мне. Потрудитесь сейчас же дать ясный ответ тем, кого вы обворовываете: удовлетворите вы их законные требования или нет?

— Я уже, кажется, все сказал. Фелль поднялся, давая тем самым понять, что разговор окончен.

— Каждый имеет право быть дураком, но к чему злоупотреблять этим правом! — Топорнин, круто повернувшись, решительно зашагал к двери. Кошкабаев, Мартыновский и Невзоров последовали за ним.

На крыльце дома Гиббера, зябко спрятав головы в поднятые воротники полушубков, дежурили пикетчики: веселый разговорчивый Иван Прилепский и угрюмый каменщик Жилин. Они с нетерпением ожидали результатов переговоров делегации с Феллем и даже в душе гордились тем, что первыми узнают результаты. Увидав сердитое лицо вышедшего Топорнина, пикетчики молча раступились.

— Никого из этого дома не выпускать, — на ходу бросил Петр Николаевич пикетчикам.

Через пять минут над домом, где жил Невзоров, взвилось кумачевое знамя. Это был сигнал к началу забас-

товки. Вслед за тем Степан, Мартыновский и Кошкабаев направились в отделение паровой машины. Раздался продолжительный свисток.

— Остановить машину! — крикнул Невзоров, стараясь заглушить шипение пара.

Рабочие котельной торопливо открутили вентиля. Белые, тугие струи пара, неистово шипя, ударили в дощатый потолок. Машинист Василий Порфирьевич Патаров выпустил из котла воду. Локомотив замер. Рабочие разошлись по домам.

В 12 часов дня Невзоров и Мартыновский снова посетили Фелля и объявили ему о том, что всеобщая русско-киргизская забастовка началась.

— Стаечный комитет требует выплатить всем рудокопам жалованье за месяц вперед и сложить с них все долги, которые по счетам заводской администрации числятся, заявил Мартыновский управляющему.

— Мы даем вам слово, — добавил Степан, — что после получения жалованья за месяц вперед все мирно уедем с рудника. Без денег мы никуда ехать не можем и будем бороться за свои права до конца.

Но мистер Фелль не выполнил и этого требования рабочих.

Забастовка росла, ширилась. Работы всюду приостановились.

В первом часу из Спасска возвратился караван верблюдов, отвезший на завод очередную партию руды. Старший возчик каравана Кулмагамбет Дюйсенов, доставивший Феллю петицию успенцев, явился к Топорнину.

— Все возчики присоединяются к забастовке, — сообщил он.

И вот 86 верблюдов, оставленные бастующими, лениво жуя свою бесконечную жвачку, прилегли прямо под окнами конторы, как бы подчеркивая своим бездействием полную остановку всей жизни, всего движения на руднике.

Впрочем, жизнь не остановилась. В кабинете Топорнина члены русско-киргизского рабочего союза продолжали обсуждение вопроса — что предпринимать дальше. Алимжан Байчагиров сообщил, что приехавшие утром на рудник управитель Нельдинской волости Джакен Мустафин, кандидат волостного управителя Искак Джамашыков и бай шляются по землянкам и уговаривают горняков-казахов вернуться на работу.

— Мустафин обещает выдать каждому, кто перестанет бастовать, по пять рублей, — добавляет Алимжан.

— Они знают, что деньги — дурной господин, но весьма хороший слуга, — говорит Топорнин. — Они не прочь выдать за верную службу, за послушание каждому по ошейнику. Сейчас же идти в землянки и помешать этим баям отравлять сознание людей!

— Это не так легко, Петр Николаевич, — вставляет Искак Кошкабаев. — Среди приехавших есть муллы, а они, сами знаете, действуют наверняка — через самого аллаха.

— А что, если пугнуть как следует всю эту братию! — возбужденно произнес Мартыновский. — Да сколько же можно эту шайку уговаривать-упрашивать! Терпенье лопается. Вот пойду сейчас и пришибу кого-нибудь из них. Хоть на душе легче станет.

Степан положил на плечо Владимира руку:

— Погоди, Володя, до всего свой черед.

По предложению Топорнина русско-киргизский союз принял постановление:

1. Забастовку продолжать. Над конторой рудника поднять красный флаг;

2. Не должны бастовать — аптека, водовоз, материальные, возчики угля;

3. Прекратить снабжение топливом, водой и продовольствием дома Гиббера, где остановился директор завода Фелль, чтобы и он испытал, каково рабочим в холодных землянках при нищенском питании.

Выходя с совещания, Мартыновский увидел в коридоре конторщика Мардария Ивченко.

— Эй ты, плешивый — человек фальшивый, чего стоишь руки в боки, глаза в потолки? Ну-козь, поди сюда!

Мардарий усердно грыз семечки, ловко забрасывая их в рот и звучно выплевывая кожуру. Он повернулся к Мартыновскому спиной, пытаясь уйти.

— Я кому говорю! Расковырять, что ль, тебе уши-то? Давно, видно, оплеух не едал! — Владимир широкими шагами подошел к конторщику и ловко ухватился за лацканы суконного пиджака.

— Но-но, полегче! — петушился Ивченко, хотя в глазах его был страх.

— Горло поет: либо брагу пить, либо битым быть, —

задиристо сказал Мартыновский.— Ты вот что, конторщик, иди сейчас в дом Гиббера и любыми средствами вымани оттуда фельдшера. Во втором бараке два человека в горячке лежат, мучаются, бредят, а он, сволочь, у англичанских господ тарелки вылизывает!

— Так, слышь, в дом-то никого не пушают.

— «Не пушают» — передразнил Мартыновский.— Значит тоже на поклон ходил? Смотри у меня, мигом душу выпряхну! Иди и скажи пикету: Мартылога, мол, приказал вызвать фельдшера. Я здесь подожду. Если через пять минут не приведешь сюда лекаришку, то гляди, от меня не уйдешь!

Конторщик побежал выполнять задание. Он знал, что с Мартыновским шутить опасно.

Прошли сутки. Рудник по-прежнему бездействовал. Над Успенкой впервые в истории казахской степи гордо развевались красные знамена. На предприятии полными хозяевами были рабочие, объединенные единством целей в русско-киргизский рабочий союз.

В два часа дня на квартиру к Топорнину пришел каменщик Жилин.

— Петр Николаевич, бородач-англичанин, что без усов, просит выпустить его из дому. С рабочими, говорит, хочу встретиться.

— А ты скажи ему, что болтовней рабочие заниматься не хотят. Обо всем, что необходимо, они в петиции своей сказали.

— Так он ругается. Ух, как ругается! Матерно! А дохтур, что при англичанском директоре, даже всплакнул маленько. Али не христианские у вас души, что голодом да холодом морить нас вздумали? А Ванек Прилепский отвечает: мы, дескать, все время живем в холоде и голоде. И вы поживите, тогда узнаете и про душу нашу, какая она — христианская али цыганская. Ну, так, значит, не выпускать англичанина из дому, Петр Николаевич?

— Нет, Михаил Андреевич, не выпускать! Так и скажите, что без разрешения забастовочного комитета ничего сделать не можем. Если хочет переговоры возобновить, то только с членами комитета.

Минут через десять Жилин явился снова.

— Англичанин просит привести к нему рабочую депутацию от забастовщиков.

Петр Николаевич направил к Феллю Невзорова, Мартыновского и Кошкабаева.

— Если вы откажетесь от шестого пункта петиции, то я готов обсуждать вопрос о ваших требованиях,— заявил управляющий.

— Ни от чего мы не откажемся,— твердо сказал Невзоров.

— Тогда немедленно уезжайте вон с рудника!—сердито крикнул Фелль.

— Не выйдет!— с усилием подавляя гнев, ответил Мартыновский.

Депутация покинула дом Гиббера.

Вечером 10 декабря 1905 года члены стачечного комитета русско-киргизского рабочего союза снова собрались на совещание. Все единодушно пришли к тому решению, что поскольку администрация акционерного общества все время жульнически обманывает рабочих и на этом получает баснословные барыши, а удовлетворять справедливые требования отказывается,— будет совершенно законным конфисковать товары фирмы, находящиеся в рудничном магазине, и раздать их участникам забастовки.

В соответствии с этим решением Петр Николаевич Топорнин уничтожил старые расчетные книжки, вместо них выдал горнякам новые. Дутые задолженности, числившиеся, как правило, за каждым рабочим, были списаны. Вместо них в расчетных книжках появились определенные суммы кредитов, на которые рудокопы получили ордера в заводской магазин.

11 декабря утром забастовочный комитет распорядился открыть магазин и отпускать рабочим товары по вновь выданным расчетным книжкам.

Нельсон Фелль, накинув на плечи тулуп, словно медведь в клетке, бешено бегал взад и вперед по холодной комнате. В окно было видно, как толпа горняков разбирала в магазине товары, слышались возгласы:

— Надо ехать в Караганду и Спасск. И там поднимем забастовку!

Впервые за все время пребывания в Карагандинской степи Нельсон Фелль почувствовал разлившуюся по телу расслабляющую истому, бессилие и страх.

СЛОВО ДОКУМЕНТАМ

Забастовка успенских рудокопов, поддержанная шахтерами Караганды и медеплавильщиками Спасска, не просто встревожила местную администрацию; она повергла в панику канцелярии уездного начальника Нехорошкова и военного губернатора области и разъярила самого степного генерал-губернатора Сухотина. Скрипели перья чиновников, звенели шпоры полицейских и жандармов, летели шифрованные телеграммы и донесения в Петропавловск и Омск.

Сейчас эта лихорадочная переписка безмолвно лежит в папках архива. Пожелтевшие от времени листы аккуратно пронумерованы и подшиты. Но стоит открыть интересующую нас папку, и казенные мертвенно-поблекшие страницы документов оживают, начинают разговаривать, воскрешая и уточняя события давно минувших дней.

Вот копии петиции рабочих и служащих Успенского рудника. В конце тусклого сероватого пергамента бледными, выцветшими чернилами написано:

«С подлинным верно — управляющий Спасского завода А. Павлов». Здесь же рядом в «деле 118» пространное донесение Павловича на имя окружного инженера Степного северного округа о забастовке на Успенском руднике. Не будем ворошить снова эти бумаги: об их содержании мы уже рассказали в предыдущих очерках. Прочтем рапорт Акмолинского уездного начальника военному губернатору области, датированный 24 декабря (по старому стилю) 1905 года.

«Считаю необходимым доложить Вашему пр-ву, что, по полученным мною частным сведениям, забастовка служащих и рабочих Успенского рудника в данном случае была всецело вызвана теми фабрично-заводскими распоряжениями, за отсутствием фактического на месте надзора со стороны горнозаводских властей, которые установлены администрацией горных промыслов К. Э. Карон...»

Ценные признания! Если уж такой реакционер и службист, как уездный начальник Нехорошков, признает, что забастовка «была всецело вызвана» грабительскими распоряжениями, установленными на промыслах, то можно себе представить, какой произвол царил на руднике.

2 декабря уездный начальник Нехорошков, узнав о

том, что некоторые уволенные с работы участники забастовки находятся проездом в Акмолинске, вызвал их в свою канцелярию и учинил допрос. Перед нами протокол этого допроса.

1. Степан Артемьев Невзоров, крестьянин Полевской волости, Екатеринбургского уезда, показал: «Забастовка на Нельдинском руднике началась с момента фактического удаления со службы смотрителя Петра Николаевича Топорнина прибывшим на рудник директором завода г-ном Фелль...»

Недовольство англичанами началось давно, причем немалую роль в неприязненных отношениях к англичанам играло и то обстоятельство, что англичане в минувшую русско-японскую войну были союзниками японцев.

2. Михаил Андреевич Жилин, 42 лет, горнозаводской крестьянин Екатеринбургского уезда, Полевского завода, показал: «На Успенском заводе служил нарядчиком по верховым работам, жалованье получал 40 руб. в месяц. Еду на родину. Причина забастовки на Успенском руднике — малое жалованье рабочим и высокие цены в магазине. Служил 4 года на заводе. Цены в заводских магазинах теперь значительно выше, чем они были при Рязановых. Например, шапка стоит 4 руб. 75 коп., перчатки — 1 руб. 80 коп., водка продается с надбавкой 20 коп. на четверть.

Петицию сочиняли все, писали же ее, кажется, Белоглазов или Топорнин. Все рабочие недовольны невежливым и дерзким обращением англичан».

Забастовка успенских горняков оказала сильное влияние не только на рабочих Центрального Казахстана, но и вызвала волнение среди аульной бедноты. Чтобы предупредить дальнейшее распространение этих волнений, уездный начальник счел необходимым лично выехать в Караганду, на Спасский завод и в Нельдинскую волость.

Организованный характер забастовки, единство действий трудящихся — русских и казахов — всех трех предприятий — Успенского рудника, Карагандинской копи и Спасского завода — заставили администрацию акционерного общества пойти на уступки. Было произведено частичное снижение цен на товары, до 15 процентов повышена заработная плата рабочим. Причем вводился такой порядок, при котором выдача заработной платы должна была производиться два раза в месяц. Для горняков Караган-

ды и Успенки устанавливался восьмичасовой рабочий день (считая с обеденным перерывом, — 10-часовой), а на Спасском заводе зимой — девяти, летом — десяти-часовой.

Прижатый забастовщиками к стене, Нельсон Фелль клятвенно заверил рабочих, что примет все меры для ускорения строительства жилищ и бань на всех трех предприятиях, а также обеспечит горняков, работающих в сырых забоях, непромокаемой одеждой и обувью.

Эти обещания являлись ширмой, за которой мистер Фелль и его подручные вели лихорадочную работу совсем в другом направлении. Так, уже 3 января 1906 года, в тот день, когда уездный начальник допрашивал забастовщиков, из Спасска окружному инженеру Сборовскому была послана следующая телеграмма: .

«Ввиду примера забастовки на Успенском желатель-но, чтобы возможно скорее был назначен на завод вер-ный священник, достаточно подготовленный своей обя-занности... Прошу Вашего содействия о назначении свя-щенника и сообщаю, что завод согласен платить ему жа-лованье 1 200 рублей в год. Подробно почтой. Фелль».

У заезженной лошади много кнутов, у темного челове-ка много молитв — этой истиной, видимо, руководство-вался английский делец, направляя телеграмму инженеру горного округа. Но, с другой стороны, он прекрасно по-нимал, что одними поповскими молитвами теперь трудно удержать рабочего человека. Не те времена. Поэтому, кроме священника, мистер Фелль запросил у местных властей усилить полицейский состав при заводе. Внимая этой просьбе, Нехорошков писал акмолинскому губерна-тору:

«... во избежание повторения событий, имевших место на Успенском руднике, г-н Фелль выразил мне свое со-гласие на учреждение на его горных промыслах, кроме по-лицейских урядников, еще должности особого полицей-ского пристава за счет заводоуправления. Цель полицей-ского пристава заключается в наблюдении за рабочими и служащими в отношении революционной пропаганды и организации революционных выступлений».

И действительно, вскоре на промыслах появились и полицейский пристав и «урядник казенного правословия» — поп. Первый — с саблей и наганом, второй — с кади-лом. Именно об этом прекрасно сказал В. И Ленин:

«Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подав-лять протест и возмущение угнетенных. Поп должен уте-шать угнетенные..., отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, раз-рушать их революционную решимость».*

Проведя такого рода «преобразования», Нельсон Фелль не замедлил отказаться от всех клятвенных обе-щаний, которые давал рабочим.

Доходы хозяев акционерного общества «Спасская медь» продолжали расти. Судя по годовому отчету Пав-ловича, за 1905 год «в Караганде добыто 1 908 790 пудов каменного угля на сумму 85 485 рублей, выплавлено меди на Спасском заводе на сумму 83 514 рублей 53 копейки. Добыто руды на Успенском руднике 428 915 пудов на сумму 65 093 рубля 65 копеек».

Как же сложилась дальнейшая судьба руководителей забастовки?

Оказывается, в канцеляриях губернаторов и даже ми-нистерства внутренних дел имени Топорнина, Невзорова, Мартыновского не были забыты. 30 декабря 1906 года помощник акмолинского уездного начальника Линден в телеграмме на имя военного губернатора области сообщал:

«Бывший рабочий Успенского рудника крестьянин Тургеневского селения, Михайловской волости, Акмолин-ского уезда, Владимир Мартыновский, он же Мартыло-га..., проезжая после забастовки... через селение Киев-ское, остановившись там, агитировал в этом селении в революционном направлении, оскорбляя государя-импе-ратора и проповедуя изгнание властей. Мартыновский арестован мною и содержится в арестном доме под уси-ленным надзором... Ввиду предписания от 2 декабря за № 2563 и телеграммы министерства внутренних дел от 30 ноября испрашиваю указаний».

Топорнин, Невзоров и Мартыновский были объявлены политическими преступниками. Специальным распоряже-нием Омского жандармского управления им воспреща-лось пребывание в Степном крае и в полосе Сибирской железной дороги.

* В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 206.

Но боевой дух борьбы, посеянный русско-киргизским рабочим союзом — первым пролетарским союзом в Казахстане,— жил в сердцах трудовой Сары-Арки. Не случайно по «высочайшему повелению» государя-императора в Акмолинской области было введено военное положение.

В конце 1906 года в Акмолинске оформился революционный социал-демократический кружок. Члены кружка завязали крепкие связи с социал-демократическими организациями Петропавловска и Омска и развернули среди трудящихся района энергичную агитационную и пропагандистскую работу.

Социал-демократический кружок Акмолинска возглавили преданные делу народа революционеры Михаил Смокотин и Николай Трофимов. В начале 1907 года они тайно выезжали в Караганду, Спасск, на Успенский рудник, распространяя среди шахтеров и медеплавильщиков революционные прокламации, политическую литературу, а также проводя разъяснительную работу.

4 февраля 1907 года Акмолинский уездный начальник телеграфировал губернатору:

«За последнее время в городе появился бывший акмолинский казак, (ранее) сосланный в Иркутскую губернию Михаил Смокотин, прибывший, по агентурным сведениям, в Акмолы по поручению революционных организаций в Иркутске с целью агитации в Акмолинском уезде и в Акмолинске. Смокотин сошелся с проживающим здесь частным поверенным Николаем Трофимовым, административно высланным в прошлом году из Омска. Лица эти вошли в сношения со служащими переселенческого управления Хитушко, Вараксиным и другими. Первого февраля Трофимов выехал на Спасский завод, завтра туда же едет Смокотин.

Цель поездки — поднять и подготовить рабочих ввиду предстоящих будто бы в будущем мае каких-то важных событий...»

12 февраля 1907 года Нехорошков снова сообщал губернатору об акмолинском социал-демократическом кружке:

«... Деятельность кружка будет направлена исключительно на противоправительственную пропаганду..., на подготовку почвы для будущих революционных действий среди низших слоев населения, в особенности среди кре-

стьян и заводских рабочих... Утром в воскресенье 28 минувшего января во многих местах, города Акмолинска по улицам и площадям, в особенности около городского собора, были разбросаны в большом количестве прокламации «Российской социал-демократической рабочей партии»... по некоторым данным и по агентурным сведениям, можно было заключить, что разбрасывание по городу прокламаций было делом рук упомянутого выше кружка...»

Революционная борьба рабочих не прекращалась, она обрела орлиные большевистские крылья.

«ЖЕРДЬ В КРАГАХ»

Через два года француз Клод Эрнест Карно перепродал свои Сары-Аркинские владения Сибирскому синдикату, который создал в Лондоне «Акционерное общество Спасских медных руд» с капиталом в 9,2 миллиона рублей. Весть об этом распространилась быстро. Горняки Караганды и Успенки, медеплавильщики Спасска оживленно говорили о предстоящих переменах в администрации, высказывая всевозможные предположения о том, кто из служащих останется на своем месте и кого новые хозяева уволят. Строили догадки и надеялись на облегчение своей непомерно тяжелой жизни.

— Убрали бы к черту этого собаку — зрителя Немкова!

— А что тебе Немков? Прежде главного счетовода Запавала бы выгнать — это да! Проклятый шпион, сколько из-за него пострадало нашего брата!

— Господа есть господа. Все они волком на рабочего человека смотрят. А волк что? Хоть он и каждый год шерсть меняет, да в прежнем обычае остается.

Над урочищем Караганды хмурыми свинцово-дымчатыми дождевыми тучами плыла весна. Взгорье «Ит-Жон», освободившись от снега, действительно напоминало собой рыжую полинялую собачью спину. Чуть дунет ветер — и над косогором, над обшарпанными серыми бараками и приплюснутыми к земле шахтерскими землянками поднимались клубы межой удушливой угольной пыли.

В один из таких весенних дней 1907 года у шахты «Карно» появилась группа незнакомых людей. Первым заметил их старик Кузембай, работавший плотником на этой шахте. Незнакомцы — их было человек пятнадцать — важно, вразвалку прогуливались по косогору, разглядывая надшахтные строения, жилища, штабеля угля и леса, сложенные у шахтного ствола. Кузембай, починавший барабан конного ворота, положил на землю топор и с любопытством стал наблюдать за приближающимися к нему незнакомцами. Впереди всех шел высокий, тонкий мужчина лет тридцати восьми в парусиновом френче, галифе и пробковом шлеме. На ногах его ярко багровели краги; длинное высохшее лицо его с выпяченным вперед острым подбородком, тонкими губами и бесцветными глубоко запытантыми в темных впадинах глазами казалось безжизненным. Рядом с ним семенял маленький тщедушный горбоносый человечек в очках с золоченой оправой и тоже в пробковом шлеме. Шлем, видимо, был великоват, поэтому человечек то и дело снимал его, вытирал платком лоб и, заглядывая снизу в лицо длинному господину в крагах, все говорил и говорил на каком-то непонятном языке. Кузембай догадался. То были те самые новые хозяева копей — англичане, о которых в последнее время так много говорили горняки.

Были здесь и знакомые Кузембаю: артельщик Сагындыков, главный бухгалтер конторы Спасского завода Рябцев, урядник Черкасов, счетовод Запевал, прозванный горняками «сыщиком», смотритель копей Николай Немков.

Высокий что-то сказал маленькому человечку в золоченых очках.

— Мистер Джим Герберт интересуется глубиной ствола шахты «Карно», — обращаясь к Немцову, перевел тот.

— Ствол вертикальный, глубина 70 метров, — почтительно поклонившись, пояснил смотритель.

— О-о-о! — протянул довольный Герберт, похлопывая стеклом по крагам.

В это время из глубины ствола донесся глухой голос:

— Т-а-а-щи!

Барабанщик стегнул кнутом низкорослую лошаденку. Старательно упиравшись задними ногами в избитую почву, лошадь привычно пошла по кругу. Минуты через четыре

из «дудки» ствола показалась деревянная бадья. Джим Герберт заглянул в бадью, покачал головой, буркнув недовольным тоном какую-то короткую фразу.

— Мистер Герберт сказал, что бадью нужно наполнять углем полнее, — перевел человек в очках. Смотритель Немков снова низко склонил голову.

Потом Герберт подошел вплотную к Кузембаю, брезгливо морщась, потрогал его стеклом по щеке, что-то меланхолично спросил.

— Мистер Герберт интересуется, сколько получает этот туземец в день, — обратился переводчик к артельщику Сагындыкову. Сагындыков в свою очередь задал этот вопрос плотнику. Старый Кузембай улыбнулся и для наглядности показал новому хозяину шесть пальцев, что значило шесть копеек.

— Олл раит!* — буркнул Герберт, похлопывая старика по плечу стеклом.

Под вечер Джим Герберт со всей своей свитой зашел в барак, где жили Степан Фомич, Бекбусын, Кумис Медиев, Кузембай с семьей и другие горняки. Пройдясь по узкому проходу между кроватями, Герберт заметил сидевшего среди чумазных горняков-казахов Степана Фомича. Англичанина, видимо, привлек солидный независимый вид штейгера — его могучее телосложение, умный проницательный взгляд, спадавшие на высокий лоб непокорные пряди седых волос, совсем негорняцкая клинышком борода.

— О! Я вижу приятный русский мужик! — воскликнул на ломаном русском языке Герберт, похлопывая Степана Фомича по плечу упругой плеткой стека. Штейгеру явно не понравились эти снисходительные жесты мистера. Он молча впился в безжизненное пергаментное лицо англичанина строгим взглядом.

— О! Господин русский мужик немного сердится? — англичанин снова по привычке поднял костлявую руку со стеклом, но в этот миг сидевший со Степаном Фомичем Кумис Медиев, возмущенно скрипнув зубами, с силой выхватил из рук Герберта плетку.

— О-о-о! — изумился Герберт.

— В этой казарме одни бунтовщики, ваше благородие! — услужливо доложил Запевал. У него были свои

* Очень хорошо!

расчеты — расчеты карьериста и продажного служаки. Пусть знает господин Герберт, что без счетовода Запева-ла ему не обойтись!

Рыжеусый урядник Черкасов подбежал к разгоряченному Медиеву, рванул у него стек и возвратил Герберту.

Степан Фомич спокойно продолжал сидеть на кровати, испытующим взглядом прощупывая каждого из пришельцев. На своем веку много он перевидел иностранцев, но с англичанами был знаком только по книгам. И, право же, именно такими они представлялись ему, какими он увидел их сейчас.

Джим Герберт круто повернулся и, не сказав ни слова, направился к выходу. За ним последовала вся свита.

— Жердь в крагах! — в сердцах сказал Степан Фомич, когда все вышли. И эта кличка прилипла к Герберту навсегда.

Горняки с тревогой ожидали, какими мерами ответит английский хозяин на дерзкую выходку Кумиса Медиева. Но проходил день, второй, пятый, а все было тихо, спокойно. Кумис по-прежнему работал забойщиком на шахте «Карно» и за это время, вопреки ожиданию, никто не поднимал на него руку: ни подрядчик, ни артельщик, ни смотритель копей.

С переходом акционерного общества «Спаская медь» в руки англичан дела заметно пошли в гору. Новые мистеры оказались несравненно опытнее и предприимчивее всех своих предшественников. Они видели, что игра стоит свеч и действовали смело. На Спасском заводе они заложили отражательные печи, наладили рафинирование меди, а через год ввели бессемерование штейна. Результаты были налицо. Если за первые 25 лет существования завода на нем выплавлялось в среднем 22—35 тысяч пудов меди в год, то ко времени введения бессемерования штейна объем выплавки возрос в десять раз и достиг 300 тысяч пудов. Затерявшийся в глуши бездорожья Спасский завод стал вторым в России по мощности медеплавильным предприятием. Английским акционерам было над чем погреть руки!

Серьезную эволюцию претерпела и качественная сторона дела. Отсутствие в Карагандинской степи леса заставило в свое время компанию «Ушаков — Рязанов — Зотов» первыми в России применить для выплавки металла

каменный уголь*, но опыта плавки на каменном угле тогда еще не было. 50 процентов металла безвозвратно терялось, уходя в шлаки. Пуд меди обходился компании в 50 и более рублей. Позже русские уральские умельцы помогли усовершенствовать процесс плавки. Себестоимость пуда меди сократилась почти в шесть раз и составила вместе с далекими перевозками на Екатеринбургский монетный двор и в Нижний Новгород менее девяти рублей. Ко времени же перехода фирмы в руки английского капитала себестоимость пуда меди за счет изощренных колониальных способов эксплуатации рабочих еще более понизилась. Утверждая в Лондоне на собрании пайщиков отчеты правления общества «Спаская медь», акционеры радостно потирали руки: размеры дивидендов составили 20 процентов в год.

Несмотря на быстрый рост курса акций, хозяева компании не спешили со сколько-нибудь значительными капитальными вложениями. Единственное, на что они решились — соединили узкоколейкой Карагандинские копи со Спасским заводом. Два года понадобилось мистерам, чтобы провести сорок километров узкоколейного пути в равнинной степи!

Паровозно-вагонный парк узкоколейки был ограничен шестью крошечными паровозиками, девяносто пятью платформами и тремя вагонами. Таким примитивным был подвижной состав железной дороги Караганда — Спасск.

Зато в других делах мистер Герберт как достойный преемник многоопытных колонизаторов оказался куда более изобретательным. Приехав в Карагандинскую степь, он долго осматривался вокруг. Был терпелив и не допускал опрометчивых поступков. Приглядевшись к окружающей среде, Джим понял, что степной народ, тихий и смиренный с виду, внутренне наэлектризован. Значит, с ним надо действовать осторожно. Слово «осторожность» он понимал по-своему, сугубо субъективно. Дело в том, что ему как крупному держателю акций общества «Спаская медь» собрание пайщиков в Лондоне поручило на-

* На Всероссийских выставках промышленников в Петербурге в 1870 году и в Москве в 1882 году Спасский завод Рязановых был дважды премирован серебряными медалями за поддержание медного производства России и за то, что он первый ввел вышивку металла на каменном угле.

ладить работу правления фирмы. Такое поручение было вполне естественным, так как среди приехавших в Караганду английских служащих только один Герберт сам являлся акционером и был непосредственно заинтересован в росте дивидендов. Он мог, или точнее сказать, должен был сам возглавить управление предприятиями. Но интуиция подсказывала Джиму держаться в стороне, в тени. Мало ли какие непредвиденные штормы могут обрушиться на утлый корабль компании «Спасская медь» в этом огромном океане пустыни! В случае катастрофы в ответе будет прежде всего капитан. Зачем же ему, Джиму Герберту, надевать на себя ляжку капитана? Не лучше ли, черт возьми, иметь под руками надежный спасательный круг стороннего наблюдателя? Да, да, именно наблюдателя и именно стороннего! Хотя, конечно, сторонним он останется формально, а фактически власть над предприятиями, и прежде всего над угольными копями, будет в его руках. «Деньги властвуют над человеком, хотя человек держит их в кармане»,—не мудро ли сказано! Не для того покинул Джим Англию, друзей, не для того лишился всех удобств респектабельной буржуазной жизни, чтобы уехать из этой глуши ни с чем. Нет, Джим Герберт — не дурак, он выжмет из этих русских мужиков и киргизов все соки, какие только можно выжать, и ему еще поклонятся в ноги все лондонские держатели акций фирмы «Спасская медь».

Мысли в голове Герберта кипели, бушевали, пенились, словно расплавленный металл в отражательной печи. Погрузившись в раздумье, он одиноко сидел в своем кабинете за письменным столом. А в это время в тесной гостиной его дома собирались служащие компании. Грузный, похожий на мясника, Вульмер, сияя розовой лысиной и размашисто жестикулируя, что-то доказывал тщедушному Харбетлю. Харбетль не соглашался с Вульмером, хмурился, отрицательно мотал маленькой головой, то и дело нервно снимал свои очки в золоченой оправе, механически протирал их носовым платком, потом снова напяливал на горбатый нос, смахивал с морщинистого лба пот и опять принимал позу человека с собственным мнением и неоспоримым достоинством.

Харбетль несколько лет работал на английских

шахтах в Юзовке* переводчиком. В горном деле он был полным профаном. Но когда новые компаньоны пригласили его в Караганду, Харбетль, изрядно поупрямившись, принял предложение с условием, что поедет в далекий степной фэй не переводчиком, а должностным лицом. Пройдохе и коммерсанту Вульмеру, набившему руку на темных биржевых операциях в Лондоне, также обещали достойную его «способностей» должность. Теперь, когда Герберт собрал служащих, чтобы «распределить» между ними портфели, Харбетль и Вульмер, словно проголодавшиеся псы, которым хозяин бросил обглоданную кость, дрались за эту кость, пугая друг друга оскалом зубов и выискивая незащищенное место, чтобы вонзить в него свои клыки.

Харбетль был уверен, что Джим Герберт, по праву акционера, возьмет себе портфель главноуправляющего предприятиями. Более или менее значительной остается только должность управляющего (Карагандинскими копиями. Ее-то хочет захватить этот жулик и прохвост Вульмер. Выходит, для Харбетля ничего не остается!

— Зря отчаиваешься, достопочтенный мой друг расплываясь в улыбке, поддразнивал Вульмер своего нервного соперника.

— Мне нечего отчаиваться,— сердился Харбетль.— Я не навязывался. Меня упростили поехать в Караганду, У меня за плечами все же немалый опыт работы в Донбассе.

— Терпенье — это плодovitая земля, на которой растет добродетель! — загадочно произнес Вульмер, потирая лоснящуюся лысину.

— Что вы меня успокаиваете какими-то философиями, которых век не изучали. Я как-никак колледж оканчивал, и не вам меня на удочку ловить. Кроме того, да будет вам известно, мистер Вульмер, что удочка — весьма примитивный инструмент.

— Мой дорогой Харбетль, ты признайся откровенно,— уже не скрывая грубости, перебил Вульмер своего собеседника,— кто же ты есть на самом деле — горняк или рыбак?

Харбетль снова густо побагровел. Маленькие черненькие усики его нервно задергались. Быстрым движением он

*Юзовка— ныне Сталино (Донбасс)

снял очки и со злостью посмотрел в резко очерченные снизу лиловыми отеками глаза биржевого дельца.

— Терпение, дорогой друг, один момент терпения! Зачем гневаться? Господин гневу своему — господин всему. Ты удивился, милейший Харбетль, моему вопросу. А я в самом деле хочу знать — кто ты — рыбак или горняк? Горняки обычно употребляют в обиходе шахтерскую терминологию: «штрек», «забой», «кирка», «крепь»... А у рыбаков вечно на уме «удочка». Да и то, пожалуй, не у настоящих рыбаков, а у любителей.

— Если вас так заинтересовала удочка, мистер, то извольте, скажу вам, что означает оный инструмент.

— Очень рад! Очень рад!

— Удочка это такое орудие, «а одном конце которого сидит червяк, а на другом дурак!

— Bravo, Харбетль, bravo! Тебе, как истинному рыбаку, не раз, видимо, сидевшему на берегу Темзы с удочкой, легче знать, что сей инструмент значит.

— Это слова Вольтера!

— Ну, мой милейший, Вольтер, как и ты, никогда горняком не был. По крайней мере в управляющие Карагандинскими копиями он не лез. — Довольный исходом столь горячего спора, Вульмер от души расхохотался.

В гостиной собрались почти все служащие компании. Вдруг распахнулась дверь, (ведущая в рабочий кабинет Герберта, и на пороге выросла длинная фигура человека в крагах. Он был сумрачен и оттого серое пергаментное лицо его казалось еще более худым. В гостиной сразу все притихли: авторитет Джима был непререкаем. Счетовод Запевал, сидевший рядом с главным бухгалтером конторы Спасского завода Рябцевым, аккуратно поправил прилизанную с пробормотанием прическу. Урядник Черкасов, покрутив рыжие усы, мгновенно подскочил с места, вытянулся в струнку, потом медленно опустился на стул, продолжая таращить на Герберта подобострастные глаза.

— Господа! — усевшись за стол, холодно произнес англичанин. — Сегодня я получил из Лондона сообщение о том, что собрание пайщиков утвердило отчет правления акционерного общества Спасских медных руд, выразив удовлетворение размерами дивидендов и прислало всем служащим компании благодарность и приветствия.

Вульмер, вскочив с кресла, ударил в ладоши. Его поддержали все присутствовавшие. Джим Герберт, не моргнув глазом и сохраняя все то же жесткое выражение лица, продолжал:

— Смысл нашей работы — делать деньги. До сего дня мы в какой-то мере справлялись с этим. Но не все из нас в полную меру проявляли свои способности. Деньги надо делать смелее. Не для того я приехал в эти далекие края, чтобы разориться. Эти ленивые туземцы-киргизы вместо благодарности европейцам, давшим им возможность жить и работать, всякий раз стараются сделать меньше, а получить больше. Правление акционерного общества выразило надежду, что мы будем энергичнее. Бездельников и лентяев, равно как и лиц, сеющих смуту, с предприятий выгонять!

Он умолк, медленно оглядел сидящих в гостиной. Остановил взгляд на Вульмере. Харбетль затаил дыхание — что будет дальше? Неужели Вульмера назначат управляющим копией?

— Первое время после нашего приезда много в этой дикой пустыне нам было незнакомо, и всеми делами фирмы вынужден был управлять я. Теперь все вы хорошо освоились с моим методом. — Герберт интонацией подчеркнул последние два слова и в упор посмотрел на своих английских земляков — Вульмера, Харбетля, Мансфельна, Принца, Мортонна. — По согласованию с правлением фирмы решено назначить мистера Вульмера главноуправляющим предприятиями. Пусть он покажет свое искусство маклера.

Вспыхнувший от радости Вульмер встал. Блестящая, как бильярдный шар, лысина его мгновенно порозовела, покрылась бисеринками пота. Харбетль побледнел, съежился, золоченые очки его как-то смешно сползли на кончик хищного крючкообразного носа.

— Управляющим Карагандинскими копиями предлагается достопочтенный мистер Харбетль.

Юзовского переводчика, потерявшего всякую надежду на счастливое устройство своей судьбы, это сообщение оглушило, как удар по голове. Харбетль вздрогнул, непонимающе замигал глазами, словно пытаясь разобраться в реальности происходящего. Сняв очки, он принялся их тщательно протирать носовым платком. И только снова водворив золоченые окуляры на свой зна-

менитый нос (среди горняков о носе Харбетля шла веселая молва: «Вот это нос, что и багра не надо!», «То-то носина, словно соборное гасило!»), юзовский переводчик чинно привстал, учтиво поклонился и с подчеркнутым достоинством снова уселся на место. В этот миг он страшно боялся взглянуть на Вульмера, который расплылся в снисходительной улыбке.

* * *

Харбетля шахтеры прозвали «Горбателем». Основой для этого прозвища, видимо, послужил его горбатый, крючкообразный нос, а может быть щедушная сутулая фигура или сама труднопроизносимая фамилия.

На шахте он появлялся часто и покрикивал:

— Айда, давай! быстрее! Не останавливайся!

Непреодолимое честолюбие побудило Харбетля уволить с работы смотрителя Немкова.

— Не на шутку наш Горбатель разошелся! — острили углекопы.

Николай Васильевич Немков имел в Акмолинске собственную лавку и, получив отставку, отбыл туда заниматься привычным торговым делом. Вместо него смотрителем был назначен Гаврюшенко. Он прослужил немало. Во время одной из забастовок разъяренные горняки собрались у конторы с кирками и тяжелыми молотами и пригрозили, что в случае неудовлетворения их требований смотрителю попадет первому. Гаврюшенко чудом вырвался из разъяренной толпы. С тех пор его в Караганде больше не видели. Зато занявший его место Ксаверий Ксаверьевич Дроздовский цепко впился в должность смотрителя.

Почти в одно время с Дроздовским прибыл в Караганду и новый урядник Бобровский, отличавшийся крайней тупостью, коварством и жадной выслужиться. Впрочем, по складу души и характеру своему Дроздовский нисколько не отличался от Бобровского. О первом говорили, что он краснеет по поводу затеянной пакости только тогда, когда она не удалась, а о втором — что у него совесть еще в прошлом году в бутылке задохнулась. Отличались они друг от друга, пожалуй, только ростом: первый маленький, шупленький, сморщенный, одни усы торчком; второй — здоровенный, мордастый, голова с пивной котел.

В кузнице молодежь хохочет, когда старик Парфенов, помешивая в горне раскаленные угольки, начинает характеризовать урядника:

— Да, што ж поделаешь-то, рылом урядничек не вышел. Рожа у него — клюковка, глаза — луковки... В окно глянет — конь прынет, на двор выйдет — три дня собаки будут лаять.

— А этот, дядя Григорий, смотритель-то наш как из себя? — хохоча, любопытствуют горняки.

— У этого голова с поклоном, язык с приговором, ноги с подходом, руки с подносом, — ухмыляется кузнец. Потом вытаскивает из горна раскаленную поковку и, ловко уложив ее на наковальню, добавляет: — Словом, много красоты — одни скулы да усы.

Бобровский открыл в Караганде и Спасском свои лавки и, завоевав симпатии Герберта, добился того, что рабочим вместо денег заработную плату стали выдавать бонами. А куда с этими бонами пойдешь за товарами? Конечно, в лавки Бобровского. Других лавок нет. Дорого ли, дешево, плохой ли товар, хороший — бери, какой дают: не пропадать же бонам! А урядник не зевал: цены устанавливал по своему усмотрению, гнилую, прогорклую муку выдавал за первосортную.

Ловко приспособился Бобровский. Обменивал в заводской кассе бонны на деньги и греб доходы. Потом облюбовал черноземные земли на берегу Кокпекты, разбил там огород, стал сеять пшеницу, ячмень, просо. Не сам, конечно. Не затем он в полицейские урядники выбился, чтобы руки о землю пачкать — «помогали» рабочие, страшась урядниковой расправы. Так и почувствовал себя Бобровский в Караганде барин.

Однажды не стерпели углекопы, забастовали. Но выступление горняков не отличалось организованностью и не увенчалось успехом. Тогда группа шахтеров обратилась со специальным письмом к губернатору. В письме говорилось:

«У нас в Карагандинском заводе состоит полицейским урядником Бобровский. Он все время принуждает, чтобы мы бесплатно обрабатывали его землю, сеяли и убирали урожай. Мы боимся его и поэтому беспрекословно выполняем все его указания.

Кроме того, и в Караганде и на Спасском заводе,

имея собственные лавки, он торгует разными товарами под именем своего сына.

Далее, мы... не можем своевременно получать зарплату, так как Бобровский перед управлением завода добился того, чтобы управление выплачивало нам зарплату не деньгами, а ордерами, с тем расчетом, чтобы он потом продавал нам по ним свои плохие товары по повышенным ценам... Так как Бобровский все время издевается над нами, злоупотребляя своим служебным положением, просим Вас, господин губернатор, удалить отсюда Бобровского, заменив его другим урядником. Помните, что, хотя уйдет от нас, но он всегда будет преследовать нас, поэтому мы не могли писать Вам о всех его злоупотреблениях. Из опасения и боязни мы не подписались на данном заявлении, хотя все изложенное правильно».

Говорят, что текст этого письма был написан штейгером Степаном Фомичом. Кое-кто утверждает, что губернатор будто бы дал указание об отстранении Бобровского от должности полицейского урядника. Возможно, что-то было, но только Бобровский еще в течение нескольких лет бесчинствовал в Караганде.

Вдали от шахт, на косогоре один за другим выросли три дома — два саманных и один кирпичный. Кирпичный дом занял Джим Герберт, в саманном поселились Харбетль, начальник конторы Моргтош, урядник и маркшейдер.

Герберт увлекался охотой. Рабочие из своих землянок, расположенных в низине, часто видели на зорьке, как вдали, на бугре, на сером фоне предутреннего неба возникали два силуэта всадников. Это Джим и его жена Марианна выезжали на охоту. Один раз в неделю Герберт обязательно появлялся на шахтах. Одев рабочий костюм, неизменный пробковый шлем, красные краги и захватив с собой стек, он спускался в забой, чтобы проверить, все ли шахтеры трудятся в поте лица. И всякий раз находил Герберт применение своему стеку.

* * *

Бекбусын Сихимбаев, Кумис Медиев и сын старого плотника Кузембая—Тусуп работали в забое артельщика Сагындыкова. Должность артельщика — это тоже творчество Герберта. Чтобы уйти от непосредственной ответ-

ственности за хищнические разработки угольного месторождения, за человеческие жертвы, вызванные отсутствием элементарной охраны труда, администрация копей сдавала шахты в аренду подрядчикам, а те, в свою очередь, продавали на определенное время забой артельщикам. Получалось, что углекопов нанимала на работу не компания и даже не подрядчики, а маленький хозяйчики-артельщики. Конечно, пока деньги за добытый уголь проходили через руки подрядчиков и десятков артельщиков, их становилось наполовину меньше. Шахтеры имели дело с подрядчиками и артельщиками, и это несколько маскировало подлинных хозяев.

Но полностью отдавать наоткуп копи подрядчикам Герберт не собирался: требовалось неусыпное хозяйское око. Иначе горные выработки разрушатся, выйдут из строя, и тогда для их восстановления понадобятся значительные капитальные вложения. Именно это обстоятельство и заставляло Джима еженедельно лично проверять техническое состояние ствола, штреков, забоев.

И вот в конце рабочего дня человек в крагах направляется по штреку в забой артельщика Сагындыкова. Бекбусын с двумя напарниками — Бирдыкеновым и Койшигуловым — рубит уголь, а другие два члена артели — Кумис Медиев и Тусуп Кузембаев — оттаскивают его на санках к стволу. Трудно, мучительно трудно

ползать двенадцать часов на четвереньках в сырой, низкой и темной выработке, запряженным в тяжелые санки. От усталости кружится голова, ноют плечи от проклятой лямки, нестерпимо ломит в суставах от сырости...

Тусуп напрягается изо всех сил, ему кажется, что вот-вот жилы лопнут. А санки, плотно увязая в липком месиве грязи, ползут по штреку медленно-медленно. Хочется хоть немного распрямиться, разогнуть ноющую спину. Тусуп поднимает голову — перед глазами вспыхивает сноп ослепительных искр. В голове острая боль. Ах, он опять забыл, что поднимать голову в низкой выработке нельзя: ушибешься. Но что впереди мелькает за светлячок?

— Кумис,— поворачивается он к Медиеву, который тащит позади вторые санки,— ты видишь огонек впереди?

— Кто-то идет,— вздыхает в ответ саночник.

В густом мраке штрека пахнет сыростью и удушливой гнилью, а колеблющийся впереди светлячок все растет и растет. И вдруг Тусуп ощущает перед лицом лампу. Он поднимает глаза и видит злое пергаментное лицо Герберта, слышит его резкий, лающий голос:

— Почему недогружены санки?

Тоненько взвизгивает стек. Загорается мокрая спина, будто чем-то острым полоснули ее от шеи до самой поясницы. Потом Тусуп почувствовал тупой удар в затылок, и боль на спине исчезла, растаяла, расплылась. Последнее, что успело запечатлеть меркнувшее сознание Тусупа, был отчаянный прыжок Медиева навстречу Герберту.

— Не тронь, сволочь, парня! — иступленно закричал Кумис, заслоняя Тусупа своим телом.

— Ах, вот ты где мне попался! Я помню тебя! — взревел англичанин...

ЛОКАУТ

Обступив со всех сторон ствол шахты «Карно», хмурые углекопы молчаливо, как на похоронах, переминались с ноги на ногу. Лица у всех строгие, сосредото-

ченные, взгляд устремлен вниз. Говорили тихо, короткими отрывистыми фразами.

— А может, они еще живы?

— Где там живы!

— Три дня не емши, не пимши в шахте пролежать— здоровый не выдержит.

— Но им же, говорят, Бекбусын передавал...

— Передавал, да не ели они.

— Где уж там есть, коли избиты до полусмерти!

— От сырости одной сдохнешь.

— Да еще воздух там какой!

К толпе подскакали три всадника. Круто осадив взмысленных лошадей, они спешили и, звеня шпорами, торопливо проталкивались к стволу. Это урядник Бобровский с двумя полицейскими.

— Назад! Подайся на-за-ад!— громко скомандовал урядник, толкая подступивших к зияющему четырехугольнику ствола рабочих.

Серая плотная толпа, одетая в грязные лохмотья, всколыхнувшись, молчаливо отступила. Вдруг тишину прорезал отчаянный вопль:

— Мой Ку-у-ми-и-ис! Он мертв!

Пожилая женщина в черном чапане (это была жена саночника), сорвав со своей головы платок, бросилась к стволу, откуда Степан Фомич и Бекбусын бережно выносили безжизненное тело Медиева.

Люди молча сняли шапки.

Полицейские схватили рыдающую женщину за руки.

— Назад, скоты! — ревел Бобровский, толкая в грудь старика Кузембая.

Но углекопы, не повинуясь окрику урядника, единым порывом подались вперед.

Уложив тело Медиева на носилки, Степан Фомич и Бекбусын снова исчезли в темной норе шахты.

Когда подняли Тусупа, опять послышалось рыдание. Старуха-мать вытерла платком запекшуюся на лбу сына кровь. Старый Кузембай, сжав челюсти, молчал.

Порывистый мартовский ветер морозной водной обдал бескровное, густо запорошенное угольной пылью лицо Тусупа. Юноша открыл глаза, окинул изумленным взглядом окруживших его людей.

— Он жив!—разнесся шепот.

— А где Кумис? — морщась от боли, слабым голосом спросил Тусуп.

В ответ из толпы донеслось тихое всхлипывание.

* * *

В этот день ни один углекоп не спустился в шахту «Карно». Зверская расправа Герберта над Кумисом Медиевым и его другом девятнадцатилетним Тусупом Кузембаевым возмутила не только горняков, но и железнодорожников узкоколейки Караганда — Спасск, возчиков, медеплавильщиков.

Седой кузнец Григорий Яковлевич Парфенов, сняв обгорелый кожаный фартук, сказал своему молотобойцу:

— Айда, парень, закрывай кузницу. Нехай этот долговязый англичанин, сукин он сын, подавится своими окровавленными барышами.

Пролетарская Караганда оделась в траур, снова запротестовала. Многие горняки открыто высказывали мысль, что бастовать мало, нужно перебить всех этих гербертов, вильмеров, харбетлей, мортонных, дроздовских, бобровских и прочих палачей.

— Этих убьешь, на их место еще пришлют, — возражали другие. — За них ведь сам царь стоит.

— Ну что ж, тогда сидеть сложа руки, ожидать, пока Герберт поодиночке нашего брата до смерти засечет. Так что ли?

— Сидеть нельзя. Бороться надо.

Горняки боролись, выступали единым фронтом против эксплуататоров и их прихвостней.

Но Герберт, Вильмер и Харбетль упрямо проводили в жизнь свои планы. Поскольку зверские издевательства и даже убийства рабочих проходили для них безнаказанно, концессионеры нагнали до крайности. В ответ на стачку рабочих они объявили локаут.

«Правление акционерного общества Спасских медных руд извещает, — говорилось в расклеенных объявлениях, — что с первого сего февраля 1909 года будет дан окончательный расчет всем углекопам, за исключением отдельных... Будет также сокращено число рабочих на заводе и узкоколейке...»

Этим актом Герберт намеревался сломить революционный дух горняков, подавить их волю к борьбе. При

этом объявление о предстоящем локауте было неслучайно сделано заранее. Делая вызов всем рабочим карагандинских копей, хозяева фирмы испытывали горняков, как они будут реагировать на столь решительный шаг администрации. Вильмер и Герберт были уверены, что шахтеры испугаются локаута и смирятся со своим положением.

— Куда они денутся? — потирая лысину, улыбался Вильмер. — Потерять работу — значит потерять кусок хлеба, умереть с голоду. Нет, наше решение быстро отрезвит, остудит их горячие головы!

Но Герберт и Вильмер просчитались. Объявление локаута оказалось факелом, поднесенным к бочке с порохом. Оно вызвало новый сильнейший взрыв негодования, превратившегося в могучий пожар невиданной доселе в Караганде по широте размаха забастовки.

Англичане забили тревогу. Они боялись, что пламя пожара быстро перебросится на Спасский завод, откуда также намечалось увольнение большого числа революционно настроенных рабочих.

Местные полицейские силы оказались не в состоянии справиться с возмущением горняков, Герберт призвал на помощь управителя Керек-Актаевской волости Татиева, внука Иглика Утепова, того самого Утепова, который в 1856 году продал урочище Караганды Петропавловскому купцу Ушакову. Татиев прибыл в Караганду во главе большого конного отряда, сформированного в основном из байских сынков. Несколько позже явился второй отряд под предводительством управителя Нельдинской волости.

Пристав Спасского завода докладывал в горный округ: «Мною были организованы отряды из надежных киргиз, тем не менее, в случае крупных беспорядков положиться на них невозможно. Кроме того, волостным управителям было предложено внушать киргизским рабочим не присоединяться к требованиям русских рабочих».

Однако и эти контрмеры оказались слишком слабыми, чтобы затушить все разгоравшееся пламя пожара забастовки. Рабочие-казахи не слушали уговоров волостных правителей, они выступали бок о бок с русскими горняками.

15 апреля в Караганду прибыл уездный начальник с карательным отрядом. Он привел с собой всю уездную полицию, прихватил даже городских.

Началась безжалостная расправа с углекопами и их семьями. Блокировав все бараки и землянки горняков, полицейские выбрасывали из жилищ всех тех, кто считался уволенным с работы.

Лил проливной дождь. После обеда он сменился снегопадом. Выгнанные в холодную пустынную степь люди целыми семьями уныло брели по раскисшей дороге. Еле волоча ноги, с тремя малолетними детьми шла и жена Кумиса Медиева...

* * *

24 апреля Степному генерал-губернатору полетела из Караганды телеграмма:

«Добыча угля приостановлена, рассчитано своевременно... 450 рабочих. Для работ на поверхности копи оставлено только 55 человек... Инженер горного округа А. Сборовский».

Этот день был одним из самых тяжелых в жизни Бекбусына Сихимбаева: он расставался со своим приемным отцом и лучшим другом Степаном Фомичом. Штейгеру и трем другим руководителям забастовки полицейский пристав надел железные наручники, как особо опасным политическим преступникам.

— Ну, прощай, Беке! — сказал Степан Фомич.

Бекбусын замер от неожиданного горя. Спазма сдавила ему горло. Он так привык к этому человеку, что не мог представить себе, как будет жить без него.

— Возвращайтесь быстрее,— еле выговорил, наконец, Сихимбаев.— Мы будем ждать вас.

— Старую собаку приучить к цепи трудно! — штейгер улыбнулся своей светлой улыбкой. Потом глубоко вздохнул и добавил: — Люди умирают, чтоб человечество жило. Прощайте, дорогие друзья!

Пара добрых лошадей, запряженная в бричку, вскоре скрылась за серой дождевой стеной. Бекбусын, плотник Кузембай, кузнец Григорий Яковлевич Парфенов с сыном Ильей, забойщик Серикпай Кийсыков и еще многие высыпавшие на улицу карагандинцы долго стояли под дождем, с грустью глядя в ту сторону, куда полицейские увезли их незабвенного друга и защитника.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Любопытное событие произошло в ночь со второго на третье января 1908 года в Акмолинске. В большом зале общественного собрания, служившего клубом для высшего общества, истощно ревел духовой оркестр, звенели бокалы, в вихре танцев кружились разряженные пары. Новогодний маскарад, созданный самим уездным начальником Нехорошковым, был в полном разгаре, как вдруг распахнулась парадная дверь и в шумный зал вошел под тяжелой ношей пожилой крестьянин. Среди элегантных чиновников, важных купцов и прочей аристократической знати уездного города фигура крестьянина в драном зипуне и лаптях вызвала смятение.

Многие вальсировавшие пары внезапно остановились и с ужасом смотрели на таинственного пришельца с железными кандалами на руках и огромной вязанкой дров.

Крестьянин звучно потопал у порога лаптями, сбивая прилипшие к ним комья снега, и, не смущаясь окруживших его аристократов, смело шагнул в середину зала. Когда умолкнувший на минуту уездный свет заметил на лице мужика маску, стало каждому ясно, что это один из участников маскарада. Еще за два дня до маскарада правление старшин клуба объявило, что лучшие костюмы будут отмечены премиями, и вот теперь этот крестьянин мгновенно стал в центре всеобщего внимания. Старый изодранный зипун его был со всех сторон увешан лоскутками белой бумаги с надписями, сделанными разноцветными карандашами. На шляпе стоял большой вопросительный знак, а по его сторонам четким почерком были выведены слова: «Давно стою на очереди, все еще неразрешенный». На лоскутке, приклеенном к спине было написано: «Давно говорят, что я соль, я центр земли, а у меня все нет ни соли, ни земли».

Покручивая пышные усы, к маске торопливо подошел пристав Соколов. Едва пробежав глазами несколько надписей, он судорожно задергал усами.

— Предлагаю немедленно покинуть маскарад! Маска выразила протест:

— Ведь это же, извольте знать, маскарад все-таки, а не демонстрация!

Протест поддержали начальник девятого переселен-

ческого подрайона Бларамберг, начальник городской почтово-телеграфной конторы Хныкин и некоторые другие чиновники. Соколов поспешно удалился к Нехорошкову за указаниями.

Тем временем поднявшийся на подмостки дежурный старшина клуба, местный купец Носов объявил:

— По большинству собранных контрамарок совет старшин присудил первую премию маске «Крестьянский вопрос».

Раздались аплодисменты.

На следующий день уже весь город толковал об этой смелой маске.

5 января на квартире у Павла Арсеньевича Голубева, конторщика сельскохозяйственного склада Переселенческого управления, был произведен полицейскими тщательный обыск. Хотя ничего подозрительного обнаружено не было, тем не менее «Павел Арсеньевич Голубев, бывший волостной писарь, крестьянин Тверской губернии, Весьенского уезда, Поповской волости, деревни Вахтиц... на основании 21-й статьи положения об усиленной охране...» от работы на сельскохозяйственном складе отстранялся. За ослабление бдительности заведующий складом Переселенческого управления понижался в должности...

Затейный по инициативе надворного советника Нехорошкова маскарад закончился к полуночи 4 января 1908 года. Завоевавший на маскараде первую премию костюм конторщика Павла Голубева был изъят полицейей и приобщен к делу о маске «Крестьянский вопрос». Меры по этому курьезному делу были приняты незамедлительно. Но сам крестьянский вопрос продолжал стоять на очереди неразрешенным. Он был на глазах царской России подобно бельму. Это бельмо попытался снять доморощенный врач Столыпин. Прикрыв больничным халатом свой полицейский мундир, новоявленный эскулап ослушал со всех сторон больную матушку-Русь и, состроив глубокомысленную рожу, выписал ей рецепт. Он, этот рецепт, известен в истории болезни России в период столыпинской реакции под именем земельного закона, или столыпинской реформы. Сущность ее состояла в том, что каждому крестьянину разрешалось получить свой надел в собственность и выделиться из общины на хутор и отруб.

Путем насильственного разрушения крестьянской общины царское правительство хотело расширить социальную базу третьеиюньской монархии, создать себе в деревне прочную опору в лице кулака и тем самым устранить условия, подготовившие буржуазно-демократическую революцию. Это была еще одна попытка прогнившего царского режима направить развитие капитализма в сельском хозяйстве по так называемому «прусскому пути», по пути медленного, мучительного для народных масс развития капитализма при сохранении помещичьего землевладения и власти крепостников-помещиков.

С конца 1906 по 1915 год из общин вышло свыше двух миллионов крестьянских хозяйств. Бедняки и середняки быстро попадали в зависимость от кулаков, за бесценок продавали им свои наделы и окончательно разорялись. Росло число кулацких хозяйств в деревне, но еще быстрее увеличивалось количество разорившихся, обезземеленных крестьян. Что с ними делать? Куда их девать?

Столыпин нашел выход. Он предложил организовать массовое переселение крестьян из центральных областей на «свободные земли» Сибири и Казахстана. По его мнению, такая мера должна была если не решить, то, по крайней мере, ослабить остроту злополучного крестьянского вопроса.

И вот по бескрайним пустынным дорогам Казахстана потянулись переселенцы. С конца 1906 по 1912 год только в четыре области — Акмолинскую, Тургайскую, Семипалатинскую и Уральскую — переселилось более 433 тысяч хозяйств. У казахского населения за это время было отмежевано 17 миллионов десятин земли.

Нелегкой была судьба переселенцев. Оторванные от своих родных мест, гонимые нуждой люди, подобно осенним жухлым листьям, летели по чужим неведомым краям. Сколько было растоптано этих листьев тяжелой безжалостной судьбой! Сколько затерялось их в безбрежном океане пустыни! Один кусочек жизни того периода художник С. Иванов изобразил на известной картине «Смерть переселенца». Под мутным, раскаленным добела небом простерлась выжженная зноем, курящаяся вдали зыбким маревом степь. У дороги, беспомощно подняв оглобли, замерла бричка. У брички лежит человек. Лицо его прикрыто белым рушником, руки

мирно покоятся на животе. На них положена икона. У ног покойного в отчаянии рыдает женщина. Рядом сидит маленькая девочка. Она смотрит на мертвого отца непонимающими глазенками, и ей, видимо, не верится, что еще час тому назад он разговаривал с ней. А кругом степь, знойная, пустынная, голодная, чужая...

В 1907 году такую степь — от Петропавловска до Караганды — пересекли сотни крестьянских семей из Киевщины, Екатеринославщины, Таврии, Могилевщины. Многие крестьяне, побродив по незнакомым местам и безнадежно махнув рукой, возвращались обратно. Другие оседали на переселенческих участках, упрямо обживали неудобные урочища Сары-Арки.

Так летом 1907 года над маленькой речушкой Букпой, в восьми километрах от Караганды, появились первые приземистые плоскокрышие строения из самана и дерна. Получив в Переселенческом управлении крошечные ссуды на обзаведение, здесь обосновались потомственные хлеборобы из Киевщины — Грабовские, Пашкевичи, Шестеринские. Вслед за ними прибыли екатеринославцы Девяткины — Мусий и Петре. Хлебопашцы быстро породнились и обстраивались совместно. Кто умел плотничать, помогал соседям вязать рамы, сколачивать двери. Нашлись свои печники. По вечерам новоселы этого участка, кем-то нареченного Куропаткинским, вооружившись лопатами, выходили за околицу. Здесь, через чащеобразную ложину, протекала Букпа. Куропаткинцы преградили ей земляной перемычкой путь, и в ложине образовалось озеро. Почти совсем как на Украине. Не хватало только деревьев. Осенью кто-то привез из Акмолинска первые саженцы тополей. Они были бережно рассажены на границах усадеб, поближе к колодцам. Весной 1908 года тоненькие былинки тополей уже трепетали нежным глянцем листы у каждой хаты. Куропаткинский участок стал настоящим селом.

Неподражаемый оптимист Мусий Девяткин, обнося свою усадьбу глубокой канавой, как-то пошутил:

— А шо ж, хлопцы, правду я кажу, побачте, яка гарна получилась деревня! Ну точь-в-точь, як наша Больша Михайловка на Екатеринославщине!

— Михайловка может быть и Михайловка,— вступил в разговор столяр Василь Грабовский, приехавший

из Киевщины,— да тильки, хиба ж вона большая, колы всего сорок дви хаты?

— Зараз сорок дви, а завтра сто сорок дви будэ,— не унимался Мусий.— Ни, Васыль, як ни кажи, а окрестить нашу деревню Большой Михайловкой треба: на душе трошки теплей будэ.

С тех пор с легкой руки Мусия Девяткина так селу и привилось имя — Большая Михайловка.

В северной части Караганды, под самым ее боком, в том же году возникло второе переселенческое село — Старая Тихоновка, в восточной, километрах в восьми,— Зеленая Балка.

Приток переселенцев все усиливался. Когда прибыли тавричане и могилевцы — Архип Миденко с сыновьями Иваном и Тарасом, Гавриил Крупский с Осипом и Федосом, Лаврентий Казанников, Иван Тимошенко, Трифон Молчанов, Шаповаловы, Скларовы, Чарненковы, Медведевы, Жариковы,— лучшие земли вокруг Караганды были уже захвачены. Пришлось податься глубже в степь. Так, на тракте, идущем от копей в Каркаралы, в тридцати пяти километрах северо-восточнее Караганды, между Кокпектой и Нурой, забелело хатами село Миньковка.

Обильным потом оросили, горьковатой солью слез удобрили русские хлебопашцы древнюю целинную землю Сары-Арки, прежде чем на ее груди появились узкие полоски пашни. Только тот, кто пробовал бороздить вековую дернину степи деревянной сохой, кто видел надрывающихся в бессилии и падавших в изнеможении запряженных в соху лошадей и быков, кто сам, согнувшись крюком над сохой, всем дрожащим от немощи телом своим пытался удержать ее в борозде,— может понять, каких мучительных болей стоила каждая полоска распашанной земли. Соха глубоко не берет — пашня урожая не дает. К богу вынуждены были обращать свой умоляющий взор мужики: бог, мол, не даст, и земля не родит. Даст бог дождь — уродится и рожь. Но бог часто не замечал страданий пахарей, и они, чтобы не умереть с голоду, уходили на зиму на заработки в угольные копи Караганды и на Спасский завод.

Вульмер, Герберт, Харбетль, ощутив все возрастающий приток даровой рабочей силы, потирали руки — того, кто здоровей, можно взять, но только пусть он не

сетует на низкую плату: компания не навязывает ему работу.

Шумно, многолюдно стало в Караганде. Переселенцы целыми днями осаждали контору смотрителя Ксаверия Ксаверьевича Дроздовского.

— Кудашошь пойдеш работаш, што хошь сделаш, толькo устрой ради Христа.

Лаврентий Казанников и Гавриил Крупский сложили Герберту из красного кирпича добротный особняк — единственный кирпичный дом в Караганде. Четыре месяца трудились они, отдыхая лишь короткими урывками. А когда пришли за расчетом, им выдали на руки по сорок восемь рублей. Ну что ж, и за это спасибо, и тех негде взять.

— Меня все время тихоновские каменщики донимали: дай; им подряд и баста,— пояснял миньковцам при расчете смотритель.— Но я взял вас, вижу вы люди спокойные, деловые...

Так с тех пор и повелось в Караганде: производя очередное снижение зарплаты, администрация копеш тихоновским рабочим говорила, что виноваты в этом, дескать, михайловцы, а михайловцам — тихоновцы. Коренных же карагандинцев конторщики убеждали, что если бы на шахты не лезли тихоновские и Михайловские мужики, все было бы как надо.

Ветром море колышет, молвою — народ. Все чаще вспыхивали, разгорались до поразительных размеров кровавые кулачные бои между жителями Тихоновки и Большой Михайловки, между сельчанами и горняками. Мужское население одного села шло kloкочущей стеной на своих собратьев из другого села. Эти чудовищные зрелища исподволь готовились английскими заправилками и, обычно, к праздничным дням. Зрителей было множество, съезжались даже баи из окрестных аулов. Англичане приходили в праздничной одежде, словно на цирковое представление.

В такие дни раньше обычного распахивались двери кабаков. На пять копеш снижал в своих магазинах стоимость четверти водки Бобровский.

Подогретые спиртом, страсти темных, забитых людей разгорались легко и быстро. Специально нанимавшиеся англичанами для разжигания кулачного азарта люди, расхаживая по кабакам, выкрикивали:

— Тихоновские, не робей, не теряй свою марку!

— А ну, поддай жару, будет на водку!

Сначала в драку вступала раззадоренная молодежь. Потом к ней присоединялись пожилые люди. И даже женщины, собиравшиеся в степи, чтобы вовремя вывести с поля боя своих воинственных мужей и сыновей, незаметно втягивались в азарт мордобоя, ворчливо перекликались между собой:

— А ты не сильно там подолом размахивай!

— Заткнись! Чего вылупилась, как баран на луну!

Когда хмель проходил, азарт битвы затухал. С окровавленными лицами и нередко с перебитыми ребрами люди расходились по домам, одуроченные английскими колонизаторами и местными богатеями.

Так из года в год кулачные бои перемежались с забастовками, и по тому, чем ознаменовывался год — стачкой или мордобоем, — можно было судить, что брало верх — уловки хитрых concessionеров или растущая сознательность пролетариев. Хотя вспышки кулачных боев были довольно частыми, гул забастовок все нарастал, становился мощнее, внушительнее. Обманывать людей становилось все труднее, потому что их умами, начиная с первой русской революции 1905—1907 годов, быстро и безраздельно овладевали идеи большевизма, настойчиво распространявшиеся партийными организациями Омска, Петропавловска, Акмолинска. Посланцы этих организаций под видом торговых людей все чаще навещали Караганду, Спасск, Успенку. Они, как правило, останавливались вдали от поселков, в казахских зимовках. Именно в это время и усиливались волнения рабочих. Администрация поняла свою ошибку. По указанию главноуправляющего Вульмера зимовка казахов, находившаяся в полутора километрах от Спасска, была уничтожена. Рабочих перевели на жительство в общие бараки. Вся территория завода, жилища и служебные помещения были обнесены забором с колючей проволокой. Теперь без специального пропуска никто не мог проникнуть не только к рабочим, но даже к конторщикам и прочим служащим заводоуправления.

В 1910 году контрольный пакет акций акционерного общества «Спасских медных руд» скупил Лондонский банк Эрлих. В это же время Спасские предприятия объединились с Атбасарским акционерным обществом, куда

входили Джекказганский рудник, Карсакапайский завод и Байконурские копи. Это был четвертый хозяин Сары-Аркинских промыслов за первое десятилетие XX века. Новое правление мощной объединенной фирмы с основным капиталом в 15 миллионов рублей произвело некоторую замену высокопоставленных служащих. В частности, вместо Вульмера на пост директора Спасского завода был прислан из Лондона не менее опытный, чем его предшественник, делец и плут Хорелей. Джим Герберт, уверовавший в явную доходность дела, не захотел сбывать свои акции. Он оставался в Караганде на правах акционера. Но прежнего веса и авторитета он уже не имел и поэтому не мог оказывать сколько-нибудь серьезного влияния на дела новой разбухшей фирмы.

«Жердь в крагах» был теперь пуше прежнего хмур, раздражителен, пергаментное лицо его, казалось, совсем высохло.

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Локаут, объявленный в апреле 1909 года, лишь на короткое время прервал работу каменноугольных копей Караганды. Бурный приток переселенцев из центральных областей России позволил администраторам акционерного общества без особого труда заново укомплектовать промыслы рабочей силой. В 1910 году в горняцком коллективе карагандинских шахт уже насчитывалось 394 рабочих (всего на 156 человек меньше, чем до локаута), а в 1911 году — 414. На Спасском заводе к этому времени было занято 550 человек — на 40 рабочих больше, чем до локаута. Некоторый производственный застой, наблюдавшийся в 1909 году, сменился оживлением. Так, на Спасском заводе в 1910 году было выплавлено 155 321 пуд меди, в 1911 году — 195 299 пудов, а в 1913 году лишь за девять месяцев — 163 228 пудов.

Заметно росла и добыча угля, но рост этот не был обусловлен ни вводом в эксплуатацию новых мощностей, ни увеличением числа шахтеров, ни улучшением технического оснащения копей, а исключительно усилением

эксплуатации горняков, удлинением рабочего дня. Вполне понятно, что поскольку на-гора стало больше выдаваться угля, а число горняков и их заработная плата оставались на прежнем уровне, себестоимость топлива заметно снизилась. Соответственно возросли и без того баснословные прибыли английских концессионеров. Это хорошо видно из следующих фактов: в июне 1912 года в Караганде было добыто 17 тысяч пудов угля по цене 14 копеек за пуд, в июле — 25 тысяч пудов по цене 9 копеек, а в августе — 43 тысячи пудов по цене 8,3 копейки.

20 сентября 1912 года в конторе Мортоня появилось объявление. В нем говорилось:

«С сего числа администрация прекращает бесплатную выдачу осветительных материалов и взрывчатых веществ артельщикам. А по сему последним надлежит составить необходимые наряды на потребное количество указанных материалов на каждый забой с раскладкой на всех рабочих для последующего вычета с них стоимости материалов...»

Через неделю хозяева предприняли новое наступление на горняков, объявив, что с первого октября подрядные работы в шахтах заменяются поденными, причем устанавливается плата подземным рабочим 1 рубль 20 копеек в день. Это «нововведение» означало, что предприниматели фактически отказывались от постоянных рабочих и, имея огромную резервную армию труда, полагались на поденщиков. Не хочешь работать — уходи, твое место в забое займет другой. Ему устанавливается дневная норма. Выполнит эту норму — получит 1 рубль 20 копеек. (Конечно, норма устанавливалась такая, что для выполнения ее не хватало и двенадцати часов. Кроме того, взрывчатые и осветительные материалы рабочие должны были покупать за свои деньги.

2 октября утром у конторы собрались возмущенные произволом англичан углекопы. Они пришли в спецовках с кирками в руках. На крыльцо поднялся большевик Федор Яковлевич Полиенко. Коренастый, широкоплечий, он выделялся среди горняков не только атлетическим телосложением, но и той смелостью, которая характеризует людей, отчетливо видящих перспективы борьбы, твердо верящих в торжество своих идей. Поли-

енко поднял руку, и гудевшая, словно возбужденный улей, толпа сразу умолкла.

— Товарищи! — раздался его ровный твердый голос. — Вот только сейчас мы вели переговоры с администрацией копей, которая своими незаконными действиями снижает нашу зарплату на 20 процентов. Харбетль и Мортон отказались отменить свои бесстыдные распоряжения. Они угрожают нам объявить новый локаут, как в апреле 1909 года.

— Нехай только попробуют!

— Распоясались, черти!

Полиенко снова поднимает над головой свою широкую мозолистую ладонь, и глухой ропот, пробежавший по толпе, тает в прохладной свежести осеннего утра.

— Ничего не делать — очень тяжелое занятие для наших рабочих рук, — продолжал оратор. — Мы не баре, не капиталисты, и мы не привыкли разгуливать, сидеть без работы, без дела. Но другого выхода у нас нет. Надо всем нам отказаться от работы и разойтись по домам. Надо бастовать! Пусть Харбетль и Мортон, а с ними и Дроздовский сами рубят уголь.

На крыльце показалась маленькая тшедушная фигурка Дроздовского. Белые щетинки его усов на худощавом розовом лице торчали на этот раз как-то особенно смешно, дыбом, отчего маленькое заостренное лицо зрителя пуше прежнего напоминало мордочку кролика.

— Господа, вы зря волнуетесь, — со старческой хрипотцой в голосе провизжал Ксаверий Ксаверьевич, но, окинув взглядом настороженно насупившуюся серую толпу, он вдруг вздрогнул и с минуту стоял на крыльце молча, видимо, не находя подходящих слов, могущих укротить разгоревшуюся ярость углекопов.

— Да, зря волнуетесь, истинный Христос, зря, — повторил он неуверенно. — Все сделано, как надо, ваши интересы учтены, да...

Толпа, как замороженная, молчала. Наконец, откуда-то раздался зычный голос:

— Себе шукаешь прибыли, а нам желаешь гибели — так выходит?

— И еще зубы заговаривает!

— Вот вам крест, истинную правду говорю. — Дроздовский набожно вскинул очи к небу, положил три

перста на лоб, на грудь, потом на правое плечо, на левое.

— Которая рука крест кладет, та и нож точит! — послышалось из толпы, снова загудевшей, но еще не решившейся к конкретным действиям.

Полиенко, нетерпеливо следивший за рабочими, видел эту их нерешительность. Он даже слышал сквозь многоголосый шум, как кто-то робко крикнул: «А что, если опять хозяева выгонят меня из землянки? Что я буду делать с кучей детишек, на зиму глядя?» Как только толпа, возмущенная набожными уговорами Ксаверия Ксаверьевича, начала выкрикивать в адрес зрителя проклятия, Полиенко широким жестом отстранил Дроздовского и во всю мощь своего голоса прокричал:

— Так что ж, братцы, будем делать, а? Может, добровольно подставим свои шеи, чтоб на них капиталисты понадевали петли?

К крыльцу пробрался сын старого кузнеца Григория Яковлевича Парфенова Илья. Он с 1899 года работал на шахте «Васильевская» и как человек, постигший тонкости горного искусства, в июне 1912 года был назначен десятником. Горняки любили Илью Григорьевича за «отцовский» характер — прямоту, резкость и умение высоко держать гордую неподкупную честь рабочего.

Заметив пробирающегося к крыльцу Илью Парфенова, Полиенко крикнул:

— Илья Григорьевич хочет сказать слово.

Все мгновенно утихло, желая выслушать Парфенова-младшего.

— Мое слово короткое, — тихо произнес Илья. — Хоть я вот уже четыре месяца не являюсь рабочим, но душа у меня всегда была и будет рабочей. Нечего нам самим в петлю головы совать, надо рвать эти петли к чертовой бабушке. Я присоединяюсь к предложению Федора Яковлевича — бастовать!

Толпа вздрогнула, закричала:

— Пр-а-а-вильно!

— Верно, сказал Илья!

— Бастова-а-ать!

Испуганный Дроздовский незаметно юркнул в дверь конторы.

— Зовите хозяев сюда, поговорим!

— Хозяев! Хозяев!

Полиенко пошарил в толпе быстрым взглядом и выкрикнул несколько фамилий.

— Бекбусын Сихимбаев, Тусуп Кузембаев, Иван Шестаков,— прошу ко мне! Пойдем на переговоры.

Харбетль отказался удовлетворить требования углекопов. В этот день ни один рабочий не спустился в шахту. Даже старик Григорий Яковлевич Парфенов закрыл на замок кузницу.

— Ну, шо ж, трошки отдохнем,— улыбаясь в усы, сказал он своему молотобойцу.

Семь дней бездействовали шахты. Семь дней, нахотившись как петух, позвякивал шпорами у горняцких землянок пристав Бобровский с двумя полицейскими. Пройдет — грудь колесом, а на рожон не лезет, боится: не те времена! Англичане тоже боялись прибегнуть к насилию. Слишком часто приходилось им обращаться к уездному начальнику за вооруженной помощью. Как ни лавировали мистеры Хорелей, Герберт и Харбетль, какими уловками они ни пытались сломить единство стачечников, но им все же приходилось пойти на некоторые уступки. 8 октября пополудни они заключили с рабочими временное соглашение, по которому прежняя норма оплаты труда в основном сохранялась.

В 1913 году на Карагандинских копиях было добыто 72 тысячи тонн угля — это самая высокая добыча за все 57 лет дореволюционного существования бассейна. Если сравнить ее с показателями 1899 года, когда нагора было выдано 5 тысяч тонн угля, или даже с 1906 годом, когда Караганда дала также для тех лет рекордное количество — 31 тысячу тонн топлива, то добыча 1913 года действительно была крупным скачком. Хозяин акционерного общества «Спасские медные руды» английский банкир Эрлих, получив отчет из Караганды, хвастал успехами своих казахстанских предприятий. Зато те, кто трудился на этих предприятиях, проклинали капиталиста Эрлиха и всех его подручных.

В августе 1914 года многие горняки Караганды были мобилизованы в действующую царскую армию. В первую очередь, конечно, были сплавлены на фронт наиболее «неблагонадежные» — Иван Захарович Шестаков, Илья Григорьевич Парфенов и им подобные. Долго

разыскивал Бобровский Федора Яковлевича Полиенко. Он заходил в барак несколько раз даже ночью, надеясь схватить его. Уж очень сильно насолил первый коммунист Караганды местным властям! Но Полиенко, преследуемый полицией после очередной забастовки, бесследно исчез. Он появился в Караганде лишь весной 1917 года, два месяца спустя после Февральской буржуазно-демократической революции.

Что же происходило в урочище «Ит-Жон» накануне революционных потрясений? Прежде всего в четырнадцатом, пятнадцатом и шестнадцатом годах добыча угля сократилась. Средний дневной заработок горняка снизился с 1 рубля 12 копеек в 1914 году до 94 копеек в 1916 году, а цены на товары, прежде всего на продукты питания, значительно возросли. Мясо подорожало в два раза, мука — на 65, сало — на 60, сахар — на 54 процента, чай — более чем в два раза. Даже спички и те стали продаваться по 4 копейки за коробок — в четыре раза дороже обычной стоимости. За фунт мыла вместо 10 копеек стали брать 30 копеек. Магазины английских концессионеров стали и настоящими коммерческими предприятиями. За один только 1916 год они принесли хозяевам 60 тысяч рублей чистого дохода.

Цена на медь в связи с войной поднялась с тринадцати рублей за пуд до тридцати трех при себестоимости от семи до девяти рублей за пуд. 25—26 рублей барыша получали английские капиталисты на каждом пуде выплавленной меди. Такие баснословные прибыли вряд ли могли они получить в самых отсталых своих колониях! Но, как говорят, собака сколько ни хватает, а сыта не бывает. Даже те жалкие гроши, которые начислялись рабочим после всякого рода штрафов, выдавались не деньгами, а бонами, по которым можно было покупать товары только в местных лавках, принадлежащих все тем же англичанам.

Нищета рабочих дошла до такой степени, что многие люди опухали от голода. Резко возросло число больных. По официальным данным, в 1903 году из 1015 рабочих, занятых на Спасском заводе, Карагандинских копиях и Успенском руднике, было зарегистрировано 2958 амбулаторных больных и 15 стационарных. Эта сама по себе жуткая цифра кажется совсем мизерной перед тем повальным заболеванием рабочих и

членов их семей, которое началось весной 1916 года. Не было такого дня, чтобы в Караганде кого-нибудь не хоронили. Одни умирали, истощенные голодом, другие — от болезни, третьи — от очередной катастрофы в шахтах. Живые завидовали мертвым. Проработав несколько лет в грязной, вонючей яме, без света и свежего воздуха, шахтер становился полным инвалидом.

Моральное состояние горняков напоминало бочку с порохом. Малейшая искра — и бочка взорвется. Такой искрой явился царский указ от 25 июня 1916 года о мобилизации в армию на тыловые работы казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркменов, дунган и уйгуров. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 18 до 43 лет.

В Караганде этот указ был обнародован 28 июня волостным управителем Татиевым. Тут же, в конторе управления копей, Гатиев совместно с администрацией приступил к составлению списка лиц, подлежащих мобилизации. По логике вещей горняков и металлургов нечего было мобилизовать на какие-то тыловые работы, поскольку Спасский медеплавильный завод, Успенский рудник и Карагандинские копи сами по себе имели первостепенное значение. Однако предприниматели, воспользовавшись указом царя, не прочь были избавиться от революционно настроенных рабочих. На их же место имелось в виду принять более покорных забитых людей из глухих отдаленных аулов.

В Караганде к этому времени насчитывалось 830 рабочих — 719 казахов и 111 русских. Это был самый многочисленный пролетарский отряд Центрального Казахстана, в три с половиной раза превосходивший по величине коллектив Покровских копей, в два раза — Воскресенских и в четыре раза — Байконурских.

Вместе с другими в список «мобилизованных» попали Бекбусын Сихимбаев и его младший брат Билеген. Бекбусыну шел сорок седьмой год, а Билегену — сорок четвертый. Их возраст не подлежал мобилизации. Бекбусын, явившись к волостному управителю, запротестовал:

— На каком основании меня и моего брата занесли в список?

Приземистый, полнолицый, с крупными бараньими глазами навывкате, волостной управитель, как две капли

воды, походил на своего отца Татия Игликова. Выслушав возражения Бекбусына, он в снисходительной улыбке очерил свои пожелтевшие зубы:

— А откуда известно, что ты родился в 1870 году? Все аксакалы нашего аула могут подтвердить.

— Ах, вон как! Аксакалы... Мы не можем полагаться только на то, что выдумают аксакалы. Кроме того, у нас нет для этого времени. В Акмолинской области предстоит мобилизовать в армию 48 тысяч казахов. Вот тебе и аксакалы! — насмешливо закончил Татиев.

Вечером того же дня Бекбусын с братом Билегеном покинули Караганду. Они отправились к берегам Талды, в аул, где протекло их босоное, полное горестных воспоминаний детство. Примеру Бекбусына последовали Тусуп Кузембаев и многие другие горняки. Оставив копи, они ушли в степь.

Рабочий коллектив быстро редел. Шахты начали работать с перебоями. Директор Спасского завода Хорелей решил перебросить в Караганду часть рудокопов с Успенского рудника. Когда такое распоряжение поступило в Успенку, тамошняя администрация постаралась в первую очередь избавиться от самых непокорных людей, которые на протяжении многих лет возглавляли забастовочное движение на руднике. Список этих «смутьянов» составлял известный конторщик Мардарий Андронович Ивченко, пользовавшийся к этому времени безраздельным доверием англичан и пробившийся, благодаря этому, в бухгалтеры. Первым в списке для отправки в Караганду Мардарий Ивченко поставил вожака успенских горняков, старого большевика Прокопия Жуковского, человека, в характере которого воплотились лучшие черты революционных предшественников 1905 года: глубокая проницательность и выдержка Петра Топорнина, организаторский талант Степана Невзорова и воинственная непримиримость к угнетателям Владимира Мартыновского.

Когда Прокопий Жуковский покидал Успенку, провожать его пришли десятки горняков — русских и казахов. Среди провожавших был и Алимжан Байчагиров. На прощанье он крепко пожал руку Жуковскому, и они долго стояли, молчаливые, насупленные, скрепленные теплом дружеских рукопожатий, понимающие

друг друга без слов, по одному еле уловимому биению сердец.

— Может быть тебе, Прокопий, придется встретить Мартылогу, моего старого друга, тогда обязательно передай ему от меня и всех нас привет,— тихо, но проникновенно проговорил Байчагиров.— Пусть приезжает в Успенку в гости...— Он помолчал, потом добавил: — Петра Николаевича Топорнина, о котором я тебе также много рассказывал, увидеть, пожалуй, не удастся: он слишком далеко, на Урале...

Растроганный теплом чувств и неожиданной торжественностью проводов, Прокопий Жуковский обратился к друзьям с прощальным словом. Он сказал, что выгодная лишь для буржуазии империалистическая война взвалила на плечи трудящихся невиданные лишения и страдания. Поэтому надо сплачивать силы, крепить дружбу угнетенных народов, стойко выступать против империалистической войны, за мир, за демократические свободы, за отмену унижительного неравенства казахских трудящихся.

— За это выступает наша рабочая партия большевиков,— сказал он.— Объединяйтесь под знаменем этой партии!

* * *

Весть о Февральской буржуазно-демократической революции в Караганду пришла с опозданием, потому что ее всячески пытались скрыть от рабочих перепуганные английские концессионеры. Но правды не утаишь. Весть о свержении царя в середине марта 1917 года краем уха услышал один рабочий Спасска, которому довелось случайно присутствовать при разговоре полицейского урядника с приставом. И в тот же день вся карагандинская степь, стряхнув с себя тяжелую ношу вековой печали, пела помолодевшим, бодрым голосом:

**Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
Б царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...**

Крутая волна народного гнева, вскипая и пенясь, захлестнула все на своем пути. Окруженные возбужденной массой рабочих дома, где притаились дрожащие от испуга Хорелей, Герберт, Харбетль и их верные слу-

ги — Дроздовский, Бобровский и прочие, буквально затонули в этом море.

— Долой войну! Да здравствует мир и свобода!

— Да здравствует демократическая республика!

— Даешь восьмичасовой рабочий день!

— Требуем немедленного повышения зарплаты! — ревела пробудившаяся, ощутившая прилив исполинских сил толпа, и от этого могучего рева звенели стекла окон.

1 мая 1917 года в Караганде и Спасском состоялись многолюдные демонстрации.

Горняки вместе со своими семьями, гордо подняв головы, пересекли усеянный галькой пыльный косогор и направились к возвышавшимся поодаль трем «англичанским» домам, среди которых еще издали отчетливо выделялся своей подчеркнутой стройностью и интеллигентной опрятностью красный кирпичный дом Джима Герберта, сложенный мозолистыми руками русских переселенцев Лаврентия Казанникова и Гавриила Крупского. Над нестройными колоннами демонстрантов впервые за все время свободно развевалось красное знамя. Его нес Федор Яковлевич Полиенко, объявившийся в Караганде незадолго до Первой. Вслед за Федором Яковлевичем шагали Прокопий Жуковский с сыном Трофимом, приехавшие в прошлом году с ним с Успенского рудника Илья Белакин с женой, Михаил Дедовский, Грязнов, Корчагин...

Чуть прихрамывая на правую ногу, шагал в шеренге демонстрантов одетый в грязную, порыжевшую солдатскую шинель Иван Захарович Шестаков. Он еще в конце 1916 года вернулся с фронта. О чем-то весело с ним переговариваясь, рядом твердо шли Бекбусын с Билегеном и старик Парфенов со своим старшим сыном Ильей. Илья тоже, как и Шестаков, был в шинели, но только в новой, смешно висевшей на узкоплечей фигуре.

Подойдя к площадке, раскинувшейся у кирпичного гербертовского дома, колонна остановилась, ожидая, пока подтянутся остальные горняки, подобно ручьям, стекавшим с окрестных шахт «Васильевская», «Кариб», «Герберт», «Карно»...

Над Карагандой вставало весеннее утро. Уже широко, в полнеба, тихим пламенем горела заря. Над про-

**Ни одному человеку нет дела до меня,
Что я спать ложусь, не раздеваясь...**

буждающейся, чуть тронутой крапинками нежной прозелени степью разливались звонкие трели жаворонков.

Бекбусын смотрел в небо. Далекие воспоминания навевали эти степные птицы. Перед взором горняка возникали смутные, окутанные туманом лица родителей: отца с распоротой щекой, матери, Аппака Байжанова. Где-то, как во сне, раздавались и снова замирали чьи-то далекие-далекие возгласы: «Эй! Догоняй, догоняй!», страшные причитания матери: «Боже мой, убили Сихимбая! Будь ты проклят, собака Алтыназарбай!»

— О чем задумался, Беке?

Бекбусын встряхивает головой, как бы стараясь освободиться от (нахлынувших) воспоминаний. Он видит перед собой доброе лицо Прокопия Жуковского, его седеющие, коротко стриженные усы.

— Детство свое вспомнил,— задумчивым голосом отвечает Бекбусын.— Далекое детство...

— Эх, Беке, Беке, не было у нас с тобой детства настоящего! Да и юности, пожалуй...

Вдруг в толпе чей-то сочный, приятный голос затянул песню:

**Жаворонок, поешь ты, не спускаясь на
землю,
Я хожу по степи до вечера голодный.
Белая палка служит мне конем,
Дни и ночи пасу я стадо овец...**

Мелодичная песня о горестной судьбе байского пастуха звучала скорбно. Люди притихли, внимая певцу. Бекбусын снова взглянул в небо, разыскивая в густой его лазури порхающего жаворонка. А песня звучала все мощнее:

**О жаворонок, поющий жаворонок,
Настанет ли час,
Когда не стану пасти я овец,
О, мой жаворонок?**

— Кто этот прекрасный певец? — тихо спросил Жуковский Бекбусына.

— Это наш Кали, сын Байжана. Он поет песню Кенена Азербоева «Боз торгай», по-русски это означает «Жаворонок».

**...Ночью скот караулю — утра не дождусь,
Днем скот пасу — вечер не приходит.**

— Хорошо поет Кали,— шепотом проговорил Жуковский.— Голос у него прямо-таки настоящий шалаяпинский.

— О жизни поет, о нашей судьбе,— отозвался Бекбусын.— Царя как-будто свергли, а жизнь наша остается все такой же.

— Царя свергли, да капиталисты остались, Бекбусын. Вот и им дадим по шее, тогда начнется новая жизнь.

Умолкла песня о жаворонке. Откуда-то издали, из-за увала, показалась новая колонна демонстрантов, возглавляемая Тусупом Кузембаевым. То шли горняки копи «Герберт». Над ними виляла боевая мелодия песни:

**...И водрузим над земле-юю
Красное знамя труда...**

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Большевики Полиенко и Жуковский, сплотив вокруг себя наиболее активных горняков, вели на копях целеустремленную агитацию, подготавливая рабочих к новым боевым схваткам. После того, как на общем собрании был избран рабочий комитет, Полиенко и Жуковский, явившись от имени этого комитета в главное заводоуправление к Хорелею, предъявили ему требования — повысить заработную плату, установить восьми-часовой рабочий день, отменить установленные для казахов унижительные ограничения...

Выслушав горняков, Хорелей неторопливо закурил, злобно сверкнул белками глаз:

— А не слишком ли много вы требуете, господя?

— Наоборот, мы требуем самое небольшое,— с чувством достоинства заметил Жуковский.

— Мы требуем то, что уже само по себе вытекает из законов демократической республики,— добавил Полиенко.

— О законах давайте лучше помолчим,— вспыхнул директор.

— Это почему же? — поинтересовался Жуковский.

— Известный английский сатирик Свифт говорил, что законы похожи на паутину: в них запутываются мелкие мухи, но их прорывают осы...

— Более крупной и бесстыдной осы, чем русский царь, в России не было,— вставил Жуковский.— Эта оса все время питалась за счет трудовых пчел. Но, как видите, с ней покончено!

— Это намек? — Хорелей надменно скривил тонкие губы.

— Понимайте, как хотите,— улыбнулся Жуковский.— Мы пришли не для того, чтобы угрожать вам, а чтобы от имени всех рабочих потребовать от вас уважать законы Российской демократической республики.

— Хорошо. Мы ваши требования обсудим.

Но шли дни, недели, а Хорелей под разными предлогами медлил с ответом.

В конце мая в Караганду прибыл представитель Омского Совета рабочих депутатов. С его помощью был организован Совдеп, в который вошли передовые рабочие во главе с большевиком Прокопием Жуковским. При Совете были созданы продовольственная и жилищная комиссии, бюро труда и жалоб, а также попечительский комитет для помощи семьям воинов.

Внутри Совета развернулась ожесточенная борьба между большевистски настроенными рабочими с одной стороны и эсеро-меньшевиками — с другой. Коммунистов в Караганде было немного — Жуковский, Полиенко, Шестаков; на Спасском заводе тоже не густо — слесарь Чашин, электромонтер Неумин и еще несколько человек. Все это — кадровые уральские рабочие, принесшие в Казахстан боевые традиции русского революционного движения. Находясь все время в подполье и подвергаясь постоянным преследованиям, большевики, однако, ни на минуту не прекращали работы. Поэтому на своей стороне они имели сотни сочувствующих рабочих, активно выступавших в поддержку большевистских лозунгов.

Меньшевики и эсеры, подобно Мардарию Ивченко, засели главным образом в конторах. Используя поддержку английской администрации, эти соглашатели подкупали наиболее отсталых рабочих и через них рас-

пространяли самую несусветную клевету на большевиков.

Борьба между большевистски настроенными рабочими и соглашательскими элементами особенно сильно обострилась в сентябре, когда развернулась интенсивная подготовка к выборам в учредительное собрание. К этому времени на предприятиях акционерного общества «Спасская медь» уже начала проявлять себя и третья сила — казахские буржуазные националисты. Как известно, они организовали в августе 1917 года свою партию «Алаш» и повели бешеную шовинистическую агитацию против всего русского, пытаясь поссорить казахский народ с русским.. Но эта агитация среди казахских пролетариев Караганды, Спасска и Успенки не имела успеха, она расширилась о гранитную стену братской дружбы русских и казахских рабочих, дружбы, окрепшей и закалившейся в совместной многолетней борьбе против эксплуататоров.

Борьба партии за массы к этому времени увенчалась блестящей победой большевиков. На выборах в Учредительное собрание за кандидатов большевистской партии проголосовало подавляющее большинство рабочих и значительная часть трудового крестьянства. Национально-освободительное движение уже с весны 1917 года вступает в новую фазу непосредственного соединения с революционной борьбой рабочего класса, с подготовкой к социалистической революции.

8 ноября 1917 года громовые раскаты исторического залпа Авроры докатились до Караганды. К этому времени большинство в Совдепе прочно принадлежало большевистски настроенным рабочим. Никогда еще древняя Сары-Арка не видела такого бурного народного ликования, как в этот день. Рабочие, старики, женщины вышли из своих темных землянок на улицу, обнимались, плакали от радости. У шахтных стволов стихийно возникали летучие митинги. Люди повторяли безмерно дорогое сердцу имя — Ленин.

Совдеповцы написали на кумачовом полотнище лозунг: «Вся власть Советам!» Этот лозунг вывесили на здании конторы. Смотритель Дроздовский распорядился снять его. Конторщик Запевал кинулся выполнять распоряжение смотрителя. Тогда разъяренные горняки стащили конторщика с дома и устроили ему «темную»,

а Дроздовского усадили на тачку и под всеобщий хохот и свист отвезли в овраг, образовавшийся от старой заброшенной выработки. Там, в глубоком овраге, куда обычно вывозился всякий мусор и отбросы, рабочие свалили и зрителя. Мусору — свое место.

Свержение власти буржуазии в Петрограде, образование Советского правительства, первые декреты советской власти окрылили горняков Караганды и медеплавильщиков Спасска. Снова прокатился шквал шумных демонстраций и митингов.

В конце ноября кто-то привез на копи потрепанную газету. Это была «Правда». Непервосортная, желтоватая, похожая на оберточную бумага, крупный грязноватый шрифт, ни одного клише на полосах. Увидев «Правду», Жуковский, обычно степенный, спокойный, не сдержался:

— Эх, и на краю света же мы живем, черт подери! Ни тебе радио-телеграфа, ни железной дороги... Почта и та приходит по престольным праздникам... В мире скоро революция мировая свершится, мировой буржуазии хана наступает, а мы тут уговариваем Хорелея и Харбетля, чтоб прибавили нам зарплату на пятерку в месяц. Позор, ей-богу, позор!..

Вокруг Жуковского в сумрачном, накуренном бараке собралась группа горняков.

— Вот оно, я же говорю, смотрите, что происходит у нас в стране! — подняв над головой «Правду», торжествуяще воскликнул Прокопий. — Ленин декреты мирового значения издает, а мы о них узнаем совсем случайно. Разная сволочная контра старается скрыть от шахтеров Караганды законы советской власти... — И он стал читать вслух опубликованную на первой полосе газеты «Декларацию прав народов России»:

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения. Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками...»

В бараке уже стало тесновато, а желающих послушать голос «Правды» набиралось все больше и больше. «В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны...»

— Еще бы!

— На своей шкуре испытали!..

Возбужденные горняки весело и громко перебрасывались репликами. Тусуп Кузембаев, внимательно прислушивавшийся к дорогим ленинским словам, не вытерпел, закричал:

— Товарищи! Кто хочет много говорить, идите в кузницу...

— А теперь Григорий Яковлевич там не работает, машинистом подъема стал,—весело ответил кто-то.

— Все равно, любому кузнецу шутки не помешают ковать железо,— уже более спокойно ответил Тусуп.

Шум мгновенно оборвался, и в наступившей тишине еще отчетливее зазвучал ровный, мягкий голос Жуковского:

«— ... Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокаций должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России... Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России...»

Прокопий окончил чтение «Декларации», а плотно сгрудившиеся вокруг него горняки, словно замороженные, продолжали недвижно стоять с обнаженными головами.

— Вот оно какое дело, братцы!— бережно свертывая газетный лист, с чувством сказал Жуковский, и после некоторой паузы добавил: — Политике национальной розни наша партия кладет конец раз и навсегда! Большевики провозглашают дружбу и братство всех народов государственной политикой!

На пороге показались Мустафа Дикамбаев и Бекбусын. Услышав от соседей о каком-то важном законе, напечатанном в газете, Мустафа и Бекбусын поспешили в барак, где жил Жуковский.

— Ну чего же вы молчите, братцы? — улыбаясь, обращается Жуковский к своим умолкшим в торжественно-счастливым раздумье товарищам.

— Вот теперь, пожалуй, и «ура» можно крикнуть,— говорит Тусуп.

— Ну, конечно!

И в бараке вдруг раздается мощный взрыв восторга и радости — «Ур-ра!», «Ур-ра!».

Мустафа и Бекбусын, охваченные общим неудержимым порывом бурлящих чувств, кричали «ура» вместе со всеми. Они поняли: произошло что-то важное. И, сгорая от любопытства, Бекбусын протискивался к Кузембаеву.

— Тусуп, скажи побыстрее, о чем написано в газете?

— Ленин написал... Потом узнаешь, о чем...

Утром следующего дня делегация Совдепа Караганды отправилась в крошечном товарном вагончике узкоколейки в главное заводоуправление. В последнее время и Джим Герберт, и Харбетль, и даже Мортон, страшая гнева шахтеров, покинули свои карагандинские дома и переехали в Спасск. Там спокойнее, потому что квартиры служащих вместе с заводом и конторой огорожены высоким деревянным забором и колючей проволокой. Вход на территорию завода круглые сутки охраняется нарядом вооруженных стражников.

В Спасске делегация Караганды связалась с депутатами местного Совета и членами заводского профсоюзного комитета. Состоялось совместное заседание Совета рабочих депутатов завода и копей, в котором приняли участие от Караганды: Жуковский, Полиенко, Дикамбаев, Сихимбаев и Парфенов-старший; от Спасска: Чашин, Дюйсен Арапов, Прокопенко, Такижан Бекова, Жумабек Чагиров, Хасен Мусин и от железнодорожников узкоколейки — Лука Фалькевич.

Председательствовал Прокопий Жуковский. Он сказал, что Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, а также на свершившееся в Петрограде победоносное восстание, взял власть в свои руки. Съезд провозгласил о переходе всей власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— В воззвании съезда говорится,— сказал Жуковский,— что Советы должны обеспечить подлинный революционный порядок на местах. Советское правительство уже издало целый ряд декретов, которые надо проводить в жизнь. Поэтому целесообразно объявить о том,

что наш Совдеп приступает к осуществлению в Караган-де и Спасске всей власти.

Разгорелись бурные прения. Некоторые товарищи высказали сомнение: не будет ли преждевременным брать на себя столь ответственные функции до того, как состоится уездный съезд Советов, который возьмет власть на территории всего уезда.

Слово попросила Такижан Бекова. За организацию забастовки в 1913 году она была осуждена царским судом к четырем годам каторги и только после Февральской революции возвратилась из Сибири. Четыре года каторги наложили свой отпечаток на облик Такижан; на лбу ее обозначились морщинки, смуглое красивое лицо стало суровым и строгим. Только большие с лукавинкой карие глаза Бековой по-прежнему смотрели на мир доверчиво и спокойно. Боевая, настойчивая в работе, она, однако, всегда смущалась, когда начинала говорить. Вот и сейчас, поднявшись с места, Такижан мягким женственным движением руки поправила выбившуюся из-под косынки прядь волос, и смуглые щеки ее покрылись густым румянцем. Но грудной голос Бековой зазвучал уверенно.

— Нечего выжидать, нечего бояться брать власть! Даже стыдно думать о какой-то боязни, о какой-то преждевременности... Петроградские рабочие свергли буржуазию, арестовали Временное правительство, а мы, как коту, продолжаем гладить английскому капиталисту спину... У казахов есть хорошая пословица: «Что ни больше кота гладишь, он все выше поднимает хвост...»

Совдеповцы громко рассмеялись.

— Ай молодец, Такижан!—выкрикнул Бекбусын.

Женщина хотела еще что-то сказать, но смех товарищей окончательно смутил ее, и она, закрыв порозовевшее лицо ладонями, присела на стул.

Потом выступили кочегар узкоколейной дороги Лука Федорович Фалькевич, слесарь Чащин и еще несколько человек. Решение было единодушным — Совдеп сегодня же должен объявить о том, что всю власть он берет в свои руки и что на предприятиях акционерного общества «Спасская медь» устанавливается восьмичасовой рабочий день.

— Нужно немедленно уравнивать права русских и казахских рабочих,— предлагает Жуковский.— Равная

оплата за равный труд. И потом нельзя дальше терпеть такого звериного «порядка», при котором рабочие-казахи не имеют права пользоваться больницей, ходить в баню с русскими, жить в центре поселка...

Совет учредил бюро жалоб, во главе которого поставил рабочего Д. А. Прокопенко. Отдел снабжения возглавили Жумабек Чагиров и Дюйсен Арапов. На профсоюзные комитеты были возложены обязанности контроля над производством.

Все эти решения члены Совета рабочих депутатов довели до сведения главноуправляющего мистера Хорелея.

Угрюмый, насупленный, Хорелей молчаливо слушал рабочих депутатов. В течение всех тридцати минут он не проронил ни слова и даже не поднял взгляда на рабочих, сидел за столом ссутулившись, глядя в какую-то ему одному видимую точку. Когда Жуковский умолк, Хорелей нервно шевельнул плечом, словно пытаясь освободиться от навалившейся на него тяжести, и недовольно процедил:

— Ваши законы нам, англичанам, непонятны. Нам выгоднее закрыть свои предприятия, нежели утруждать себя необходимостью разбираться в тонкостях ваших законов...

— Видимо-, английский сатирик Свифт, которого мы очень уважаем, о наших законах ничего не говорил, потому что он их не мог предугадать,— пошутил Жуковский, вспомнив свой разговор с Хорелеем весной этого года.

— О, какой вы злопамятный человек! — несколько оживившись, отозвался Хорелей и впервые за все время разговора бросил взгляд на рабочих депутатов.

Английским концессионерам некуда было деваться. Ни на минуту не переставая верить в непрочность советской власти, они под напором организованной пролетарской массы вынуждены были принять все требования Совдепа. Они считали это временной уступкой. «Пройдет пора прилива и наступит отлив,— думали они,— и тогда мы свое наверстаем».

А Совет рабочих депутатов, тем временем сосредоточив в своих руках власть, уверенно и методично отвоевывал у английских капиталистов позицию за позицией. Прием и увольнение рабочих, распределение квартир,

функционирование торговых, медицинских и бытовых учреждений — любой вопрос разрешался только с ведома Совета. В конце декабря 1917 года в Спасске был открыт рабочий клуб. Надо было видеть тот необычный восторг трудовых людей, который крутым кипятком плескался из пробуждавшихся сердец, чтобы понять, с какой непосредственностью принимали они зажигающиеся в глухой степи первые огоньки света, свободы и обновления. На первом вечере, посвященном открытию рабочего клуба, с приветственной песней советской власти выступил акын Доскей. Он еще не оправился от продолжительной болезни, но глаза его сияли молодо и голос звенел бодро и задорно:

**Мне семьдесят лет. Болезнью надломлен,
Два года лежал я в нетопленном доме,
Смирившись, два года я смерть ожидал.
И вдруг над Аркою Октябрь засиял!
Октябрь наш, как солнце, и светел и ясен.
Теперь я, друзья, умирать не согласен!
Пока в груди моей сердце стучит,
Пока домбра моя верно звенит,
Я партию Ленина буду славить,
Советской Отчизне я буду служить!**

Совдеп был полновластным хозяином на предприятиях Караганды, Спасска и Успенки.

И когда подстрекаемые англичанами кулацко-байские последыши — буржуазные националисты и эсеро-меньшевистские предатели попытались поднять руку на рабочих активистов, Совдеп организовал революционный трибунал и строго покарал врагов советской власти.

28 февраля 1918 года открылся Акмолинский уездный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казахских депутатов, среди 224-х делегатов которого находились и посланцы шахтерской Караганды. Съезд обсудил доклад о текущем моменте, утвердил сводный наказ Советам, составленный на основе местных наказов, и торжественно объявил, что «единственной политической и экономической властью в Акмолинском уезде является Совет рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов, действующих в полном контакте с декретами и постановлениями центральной власти Совета Народных Комиссаров РСФСР».

Советская власть триумфальным маршем шагала по

раздольным степям Казахстана, принося обновление и утверждая новые, неведомые доселе в здешних краях человеческие отношения.

11 мая 1918 года В.И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О национализации Спасского медеплавильного завода». Поскольку Карагандинские угольные копи и Успенский рудник являлись подсобными предприятиями завода, они также национализировались. Стоустая народная молва быстро разнесла эту весть по всей Сары-Арке. Концессионеры и их лакеи бежали. Горняки торжествовали. Каждый понимал, что теперь он будет трудиться не на английских капиталистов, а на себя. Из далеких аулов устремились в Караганду кочевники, чтобы стать горняками.

На коях царил подъем. Шахтеры по-хозяйски обсуждали вопрос о том, как с меньшими затратами больше добывать угля.

Шел 1918 год. Над пепельно-рыжим урочищем «Ит-Жон», над горами Арчала, над сопкой Ак-Шоки плыла первая в Сары-Арке весна свободы. На полях переселенческих поселков, обливаясь потом, трудились хлебопашцы. Советская власть безвозмездно передала им землю — трудись, не ленись. Но как обрабатываешь полученные десятины плодородного нетронутого степного чернозема, когда сельскохозяйственные орудия находятся в руках все тех же кулаков? Уездный Совет обратился за помощью к рабочим Спасска и Караганды: помогите крестьянам плугами, сеялками, боровами, граблями. Совдеп Спасска и Караганды принял решение — срочно организовать на заводе изготовление нужных селам и аулам сельскохозяйственных орудий.

День и ночь не умолкал в цехах трудовой гул. Для своего брата крестьянина рабочие быстро наладили производство и плугов и борон, и сеялок. Все кузнецы из Караганды добровольно приехали на Спасский завод. Не удержался и старый коваль Григорий Яковлевич Парфенов. Хоть уже и не было в его руках прежней силы и около трех лет прошло, как он оставил родное кузнечное дело, но кто же из молодежи мог потягаться с ним у наковальни?

Родовались бородатые мужики, приезжая на завод за плугами и сеялками. Говорили: «Покуда плуг в руках, потуда и хлеб в зубах». Но недолгой была эта радость.

Белогвардейские генералы при поддержке иностранных капиталистов двинулись в крестовый поход против народной власти.

31 мая 1918 года темная волна контрреволюционного сброда захлестнула Петропавловск, 7 июня — Омск, 11 июня — Семипалатинск, 23 июня — Кустанай. Эта темная волна докатилась до Акмолинска и Караганды.

ВСТРЕЧА С АДИЛЬБЕКОВИЧ МАЙКУТОВИЧ

Григорий Яковлевич Парфенов любил, возвратись с работы, посидеть вечерком у своей землянки, не торопясь, покурить махорки, перебраться со своим старым другом Абрамом Поддубным парой слов о жизни. Уже давно ныла от ревматизма спина и, усевшись на скамейку, старик долго не хотел подниматься, наблюдая с косогора, как вдали, в низине, где под развесистыми купами тополей раскинулось переселенческое село Старая Тихоновка, медленно брело стадо коров. В предвечерней тишине далеко-далеко по окрестности разносилось их беспокоемое мычание. Назойливо и нетерпеливо блеяли овцы и козы. А вокруг села, до самого горизонта, простиралась чуть тронутая багрянцем угасающей зари равнинная, еще не успевшая выгореть, буро-зеленая степь. И вспоминал Григорий Яковлевич свою голодную бесштанную молодость, деревянную соху, лоскут земли. Вспоминал, как он, вольнолюбивый крестьянский здоровяк, хотел прирезать себе клин пашни за счет помещицей, да угодил за дерзкие помыслы свои в Сибирь, в ссылку. А пробив десяток лет в Иркутской губернии, добрался в 1898 году до Караганды и обосновался здесь по старой специальности — кузнечить. Вот и кузнечил до самого пятнадцатого года. Теперь бы время и на покой, да один сын Илья не в состоянии прокормить все семейство. Пришлось на подъемную машину переходить. И даже внука, Костю, определили рассыльным при конторе.

Может быть, такие же мысли обуревали и его спокойно-вдумчивого, немногословного собеседника, сторожа больницы Абрама Поддубного. Схожи судьбы старых рабочих. Разница, пожалуй, только в том и состояла, что Григория Яковлевича из родных мест выслал батюшка-царь, а Абрам Алексеевич в 1913 году сам поже-

лал убраться из украинской слободки Степановки. Кайлил он уголь в Караганде четыре года кряду, но случилось так, что один день у него век заел: во время обвала переломало Абраму Поддубному ребра. И хоть на целых семнадцать лет моложе он Григория Яковлевича, а по виду стал таким же стариком. Пришлось в сторожа переходить — с 28-рублевого жалованья в месяц на пятнадцатирублевое. А сыновья, хоть их и двое, что с них возьмешь — старший Василий все время в армии, а Порфирию всего семнадцатый год: у Тихоновского кулака Беленко батрачит за кусок хлеба да за удар хлыста.

— Не жалкуй дюже, Абрам Алексеевич, — затянувшись сигаркой и с силой выпустив струю голубоватого дыма, задумчиво произнес старик Парфенов. — Вот кончится заваруха, станет все на свое место и жизнь пойдет ого-го...

— Ото ж я про то и думаю, — шурит в сдержанной улыбке хитроватые глаза Поддубный, — колы она, та самая жисть, пойдет так, щоб все на своем месте було...

Июньское солнце, завершив свой утомительный путь, прильнуло к мягкому взбитому ложу гористого горизонта. В воздухе уже повеяло легкой свежестью и прохладой.

Поддубный, взглядываясь в даль, вдруг тревожно тронул своего собеседника за плечо.

— Глянь, Григорий Яковлевич, шо за верховые из Тихоновки выехали? Жмуть на рысях, аж пыль столбом...

Дед потрогал огрубелыми пальцами седые космы окладистой бороды, с минуту, прищурившись, молча всматривался в быстро приближавшуюся к Караганде подозрительную кавалькаду.

— То шось неладно, ей-богу неладно, душа чует, — снова повторил Поддубный.

— Одно могу сказать, — заговорил, наконец, старик, — раз по Тихоновскому тракту едут, значит из Акмолов.* — Опершись на клюку, он привстал, громко закричал, схватился рукой за поясницу и, не разогнув как следует спины, подошел к полуоткрытой двери землянки.

* Из Акмолинска.

— Костя, а Костя! Ну-ка иди сюды! — позвал он.

В дверях показался бойкий паренек в синей ситцевой косоворотке и в холщевых в трубочку штанах.

— Ты вот что, внучек, беги быстрее к Полиенко и к Жуковскому и скажи, что со стороны Тихоновки к нам скачет какой-то конный отряд...

Тем временем всадники уже приближались к поселку. Их было около двухсот, целый эскадрон. Низко пригнувшись к луке, они шли забористой чеканной рысью.

Из соседнего барака выбежали Полиенко, Шестаков, старший сын Жуковского Трофим, Прасковья Дедухиин.

— Это не иначе, как какая-то банда,—сдвинув брови, проговорил Полиенко.— А у нас на весь поселок всего три револьвера и одно охотничье ружье. Вот и войю.

Приблизившись к Караганде, эскадрон разделился на три группы, две из которых, видимо, задались целью взять поселок в клещи, а одна направилась прямо к горняцким баракам.

Полиенко приказал Трофиму Жуковскому бежать к шахте «Герберт», спуститься под землю и предупредить отца и всех товарищей.

— Кому-то надо срочно скакать в Спасск,— заметил Шестаков.

Полиенко подозвал подошедшего Бекбусына.

— Давай, Беке, выручай спассцев...

Предположение горняков подтвердилось. Наскочившие в Караганду конники оказались белогвардейцами-карателями. Вместе с ними прибыли управляющий копиями англичанин Харбетль, главный бухгалтер Спасского завода Рябцев и бывший урядник Бобровский. Усатые дородные казаки, словно бешеные псы, шарили по баракам и землянкам, ища коммунистов и совдеповцев. Сергей Фокич Бобровский независимой хозяйской походкой вразвалку заходил то в одну, то в другую квартиру и, выпучив на кого-нибудь пьяные слезящиеся глаза, тыкал в него пальцем:

— Вот этот тоже большевистский крамольник...

Здоровенные пьяные усачи хватали «крамольника» и утаскивали в точную темень.

Где-то на окраине поселка гулко раздавались одиночные выстрелы. Кто-то истошно вскрикивал. Наступала снова тревожная тишина. Потом ее прорезал дикий жен-

ский плач, громкая пьяная площадная ругань, и снова гулко гремели оружейные выстрелы.

Три небольшие комнаты двухклассной школы были до отказа забиты арестованными

К вечеру следующего дня сюда пригнали арестованных активистов советской власти из Спасска, а через два дня — и из Успенки. Многие были до полусмерти избиты, другие ранены. Но узники-рабочие держались стойко, гордо. Перевязывая друг другу раны, горняки и металлурги не вздымали, не унывали, они верили, что советскую власть в кандалы не заковать, она непобедима.

Оставив в Караганде, Спасске и Успенке небольшие полицейские гарнизоны и выделив для конвоирования арестованных 25 казаков во главе с вахмистром, белогвардейский карательный отряд двинулся дальше по направлению на Карсакпай и Байконур.

* * *

Стоял знойный безветренный летний день. В затянутом дрожащим маревом небе ни облачка. Арестованные рабочие со связанными назад руками колонной двигались по пыльной дороге. Конные конвоиры с винтовками за плечами и с обнаженными саблями лихо гарцевали сбочь растянувшихся рядов. Те из них, в голове которых еще бродил хмель, то и дело выскакивали далеко вперед, демонстрируя свою ловкость в стрельбе по парившим в небе коршунам и беспечно пошвыстывавшим у нор на глинистых бугорках суркам.

Мустафа Дикамбаев шел в хвосте колонны. Отчаянно ныли туго стянутые бечевкой руки. Больно сосало в желудке. Он, как и все арестованные, уже два дня ничего не ел, но голода не чувствовалось: мучила разлившаяся по телу расслабляющей истомой и заглушала собой все страшная жажда. Только горькой обиды за себя и своих товарищей ничто не могло заглушить. Досадно было оттого, что каратели так легко могли расправиться с ними, и вот теперь каких-то два десятка бандитов с видом победителей ведут около сотни лучших рабочих сынов и дочерей.

Мустафа прикидывал в уме, сколько арестовано карагандинцев — забойщики Митрофан Жуков, Иосиф Рудак, Илья Белакин, Иван Щербак, Афанасий Дама-

нин, Михаил Ледовский, десятник Илья Парфенов... Поиенко и Шестакову удалось скрыться. Это хорошо. Прокопия Жуковского тоже не схватили, вместо него взяли заложником его младшего пятнадцатилетнего сынишку Леонтия. Бандиты по-бандитски и поступают...

Вдруг колонна арестованных останавливается. Впереди слышна громкая ругань вахмистра. Сидя на коне, он с размаху бьет кого-то плеткой. Кого — не видно.

— Ироды, антихристы вы, а не люди! — доносится высокий женский голос.— Видите, человек падает, не может идти!..— Это, кажется, Прасковья Михайловны Дедюхиной голос. Ну-да, это она, член шахткома тетя Параша, которую так все любили в Караганде за чуткое материнское сердце.

Через несколько минут, подталкиваемая конвоиром, к хвосту колонны медленно идет Такижан Бекова. Лицо бледное, но голову держит прямо. Она заметно хромотает, видно ранена в ногу. Коломну замыкает пароконная бричка, в которой едут какие-то щеголеватые два чиновника, наверное, с Успенского рудника. Бекову сажают в бричку.

На горизонте показались развесистые тополя. Блеснула узкая серебряная ленточка Нуры. А солнце жжет немилосердно и в пересохшем гру уже не выделяется слюна...

— Мадам, как зовут-то тебя? — слышится сзади пьяный голос.

— Ха-ха, она весь свой голос за Советы отдала и стала немой,— хихикает другой.

Мустафа оборачивается, и связанные руки вздрагивают— как хотелось бы дать в зубы этим расчесанным на пробор красномордым выродам. Сидя на возу, они демонстративно пьют вино, едят мясо и издеваются над бедной Такижан.

А село с его прохладными тополями все так же кажется далеко. Хотя бы немножко отдохнуть, хотя бы капельку испить воды...

Но вот, наконец, вахмистр командует сделать у хаты привал. Конвоиры спешиваются и расходятся по избам. Для охраны оставлено пять казаков.

Проходит час, второй, третий, а воды так никто и не дает. Уже меняется четвертый конвой. Белобандиты на-

щупали у сельчан самогонку и чувствуется, что им не хочется оставлять село. Возможно, придется здесь ночевать.

Арестованные, пристроившись в тени тополя, сначала сидели, потом некоторые тут же на земле прилегли и уснули. Мустафе не спалось. Усевшись рядом с сынишкой Прокопия Жуковского Леонтием, он погрузился в воспоминания. Ничто не сверкает так весело и не хмурится так мрачно, как поток воспоминаний. А этот поток хлынул бурным вешним разливом и даже боль натруженных рук, мучительная жажда, голод — все отступило перед ним. Мустафа незаметно для себя прислонился к Леонтию и уснул.

Проснулся от громких криков. Возле конвоиров, державших винтовки на изготовку, стоял плотный полный интеллигентный казах в черной фетровой шляпе и, щуря узкие лукавые глаза, спокойно спрашивал:

— Что за люди на сырой земле лежат?

— Не люди, а большевики! — сухо отвечал пожилой бородач - конвоир.

— Куда следуют?

— Дюже много будешь знать — скоро состаришься!

— Кто старший конвоя? Позвать ко мне!

— А что ты за птица такая, что к тебе старшего надо?

Все арестованные проснулись и настороженно ожидали, что же будет дальше.

Позади интеллигентного казаха стояли два русских парня. Один из них держал в руках гармошку. Обернувшись к ним, незнакомец небрежно бросил:

— Пригласите сюда поручика.

Тот, что был с гармошкой, нажал на басы и с силой рванул меха. Гармошка, пропев какую-то призывную мелодию, умолкла, и через минуту на противоположном конце улицы, словно из-под земли, появилось с полсотни всадников.

Растерянные конвоиры дали в воздух три залпа. Из соседнего дома начали выбегать с винтовками наперевес пьяные казаки.

Мустафа видел, как в конце улицы стройная, длинноногая лошадь, распластав корпус, вырвалась вперед, быстро отделилась от остальной группы. Казалось прошел всего один миг, и перед изумленными этим загадочным

зрелищем арестантами, круто осадив коня, появился бровастый смуглый всадник с усами кавалериста в ладном офицерском мундире с золотыми погонами. Из-под лихо сдвинутого набок картуза его вырывалась иссиня-черная шевелюра. Молодой конь, перекатывая в зубах трезеля, жарко дышал горячими ноздрями.

— (Кто стрелял?! — грозно закричал поручик.

Не понимая, что произошло, пьяные казаки остолбенело поглядывали друг на друга.

— Я спрашиваю, кто стрелял?!

— Ваше благородие, им приказано доставить арестованных большевиков в Акмолинск, а они вот уже три часа пьянствуют,— пояснил интеллигентный казах в фетровой шляпе.

— Никак нет, ваше б-б-лагородь, не пьянствуем, отдыхаем!—отрапортовал вахмистр.

— Измаялись! — виновато добавил бородатый конвоир, который давал залп тревоги.

— Как стоите перед старшим, скотины?! — еще более свирепо заорал поручик.

Вахмистр, взяв винтовку к ноге, вытянулся в струнку, а за ним следом и все другие казаки испуганно задрали к небу опухшие коричневые морды.

Нетвердой походкой спившихся к поручику подошли те два чиновника, что ехали на повозке в хвосте колонны.

— Зачем обижаете, господин офицер, своих людей? — расплывшись в слащавой улыбке, пролепетал низенький человечек с кругленькими лоснящимися пунцовыми щеками и коротенькими вздернутыми усиками.

— Разоружить конвой! — не обращая внимания на подошедших, скомандовал поручик.

Несколько бойцов, быстро спешившись, приступили к исполнению указаний командира.

— Ба-а! Я, кажется, знаю этого человека, господи! — не сводя мутных глаз с офицера, воскликнул высокий долговязый чиновник с прилизанной на пробор прической.— Это... Это... как его? Это мой старый знакомый Мартылога. Рудокопом на Успенском работал... Ну, конечно, он! Слышь, Мартылога, тебя же навреде выслали из Казахстана?

Конвоиры, широко раскрыв глаза, испуганно переглядывались. Они поняли, что, согласившись сдавать оружие, совершили оплошность.

— Я — Мардарий Ивченко. Помнишь меня? — с пьяным упрямством продолжал долговязый.— Тут, среди арестованных, есть твой закадычный друг Алимжан Байчагиров...

Разговор этот, вызвавший замешательство, занял всего несколько секунд. Арестованные, переговариваясь между собой, сгрудились вокруг всадника. Кто-то с надеждой в голосе тихо окликал Байчагирова:

— Али, ну посмотри лучше, может, правда?

Белоказаки, у которых не успели отобрать оружие, пялись во двор, открыли беспорядочную стрельбу. Другие решительно обнажили сабли. Чей-то хриплый бас, словно паровозный гудок, испуганно рявкнул:

— Братцы-станичники, спасайся! Это красные!

— Сабли к б-о-о-ю! — коротким взмахом выдернув кривой османовский клинок, скомандовал Мартынов — ский. Почувяв крепко прижатые шенкеля, конь его покорно всхрапнул, вздыбился и метнулся в сторону убегающих конвоиров. За ним рванулись все всадники.

Минут через пятнадцать выстрелы смолкли. Операция прошла успешно. Восемь белоказакон, оказавших упорное сопротивление, было зарублено, семеро ранено. Под вахмистром, пытавшимся улизнуть, была убита лошадь. Остальные усачи и с ними протрезвевшие штатские, понуриив головы, тесной кучкой стояли у хаты.

Разгоряченный Мартыновский, ловко спрыгнув с седла, кинул поводья одному из бойцов, торопливо зашагал к ликовавшим от радости арестантам. Навстречу ему с широко распростертыми руками бежал Алимжан.

— Володя! Володька!

— Али!

Обнявшись, они долго не могли разомкнуть рук. Потом, незаметно смахивая с глаз набежавшую слезу, Мартыновский спросил гармониста:

— А где же Адильбек?

— Большую осматривает. В ногу ранена женщина.

В тени у плетня, на траве, положив голову на колени тети Параша, лежала Такижан Бекова. Покрывшееся фиолетовыми пятнами лицо её пылало, полураскрытый рот короткими частыми глотками жадно хватал воздух.

Внимательно осмотрев рану и перевязав ее, Адильбек облегченно вздохнул.

— Рана безопасная, зарастет,—сказал он.— А вот температура слишком высокая — это плохо.

— Ничего, отдохну немного и все пройдет,— перевозимая боль, улыбнулась Такижан.

— Вот это приятно слышать,— похвалил Адильбек.— Уверенность — лучший доктор. Доктор лечит, а уверенность вылечивает.

— А ты знаешь, товарищ доктор, кто эта больная?— спросил Адильбека Мартылога.— Это та самая женщина, с которой я вместе на каторге был.

— Такижан Бекова?! —то ли удивленно, то ли восхищенно спросил доктор.

— Да, я Такижан,— прошептала больная.— А как вас зовут, доктор?

— Адильбеком зовут. Адильбек Майкутов...

Услышав эту воспетую акынами, окруженную ореолом славы фамилию, Бекова -привстала, глаза ее засияли светло и радостно.

— Я уже, кажется, выздоравливаю! — улыбнулась она.

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

Федора Яковлевича укрыл у себя в подполье старик Парфенов. Ивана Захаровича Шестакова приютил в больничной сторожке Абрам Поддубный. Боясь подвести деда, которому в случае обнаружения большевика грозила смерть, Федор Яковлевич через неделю попрощался с ковалем и бесследно исчез из Караганды. Так таинственно исчезать мог, пожалуй, только он, бывалый горняк, Полиенко. А Прокопий Жуковский со старшим сыном Трофимом и несколько совдеповцев, выждав момент, поднялись в ту кошмарную ночь из шахты на-гора и ушли в степь. Через неделю они встретились с Шестаковым в условленном месте — на квартире крестьянина Степана Васильевича Жарикова в селе Миньковке.

Как ни расставлял свои сети многоопытный полицейский сыщик Бобровский, публично поклявшийся «изловить большевистских главарей Караганды», планам его не суждено было сбыться.

Но клубок антисоветского заговора в Казахстане продолжал расти. Вокруг ядра заговорщиков — белогвардейских генералов, офицеров и атаманов — собирались темные силы баев, биев, кулаков, мулл, купцов и прочей нечисти. Охотно присоединились к ним и казахские буржуазные националисты, обнажившие свое подлинное лицо ненавистников и врагов казахского трудового народа. Заговорщики спешно сколачивали многочисленные банды и, разгуливая по селам и аулам, учиняли кровавые погромы.

Возмущенный разгулом реакции, трудовой народ Казахстана поднимался на борьбу против контрреволюционеров, на защиту Великой Октябрьской социалистической революции. Эту борьбу возглавили большевики. В Сары-Арке уже с новой силой гремела слава о ратных делах красных дружин верного сына казахского народа коммуниста Адильбека Майкутова.

Вскоре после прибытия в село Миньковку карагандинских большевиков здесь начал формироваться партизанский отряд. Активными организаторами, а впоследствии и руководителями этого отряда были коммунисты Миньковки: председатель сельсовета Павел Васильевич Скляр и Николай Григорьевич Воронков.*

Силы советской власти в Центральном Казахстане были достаточно велики, чтобы в течение месяца вымести из края всю контрреволюционную свору. Но борьба оказалась длительной и кровавой, потому что вдохновителями и прямыми пособниками белогвардейских мятежников выступали некоронованные короли пушек, нефти и стали — монополисты Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки.

Еще 23 декабря 1917 года правительства Англии и Франции подписали секретное соглашение о разграничении сфер влияния в России. За спиной советского народа происходил дележ его Родины. Карта республики черной жирной чертой рассекалась на две основные части. Эта черта, извиваясь, ползла через Крым, Азовское море, вверх по течению Дона до Царицына, потом пово-

* Н. Г. Воронков, П. В. Скляр и С. В. Жариков были схвачены ворвавшейся в Миньковку в марте 1921 г. бандой Анненкова и зверски зарублены. Их останки похоронены в братской могиле на центральной площади села. Сельчане соорудили на могиле павших революционеров памятник.

рачивала на север. Вся огромная территория к западу от этой черты, и прежде всего Украина с ее Донецким бассейном и Криворожскими рудниками, должна была составить зону французского влияния; к югу и востоку от черты,— то есть весь Кавказ с его бакинской, грозненской и майкопской нефтью, Средняя Азия и Казахстан включались в сферу безраздельного влияния Англии. Кроме того, расхрабрившийся британский лев, не страшась лютых русских морозов, изъявил желание прогуливаться в северных мурманских да архангельских лесах и в Прибалтике.

Финансовые воротилы Соединенных Штатов и Японии к дележу несколько запоздали. Но и они обиженными не остались. Англичане и французы не поскупились чужой территорией, «выделив» им для развертывания предпринимательской деятельности часть Сибири, Казахстана и Дальний Восток.

Тайный сговор империалистов о разграничении сфер влияния в России был подтверждением их решимости превратить обессилевшую в войне бывшую царскую империю с ее несметными природными богатствами в объект колонизации. Россию хотели сделать послушным донором для перекачивания крови в жилы дряхлеющего капитализма Запада. Что же касается экономической экспансии, то она началась значительно раньше. Французский пушечный король Шнейдер-Крезю к моменту Февральской революции захватил в свои руки почти всю русскую военную промышленность, он хозяйничал, как в своей вотчине, в Донбассе и на самых крупных металлургических предприятиях Юга.

Капиталовложение английских монополистов сосредоточивались поближе к Индии: на Кавказе, в Средней Азии, в Казахстане, в Сибири. Они проникли всюду, где была нефть. Известная Лондонская Русско-Азиатская корпорация Лесли Уркварта захватила почти всю горнозаводскую промышленность Прииртышья и рудного Алтая, а также части Сибири и Урала. Концессии этой корпорации уже тогда оценивались в миллиард долларов. Ее директором был американский инженер Герберт Гувер, ставший в 1929 году при поддержке миллионера Томпсона президентом США. Нажив на спекуляциях русским сырьем в предвоенные годы огромное состояние, Гувер овладел контрольными пакетами акций одина-

дцати компаний. Еще в 1914 году он вместе с Урквартом учредил «Киргизское (Экибастузское) горнопромышленное общество» с основным капиталом в 10 миллионов рублей.

Английская компания «Лена-Голдфилдс» контролировала богатейшее Ленское золотопромышленное общество, то самое, где в 1912 году произошел расстрел рабочих. Главой этой компании был бывший заместитель военного министра Великобритании лорд Гаррис. Владельцем обширных Сысертских и Шуваловских концессий на Урале являлся Русско-английский банк. В совет этого банка входили лидеры консерваторов — сэр Остин Чемберлен (в 1917 году министр по делам Индии, впоследствии министр иностранных дел) и лорд Бальфур. Английский морской министр в 1917 году Эрик Гедде был вместе с Гувером акционером Кыштымских горных-заводов, английский министр колоний Вальтер Лонг — акционером Англо-Русского треста, лидер либералов лорд Реддинг — акционером компании «Спасские медные руды».

Разве могли англо-американские монополисты смириться с мыслью, что все эти сказочные богатства будут отторгнуты у них народом, взявшим власть в свои руки?

* * *

Но очистительная буря социалистической революции продолжала бушевать со все возрастающей силой. Под боевые знамена партии коммунистов вставали рабочие и крестьяне, вставали все люди труда. Стальным мечом они разрубили цепи, в которые Антанта хотела заковать Советскую Россию.

19 августа 1919 года части Красной Армии освободили Кустанай, 29 октября — Петропавловск, 27 ноября — Акмолинск. В карагандинскую степь снова и навсегда вернулась Советская власть. Из партизанских отрядов на копи возвращались шахтеры. Английские концессионеры, не жалевшие денег для помощи белогвардейцам, боялись возмездия. Затопив шахты, они по-воровски, ночью бежали из Караганды.

Надо было откачивать воду из шахт и восстанавливать надшахтные сооружения, а на копиях не было ни насосов, ни леса, ни простейших инструментов и материалов. Опустели продовольственные склады и магазины.

Горняки и их семьи сидели без хлеба. Свирепствовали различные эпидемии.

В такой обстановке в начале 1920 года в полуразрушенном кирпичном здании Герберта собрались большевики Караганды на свое первое собрание. Им предстояло организационно оформить партийную ячейку и наметить план возрождения копей, возрождения жизни шахтерского коллектива.

На партийном собрании были: Прокопий Жуковский, его сын — Трофим Жуковский, Мустафа Дикамбаев, Прасковья Дедюхина, Иван Шестаков, Иосиф Рудак, его сын — Илларион Рудак, Савелий Гаевой, Иван Никифоров, Афанасий Даманин, Илья Белакин с женой Матреной Белакиной, Митрофан Жуков, Петр Алейников, Иван Щербак.

Секретарем ячейки был избран Иван Никифоров.

С благоговением и гордостью произносим мы эти имена.

Сейчас в Караганде тысячи коммунистов. Партийные организации есть на каждой шахте, на каждом заводе, стройке, в каждом учебном заведении, во всех учреждениях. Но тот, кто будет писать историю славных дел Карагандинской коммунистической организации, прежде всего вспомнит имена членов партийной ячейки, созданной в 1920 году. Они были первыми. От них идет родословная организаторов и вожakov могучей горняцкой гвардии Третьей всесоюзной кочегарки. Они были зачинателями беспрецедентного по темпам и размаху созидания, превратившего затерянное в степи селение в крупный индустриальный центр Казахской республики.

То было время трудное и прекрасное. Над древней Сары-Аркой занималась заря новой жизни.

ЭПИЛОГ

Как сейчас, вижу вздернутый носик русоголового мальчика, его по-детски пухлые губы и немного грустный взгляд широко открытых глаз. Он сидит на кровати в белой рубашке, с надеждой поглядывая на приближавшуюся к нему женщину в голубом платье. У нее доброе лицо, мягкая улыбка. Она медленно идет по приоткрытой спальне от кроватки к кровати и внимательно вглядывается в лица детей.

— Вот он, мой сынок! — радостно воскликнула она у кроватки, на которой забавлялся игрушками, не обращая ни на кого внимания, толстяк Коля.

— Коля, твоя мама пришла! — заговорила няня Лена. Малыш, бросив игрушки, кинулся к женщине.

А русоголовый мальчик, уткнувшись лицом в подушку заплакал. Ему стало обидно, что к другим ребятам приходят мамы или папы, забирают их с собой, а к нему никто не шел.

Над детским домом шефствовали горняки тридцать первой шахты. Шефы часто навещали ребят. Нагруженный подарками, к малышам пришел и 75-летний Бекбусын Сихимбаев, первый Почетный шахтер Караганды. Его знает и любит весь Казахстан. До самого сорокового года, когда исполнилось ему семьдесят лет, не покидал Бекбусын шахты. Больше полувека провел он под землей. Друзья уговорили старика отдохнуть. Родина наградила прославленного горняка-ветерана орденом, назначила ему персональную пенсию.

Но вот грянула война, семидесятилетний Сихимбаев снова пошел в шахту. Не мог сидеть он дома, когда

над родной Отчизной полыхало пожарище войны: он— коммунист. Надо учить горняцкому делу молодежь, учить, работая в забое. За четыре года войны Бекбусын добыл 25 эшелонов угля. Это его вклад в победу над врагом. Правительством отмечено трудовой подвиг Бекбусына двумя орденами Ленина и медалями. Старому Беке одному из первых в стране присвоено звание Почетного шахтера. Но Сихимбаев не покинул шахту и после войны.

...В нарядном зале ребята танцевали, пели, рассказывали стихи. И только один мальчик все время грустил. Он не уединялся, не плакал, он делал все, что и другие— ходил в хороводе, тихонько подпевал. Но где-то в тени густых ресниц, в глубине ясных глаз притаилась невыплаканная грусть. Старый Бекбусын сразу заметил это.

— Почему не весел этот мальчуган? — отойдя в сторону, спросил он воспитательницу.

— Очень впечатлительный мальчик,— участливо заговорила воспитательница.— Многих наших ребят усыновили бездетные люди. Теперь и другие ждут, когда придут за ними. Этому малышу кто-то из старшей группы рассказал, что отец его убит на фронте, мать тоже погибла при бомбежке...

— Да, без отца человек— полсироты, а без матери и круглый сирота,— задумчиво проговорил старик.

— У нас им не скучно, сами видите. Все условия созданы, но...

— Я хотел бы усыновить этого мальчика,— вдруг сказал Бекбусын.— Понимаете, его глаза очень напоминают мне глаза моего старого друга.

— Об этом надо посоветоваться вам с директором...

— Поймите сами, сложный это вопрос,— говорила ему директор, полная пожилая женщина.— Мы ведь отдаем детей на воспитание в семьи не потому, что у нас им плохо. Речь идет о том, чтобы сирота вновь обрел отца и мать. Некоторые супруги, усыновив ребенка, меняют место жительства. Ребенок только тогда будет счастливым, если он никогда не узнает, что мать и отец у него не родные. А в данном случае... Словом, вы меня, надеюсь, поймете правильно: ведь ребенок русский, а вы — казах. Как же тут сохранишь тайну? И потом, ведь вам семьдесят шесть лет.

— Не пойму я вас,— осердился аксакал.— О какой вы тайне говорите? Зачем она здесь? Я никогда еще никого не обманывал.

— Не сердитесь, Беке, вы меня не совсем правильно поняли...

Но Бекбусын уже был весь во власти воспоминаний. Окруженные сеткой морщин вдумчивые глаза его вдруг зажглись, смуглое лицо помолодело. Он порывисто встал с дивана, взволнованно зашагал по комнате.

— Вы говорите о тайне,— начал он.— Хотите, я вам открою свою тайну? — И он заговорил горячо, то улыбаясь и переходя на шепот, то хмурясь, кому-то грозя крепко сжатым сухим старческим кулаком.

Жизнь прожить, что море переплыть. Но не тот живет больше, кто живет дольше. А он, Бекбусын, видел на своем веку всякого. И аксакал начал рассказывать о том, как жестокий Алтыназарбай осиротил его, как скитался он по степи в поисках куска хлеба.

— Житье сиротам в те годы, сами знаете, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет. А тут зима подошла, бураны, морозы, джут разразился... Завернул я ноги в куски кошмы, обмотался в какое-то тряпье и пошел в морозную степь. Не знаю, сколько шел, где был, только хорошо помню: проснулся однажды, вижу над собой лицо пожилого русского человека. Глаза у него большие, светлые, как вода в реке Талды. Только когда улыбался, немножко печальными становились. Спросил, как меня зовут, есть ли родители, сколько лет. А потом предлагает мне, если, мол, я не возражаю, быть его сыном. Зовут меня, говорит, Степаном Фомичом...

— Вполне вас понимаю,— смахивая со щеки кончиком платочка слезу, проговорила руководитель детского дома.— Скажите, Беке, кто такой был Степан Фомич?

— Двадцать лет прожил я с ним, как отец с сыном. Но однажды, во время забастовки, которой он руководил, из Акмолинска приехала уездная полиция и увезла Степана Фомича: он был большевик.

...В тот день русский светлоглазый мальчик стал приемным сыном Бекбусына. Отец дал ему новое имя — Амангельды.

— Степан Фомич воспитал из меня коммуниста. Постараюсь и я, чтобы мой Амангельды вырос достойным человеком,— сказал Сихимбаев.

Это было в 1946 году.

И вот, десять с лишним лет спустя, мы снова идем по знакомой дороге, что, скользнув из ворот тридцать первой шахты, ведет в горняцкий поселок. Как живут, как чувствуют сейчас себя Бекбусын и Амангельды, его приемный сын? Открываем дверь. Навстречу нам выходит старик с тонкими чертами лица. Это он, наш Беке. Он все такой же быстрый в движениях, все так же заразителен его смех. Только совершенно белые усы да обильно посеребренная голова заставляют верить, что ему уже 87 лет.

— Спасибо, что пришли,— улыбаясь, говорит старик,— невольно одному сидеть в квартире.

— А где же ваши домочадцы?

— Ульгели и Укажан на работе, Амангельды в школе, а невестка пошла гостей приглашать. Сегодня ведь наш Амангельды именинник.

Вскоре начали собираться гости. Стол был накрыт. Ждали виновника торжества. Вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежал рослый яснолицый мальчик в форме школьника с пионерским галстуком на груди.

— Амангельды, сынок. Мы тебя ждем! — радостно воскликнул отец. Амангельды положил портфель и, подбежав к Бекбусыну, крепко обнял его. Румяное лицо мальчика осветила улыбка счастья. И не было в этой улыбке ни капли былой грусти.

Семейный праздник был в разгаре, когда у окон сихимбаевского дома, скрипнув тормозами, остановилась «Победа». В комнату вошел Тусуп Кузембаев с женой.

— Извини, Беке, за небольшое опоздание,— проговорил горняк, здороваясь.— Старуха виновата: долго наряжалась.

— Извиняю, Тусуп. Только за опоздание положен штраф,— помогая гостям раздеться, шутил аксакал.

— Наливайте им штрафную!

— Штрафную! — зашумели веселые гости.

— Ну, что ж, штрафную, так штрафную,— Кузембаев взял наполненный бокал, неспеша оглядел гостей.— За счастье Амангельды, за здоровье его отца!

Раздался тоненький певучий звон бокалов. За праздничным столом друзья вспомнили свою молодость, своих старых товарищей, вместе с которыми в тяжелые дореволюционные годы они делили и радость и горе.

— Эх, увидели бы Жуковский и Полиенко сегодняшнюю нашу Караганду! — задумчиво говорит Бекбусын.— Не дотянули, жаль...

— Да, годы идут,— согласился Тусуп.— Помнишь старика Григория Яковлевича Парфенова? А теперь уже его внук Константин Ильич на пенсии.

— Нет. Говорят, всего полтора месяца посидел дома и снова на шахту потянуло,— в помощники главного инженера на девятнадцатую-бис пошел,— уточнил Сихимбаев.— На той же шахте его сын Виктор проходчиком работает, это — уже правнук старого кузнеца Парфенова.

— Ну, а ты, Беке, тоже все никак не можешь расстаться с шахтой? — спросил Кузембаев. Бекбусын поднял влажные поблескивающие глаза, тихо улыбнулся:

— Нет, брат, уговорили.— Он кивнул в сторону оживленно беседовавшей за столом молодежи.— Теперь их черед садиться наперед. Вчера я передал свою шахтерскую лампочку молодежной бригаде Виктора Гусельникова...

Старик не сказал, что по просьбе молодежи бригаде Гусельникова присвоено его, Сихимбаева, имя. Но Тусуп понял: шахтерская лампочка Бекбусына — это эстафета, которую приняли из рук старой горняцкой гвардии достойные продолжатели их славных традиций.

Беседа с другом, Беке вспомнил о недавно полученном им письме из Германской Демократической Республики. Он вышел из-за стола, взял на этажерке розовый конверт. На конверте немецкими буквами аккуратно выведено: «Казахская ССР, г. Караганда, Заводская, 12, Сихимбаеву Бекбусыну».

Гости, с любопытством поглядывая на заграничные почтовые штемпеля, утихли. Кто-то спросил:

— А как же мы будем читать, ведь оно написано по-немецки?

— Уж перевод есть,— передавая письмо Амангельды, сказал старик.— Ну-ка читай, сынок.

— Интересно, что пишут из Германии...

Амангельды подошел к столу и начал читать:

«Дорогой коллега Бекбусын! Прежде всего поздравляю тебя, твою семью и всех горняков вашей шахты с наступающим праздником Первого Мая. С большой радостью я получил твой адрес. За это я благодарен Цен-

тральным Комитетам работников профсоюза угольной промышленности наших стран — Германской Демократической Республики и Советского Союза.

Многоуважаемый коллега, разреши представиться. Я — Эрнст Фишер, 46 лет, женат, горняк по профессии, коммунист. Происхожу из горняцкой семьи, тружусь на шахте «Вахта мира» в саксонском городке Шнейберге. Мой трудовой стаж — 28 лет. С прошлого года работаю запальщиком. Мы добываем уголь для лагеря мира. Это вселяет в нас веру в большое будущее. Угроза атомной войны не пугает рабочий класс. У нас лучшие перспективы и хорошие стремления. Ваш XX партийный съезд открыл и нам ясную дорогу в будущее. Я рад, что в развитии нашей угольной промышленности есть, дорогой Бекбусын, и доля твоего участия. У себя мы стремимся широко использовать опыт горняков Караганды. Без вашего богатого опыта нельзя двигать технику вперед.

Получив твой адрес, я обратился к моим верным друзьям — книгам и понял, как огромна ваша страна. Я думал: как это они, черт возьми, за такой короткий срок выстроили город с населением в 170 тысяч человек, и этот город по добыче угля стоит на третьем месте в вашей стране. Мне верится, что наша переписка будет интересной. Я и потому был бы рад получить от тебя письмо, что являюсь внештатным корреспондентом нашей горняцкой газеты «Голос народа». Меня избрали членом окружкома и партбюро. Твои письма я буду зачитывать на собраниях и аккуратно на них отвечать.

Вот что меня интересует на первых порах. Ваш бассейн существовал и до революции, хотя города тогда не было. Какие изменения произошли за это время в жизни и труде горняков? Как выросла производительность труда? Сколько вы зарабатываете? Как жили раньше? Каковы ваши национальные обычаи? Когда наступает право на пенсию? Сколько дней в году длится ваш трудовой отпуск? Пусть тебя не смущает обилие вопросов. Отвечай, на что считаешь нужным. Еще раз от всего сердца приветствую тебя. Глюкауф, мой друг.

Эрнст Фишер».

Гости оживились.

— Что же ты ему ответил. Беке? — спросил Куземаев.

— Ответное письмо написал, но еще не отослал.

— Вот хорошо. Ну-ка прочитай, если не секрет, что ты написал немецкому товарищу.

Старик взял с этажерки белый конверт с изображением московского Кремля. На конверте уже написан адрес: «ГДР, город Шнейберг в Саксонии, улица Карла Либкнехта, 22, Эрнсту Фишеру».

«Здравствуй, Эрнст! Меня очень обрадовало твое письмо. В семье и в кругу друзей мы по несколько раз перечитывали его. Я шлю ответные поздравления и пожелания успехов в труде. Несколько слов о себе. Из 87 лет жизни труду под землей я посвятил семьдесят. До Великого Октября неизмеримо щедрая углем Караганда казалась скупцом, не желающим отдать и тысячной доли своих богатств. Посуди сам, чтобы довести добычу угля до 200 тонн в сутки, русским и иностранным предпринимателям потребовалось шестьдесят лет. А сейчас столько топлива в нашем бассейне добывается менее чем за одну минуту. За все 60 дореволюционных лет капиталисты добыли немногим более миллиона тонн топлива, а теперь такое количество добывает за один год одна шахта имени Кирова, а на открытых разработках — одна бригада экскаваторщиков. Вот они, какие изменения, дорогой Эрнст, произошли у нас за годы Советской власти. И еще одна цифра. Сейчас наша Караганда дает вдвое больше угля, чем добывалось накануне первой мировой войны во всей царской России. Не та сейчас техника, не те и люди. Мы гордимся тем, что у нас в Караганде на нашей тридцать первой шахте впервые в мире был изобретен и внедрен в производство горный комбайн С. С. Макарова. Механизаторы нашей шахты Федор Бушинский и Василий Величкин недавно установили мировой рекорд производительности труда, добыв комбайном за месяц 30 500 тонн топлива. Мы можем похвалиться также и тем, что наш бассейн занимает первое место в Советском Союзе по механизированной добыче угля.

Должен заметить, что данные о Караганде, почерпнутые тобой из книг, явно устарели. Жителей в моем городе сейчас уже не 170 тысяч, а почти полмиллиона. До революции в Караганде была одна трехклассная школа. Ее посещали 40 детей. А теперь в моем прекрасном городе насчитывается около ста школ, в которых обу-

чается 60 тысяч учащихся, три института и столько же техникумов, несколько технических училищ, государственный институт проектирования шахт, филиал научно-исследовательского института угольной промышленности, больше сорока клубов и кинотеатров, Дворец культуры горняков. Я пишу тебе обо всем этом потому, что с постройкой каждого дома, каждого культурного учреждения улучшалась и моя жизнь. Из обездоленного кочевника я вырос в квалифицированного горняка, стал уважаемым человеком. Мой друг Тусуп Кузембаев от рядового забойщика вырос до начальника шахты. Правительством присвоено ему звание Героя Социалистического Труда, награждено тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Сейчас мы отдыхаем, государство обеспечивает шахтеров высокими пенсиями. Передай, дорогой Эрнст, привет шахтерам Саксонии. Пусть они не жалеют сил для увеличения угледобычи, ведь ваш уголь, как и наш,— это укрепление мира».

Смахнув платком со лба капельки пота, улыбнулся:

— Ну как, не слишком ли государственное получилось письмо?

— Ничего, нормально написано,— отозвался Кузембаев, и, подмигнув поглядывавшим на пустые стаканы гостям, добавил: — За твою, Беке, дружбу с Эрнстом Фишером, я готов не штрафную, а такую, добровольную рюмку выпить!

Черноглазая пионерка Майраш, дочь Мустафы Айткулова, легко перебирая перламутровые клавиши аккордеона, запела чистым звонким голосом:

**Уголь черный идет из лавы,
И над каждой шахтой звезда.
Это город шахтерской славы,
Это наша Караганда.
Зелень парков, леса на стройках,
Школы, клубы, дворцы — везде.
Каждый хочет в труде быть стойким
В нашей угольной Караганде!**

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>От автора</i>	4
Аппак Байжанов	5
Волшебный камень	9
Незнакомый гость	14
Торговая сделка	19
Спор у сопки Ак-Шоки	22
Рождение нового класса	25
На берегу Талды	30
Бекбусын, сын Сихимбая	35
Доскей	42
Братья по классу	54
Первый рабочий союз	63
Флаг над Успенкой	84
Слово документам	94
«Жердь в крагах»	99
Локаут	112
Переселенцы	117
Смело, товарищи, в ногу	124
Незабываемые годы	135
Встреча с Адильбеком Майкутовым	146
Заря новой жизни	154
Эпилог	159

Федор Прокофьевич Михайлов

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

Редактор *Д. Фарбер*. Ответ, по выпуску *З. Швидко*.

Худож. редактор *П. Л. Дубров*.

Оформление худож. *Ю. Сапожникова*. Техн. редактор *Б. Турубаев*.
Корректор *З. Самойленко*.

Сдано в набор 9/VI-1958 г. Подписано к печати 16/X-1958 г.

Формат 84X108 1/32—5,25×8,61 п. л. (8,9 уч.-изд. л.).

Тираж 1200 экз. УГ05935.

Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Панфилова, 143.

Цена 3 р. 60 к.

Заказ № 1640. Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры
КазССР, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

3 руб. 60 коп.

КАЗГОСИЗДАТ 1958